

НАДЕЖДА СОКОЛОВА

Его

любимая
ведьма

16+

Annotation

Трудно нашей современнице жить в сказочном мире среди известной нечисти. Попробуй объясни Кощею Бессмертному, писаному красавцу, что вы с ним не пара. Он считает иначе и всеми силами пытается завоевать возлюбленному. А говорящий кот и собственная дочь ему в этом помогают. Ну и что делать? Сражаться за возвращение домой? А на Земле ли он, тот дом? Данная диалогия объединяет в себе уже опубликованные книги: "Поллюбить ведьму и выжить", "Как Кощей с ведьмой уживался".

- [Надежда Соколова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Эпилог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Надежда Соколова
Его любимая ведьма

Глава 1

Где же сказка? Где же чудо?

Неожиданности где?

Здесь деревья, как и всюду,

отражаются в воде.

Песня из фильма «Тайна Снежной Королевы»

На краю края земли, где небо ясное

Как бы вроде даже сходит за кордон,

На горе стояло здание ужасное,

Издаля напоминавшее ООН.

В.С. Высоцкий. «Сказка о несчастных сказочных персонажах»

– Мама, мама! Он разговаривает! Ну мама! – непоседливый ребенок упрямо тянул меня за передник к порогу, у которого уселся толстый пушистый кот непонятного серо-бежевого цвета.

– Ника, ты же взрослая девочка, – устало вздохнула я, тщетно пытаюсь вспомнить, куда снова дела мобильник, ведь совсем недавно видела где-то эту дурацкую «звонилку», – ты же прекрасно знаешь: коты говорить не могут.

– Все бабы дуры, – раздалось неожиданно от порога. Толстый котяра смотрел на меня презрительно, не забывая при этом тщательно умываться.

– Вот! – торжественно объявила дочь. – Ты слышала?

Я только качнула головой и повернулась к двери, внимательно наблюдая за проходом.

– С вашей стороны некрасиво прятаться, кто бы вы там ни были.

– Но, мама, – растерянно протянула Ника, – там нет никого!

Я демонстративно подошла к порогу, подавив желание отодвинуть ногой нахальное животное, рассеявшись посередине, выглянула наружу. Вправо – никого. Влево – никого. Что за чушь...

– А я говорил, – послышался уже знакомый голос... снизу.

Я посмотрела под ноги. Кот. Чушь.

– Ника, мы лекарства с собой брали? – уточнила я, устало потирая лоб. – Похоже, перегрев. Ну да, тут так жарко...

– Мам! – возмутился ребенок. – Это кот сказал! Ну правда!

По ноге мазнул хвост, а затем...

– Ай! – взвизгнула я, нагнувшись.

Ну точно! Укусил! Вот сволочь! На коже возле коленки виднелись две маленькие ранки. А на меня смотрели оранжевые глаза. Вполне осмысленно смотрели. Психдом на выезде.

– Юлька! – послышался в нескольких шагах от дома недовольный старческий голос. – Юлька, чтоб тебя мухи съели!

Ну вот, аборигены. Сейчас мне наконец-то все объяснят.

– Юлька! – голос слышался уже возле порога. – Юлька, ты почему кузнецу...

В доме появился низенький сморщенный дед, лет семидесяти-восьмидесяти, не меньше, небрежно оттолкнул ногой недовольно зашипевшего кота, требовательно повернулся ко мне.

– Ты кто? Где Юлька?

– Я Даша. Не знаю, – честно ответила я на оба вопроса.

– Вот же с... – дед осекся, заметив Нику.

– Сука, да? – подсказала умненькая дочь.

– Ника! Не смей выражаться! – возмутилась я и вежливо уточнила. – Простите, а вы кто?

– Дед Пихто, – буркнул гость. Похоже, вежливости здесь учили только меня. – Ну что смотришь? Зовут меня так: дед Пихто. Староста я деревенский. Где эта... Юлька? Какого... лешего...

– Она сказала, что уедет на неделю, в отпуск, – сдала я нерадивую подругу.

– А, то есть ты ее знаешь? – прищурился дед, оглядывая меня с ног до головы.

– Мы с детства дружим, – странные огоньки, в буквальном смысле загоревшиеся в серых глазах гостя, мне не понравились.

– С детства, говоришь, – нехорошим тоном протянул Пихто. – А это кто? Дщерь твоя? – он кивнул в сторону Ники.

– Дочь, да, – кивнула я.

– Чудно, – непонятно чему обрадовался старик. – Дарья, говоришь? Дружите, говоришь?

Я настороженно кивнула, в мыслях уже прикидывая, как можно аккуратно обезвредить явно помешавшегося местного жителя и с помощью чего вызвать «скорую». Чувствую я, перегрев не только у меня...

– Так что ж ты, мухи тебя раздери, стоишь! – вскинулся дед. – Пошли в деревню!

– Зачем? – где-то я читала, что с психически нездоровыми нужно разговаривать ровно, если не ласково, и ни в коем случае не спорить, если нет желания подальше от них улепетывать.

– Как зачем? – неприятно изумился «Пихто». – У Глашки Буренка рожает. Телят принять надо, да самой Глашке настоечки дать, чтоб не орала, как резаная.

– А я тут при чем? – Глашка, Буренка, телята... Сегодня очень жаркий день, да... Какая Глашка? Тут в нескольких километрах ни души. Я сама всё вокруг внимательно осмотрела, когда утром приехали.

– Как при чем? – разозлился дед. – Ты же ведьма. Вот и помогай. Раз Яга сбежала.

Хрясь. Ой. Кажется, я села на мобильник. Осталось понять, как он на полу оказался.

– Эй, деваха, ты что это?

– Мама, мамочка!

– Все бабы дуры!

Голоса сливались в непонятный шум, вокруг все вертелось, как на карусели, перед глазами плясали противные черные мушки. Я первый раз в жизни упала в обморок.

– Мама, мам, ну мам! Мамочка!

Когда Ника ныла, она была упорна и настойчива, старалась добиться нужного эффекта. «Ты и мёртвого из гроба поднимешь», – ворчала каждый раз её бабушка.

Пришлось открыть глаза. Пол. Всё тот же. И лица. Всё те же.

– Мамочка! – счастливый ребёнок готов был накинуться на меня, и я порадовалась, что лежу.

– Вот же... Малахольная, – проворчал стоявший надо мной дед. – Вставай давай. К Глашке пойдём.

В моем нынешнем состоянии я готова была идти куда и к кому угодно. Так что встала, покряхтывая, как старая бабка, замученная

ревматизмом, отряхнула пыль с джинсов и майки, взяла за руку взволнованную дочь и кивнула.

– Ведите.

– Так пойдешь? – язвительно спросил Пихто. – А настойки, а травки? Эх, молодёжь!

Травки, настойки. Да где ж я вам... На моих глазах из стены напротив, ранее идеально гладкой, показалась... выдвинулась... в общем, очутилась на той стене широкая полка. С травками, настойками, пузырьками. И холщовой сумкой.

– Ника, – я растерянно посмотрела на дочь.

– Магия, мам, – как недогадливой, объяснил мне чересчур начитанный ребенок.

Ноги подгибались, но до полки я упрямо дошла. Сгрэбла всё показавшееся в сумку, без разбора, сняла передник, снова крепко схватила за руку дочь и решительно повернулась к провожатому. Он фыркнул и вышел за порог.

Приехали мы за город два часа назад. Юлька, моя подруга детства, с которой мы, считай, на горшках рядом в садике сидели, предложила мне приятно провести время в её загородном доме. Вдвоем с дочерью.

– Природа, тишина, птички поют, – убеждала она меня. – К деревенским условиям ты привыкла, поживете с Никой в одиночестве, никто вас трогать не будет. Что там тех двух недель?

В принципе, я была с ней согласна. Родители жили в таких же условиях, какие описывала Юлька, разве что с ванной в доме, поэтому мы с дочкой собрали нехитрые пожитки и на старых, несколько раз битых «жигулях» добрались до домика.

Широкое поле, вдали темный лес, неподалеку извилистая речка. И небольшой деревянный домик, стоявший, как бельмо на глазу. Правда, огороженный, но опять же деревянным забором. Подруга клялась и божилась, что диких зверей тут отродясь не водилось, так что за Нику я была спокойна. Все же природа, свежий воздух, тишина. Когда еще вырвемся из загрязненного шумного города и поспим вдосталь без крика торговки и шума машин?

Поэтому слова деда о Глашке и телятах я восприняла как шутку и решила ее поддержать. Думала, выйдем из дома, оглянемся, посмеемся все втроем.

Вышла. И тут же встала, как вкопанная. Домик окружал лес. Густой такой, сквозь него и не продерешься. Небольшая полянка прямо перед жилищем практически не обогревалась солнцем. Вокруг – приятный полумрак. И узенькая ниточка дороги впереди. Причем появилась та «ниточка» только после того, как мы спустились по ступенькам. Чертовщина какая-то.

– Ну что встала? – буркнул недовольный незапланированной задержкой дед, – там, небось, Глашка уже голос сорвала!

Глашка, да. Телята...

Голова закружилась, но я лишь еще крепче стиснула руку дочери и заставила себя шагнуть на тропинку.

Шли мы минут десять. Дочь пришлось отпустить – на тропинке вдвоем мы не помещались. Так что впереди шагал Пихто, за ним – Ника, в конце плелась я.

Запретив себе думать о реальности происходящего, я тщетно пыталась понять, чем могла помочь непонятым Буренке и Глашке. Скромная учительница истории в средних классах общеобразовательной школы, от медицины и травничества я была так же далека, как Земля – от Солнца. Но вот иду же, якобы в деревню, с сумкой, а в сумке настойки. А ну как не ту настойку дам? И кому отвечать за возможные последствия? Правильно, мне...

Я тихонько вздохнула. Лес ответил шумом листьев.

Раз шажок, два шажок, три... – так в детстве я учила ходить Нику, теперь же, словно деревянная, переставляла ноги сама. Густые деревья постепенно поредели, впереди показался небольшой зеленый луг с травой по колено. За ним вроде бы деревня. По крайней мере, крыши видны были издали.

Место появилось, и я решительно схватила за руку шедшую впереди дочь. Она только мученически вздохнула, но вырваться не стала, понимала: бесполезно, тем более в моем нынешнем состоянии.

Дошли мы до деревни довольно быстро, я успела придумать всего два сценария дальнейших событий: негативный и сильно негативный. До очень сильно негативного пока не дошла.

Деревня гостеприимно встретила нас крытыми соломой крышами, лаем собак и воем.

– Глашка воет, – сходу определил наш провожатый.

Дородная бабища минимум в три моих обхвата сидела на пыльной земле возле хлева и ревела с подвываниями. Рядом с растерянной мордой стояла корова. Телят я не заметила.

– У-у-у! – выла баба

– Му-у-у-у! – вторила ей корова.

– Простите, – почувствовав толчок в спину от Пихто, робко обратилась я к сельскому дуэту, – вам плохо?

– Телок... – еще активней зарыдала баба.

– Что телок? – не поняла я. – Помер?

– Типун тебе на язык! – мгновенно замолчала и сразу же взвилась баба. – Шесть ног у него! Шесть! И где эту Ягу носит?! Обещала же помочь, когда моя Бурёнка... Когда срок подойдет... – вновь залилась горькими слезами собеседница.

Из просторного деревянного хлева за спиной бабы послышалась непонятная возня, потом оттуда выглянула довольная мордашка вымазанной в грязи Ники.

– Мама! Тут теленок! На шести ногах!

Я снова вздохнула. А ведь и джинсы, и майка у ребенка еще час назад были чистыми. Вот отвлекись на секунду, и эта егоза на край света умчаться успеет...

Сумка с лекарствами оттягивала плечо. Я нерешительно посмотрела на продолжавшую прочувствованно выть бабу, перевела взгляд на темное «нутро» хлева, почувствовала очередной толчок от Пихто и, сняв с плеча это сборище склянок, принялась там копаться в надежде отыскать что-нибудь подходящее.

К моему удивлению, и склянки, и колбочки, и пузырьки оказались подписанными.

«От гнева», «для доброты», «после ссоры», «грусть и сон», «множество улыбок», «веселый смех», «легкий шаг»... Оригинальное у Юли чувство юмора.

На глаза попался небольшой фигурный флакончик, весело переливавшийся в лучах полуденного солнца.

– «Успокой-настой», – прочитала я, пару секунд посомневалась, боясь представить себе возможные последствия ошибки, потом все же повернулась к сопровождавшему меня деду. – Во что налить...

– Так отдай, – небрежно отмахнулся Пихто.

Ладно, как скажете. Открутив завинчивавшуюся крышку, я аккуратно подала флакончик ревевшей бабе.

– Вот, выпейте, вам станет легче.

Честно говоря, я очень сильно сомневалась, что сидевшая на земле профессиональная истеричка меня послушает. Но уж слишком сильно хотелось домой, пусть и в неказистый домик Юльки. Нужно было отдохнуть и всё обдумать.

К моему удивлению, баба выть перестала, взяла двумя толстыми пальцами небольшой флакончик и покорно опрокинула его в себя. Затем она резко мотнула головой, встала и как робот зашагала к высокому деревянному дому возле хлева.

– Ника, – позвала я дочь, внимательно наблюдая за бабой. Не нравилась мне ее походка, что-то неестественное в ней было, – заканчивай играть. Мы уходим.

– Ну мам, – выглянула из хлева радостная чумазая дочь, посмотрела на мое решительное лицо, тяжело вздохнула и покорно поплелась назад рядом со мной.

Добрались мы без приключений, по той же вьющейся между деревьями тропинке, по которой шли в деревню, правда, уже без Пихто. Он, выполнив свою миссию, просто исчез, растворился в воздухе, заставив дочь восхищенно присвистнуть. Одергивать Нику я не стала – сама находилась в подобном состоянии.

– Мам, а где наша машина? – дочь оглянулась вокруг, едва зайдя в огороженный высоким частоколом двор.

– Понятия не имею, Ник, давай сначала пообедаем, потом будем думать, что делать дальше, – устало потерла я лоб ладонью.

Девятилетний ребенок радостно подхватился и ураганчиком умчался в дом. Я, оставшись наедине с собственными скакавшими галопом мыслями и густым лесом, на несколько секунд прикрыла глаза. Увижу Юльку – придушу собственными руками. Или понос нашла. Ведьма я, или кто? Это ж надо было так подругу подставить. Баба Яга недоделанная. Чтоб ей икалось пару суток без перерыва.

Из дома донеслись шум, крики, затем – звуки, напоминавшие битье посуды. Я встряхнулась, повернулась и решительно направилась к ступенькам. Не знаю, кто и что там бьет, но придушу любого.

Зашла. Оценила раздрай. Отыскала виновников. И кот, и дочь, секунду назад весело носившиеся по всему помещению, замерли

столбиками.

– Ника, останешься без ужина. Ты, как тебя, запру в комнате и мышей давать не стану. Вон оба!

Как я не сорвалась на крик, сама не понимаю. Два бессовестных разрушителя тихонько, почти неслышно, прошмыгнули во двор. Я тяжело вздохнула: порванный острыми кошачьими когтями и каим-то чудом скинутый на пол тяжелый матрас, деревянный остов кровати, весь исцарапанный, побитая глиняная и фаянсовая посуда, черепками валявшаяся у окна, опрокинутые стулья и пустой, уже негостеприимный стол, разодранные в клочья занавески, сиротливо лежавшие на полу... В груди поднялась буря возмущения. Что подруга, что дочь – напакостили, и в кусты! А мне тут корячиться, убирать! Да я!..

С пальцев мгновенно сорвались яркие искры, закружили по комнате в странном танце, всё вокруг на миг замерло, время словно остановилось. А потом... Потом начала сама собой собираться разбитая посуда, затем исчезли царапины на кровати, вернулся на место матрас, повисли там, где и должны быть, занавески...

Когда я пришла в себя, в доме была идеальная чистота. Я испуганно ойкнула, снова села. Снова на пол. Что за чертовщина. Магии не бывает совсем. Всё это чушь собачья...

– Мам, – дверь осторожно открылась, в комнате появилась темненькая головка Ники. – Мамочка, а что...

– Ведьма, – восхищенный голос кота пролился бальзамом на мою израненную душу.

Ну да, действительно, кто б еще меня похвалил. Только кот. Говорящий. Дашенька, девочка, психушка по тебе плачет...

– Так, – я попыталась подняться, но увидела перед глазами звездочки, а тело почему-то ощущалось, как ватное, – Ника, доставай из сумок вещи. В клетчатой – посуда, в зелёной – продукты.

– А ты? Мам? – и до чего у меня понятливый ребенок... Смотрит так пытливо и немного испуганно.

– А я... Доползу до кровати и полежу...

Сознание покинуло меня второй раз за день.

Очнулась я и правда на кровати, вот только кто и когда меня туда перенес?

– Мамочка! – Ника вскочила со стула у стола, на котором рисовала, подскочила ко мне, начала привычно тараторить. – Мамочка, дед Пихто приходил, что-то про ту Глашку говорил, Баюн за мышами ушел, к тебе кто-то стучался, а я не открыла. А ещё...

– Ник, стоп, – чувствовала я себя намного лучше: сил прибавилось, слабость и сонливость исчезли. Теперь я готова была и к Глашке повторно сходить, и с Пихто пообщаться, и непонятному Баюну еды дать, вот только... – На улице что, вечер?

– Ночь уже, мамочка! Я дверь на засов закрыла. А...

– Ника... – я приподнялась с постели, внимательно глядя на шар нежного молочного цвета, зависший в нескольких сантиметрах от поверхности стола. – Что это?

– Где? – удивленно обернулась дочь. – А, так мне темно стало, я пожелала, он появился.

Угу. Гарри Поттер доморощенный. Ладно, как говорила Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра». Сперва надо решить насущные вопросы.

– Ника, ты ела?

– Конечно, мамочка! А вот Баюн...

– Кто? – не поняла я, встав с постели и размышляя над дилеммой: то ли снова в обморок упасть, то ли съесть что-нибудь.

– Кот, мам.

– Его Баюном зовут? – желудок сам подсказал правильный ответ.

– Нет, тётя Юля его Васькой зовет, но, мам, это ж не солидно!

Правильно, поделом мне, горе-матери. Буду меньше ребенка умным словам учить и прекращу о жизни с ней разговоры вести...

– Ника, убирай свои рисунки. Давай ужинать.

Шар продолжал висеть над столом и прилежно освещать комнату, пока мы с дочерью разбирали сумки и готовились к ужину.

– Мам, – позвал ребенок, наколов на вилку кусок ветчины, – у тебя глаза другие стали. И волосы.

Устав удивляться, я сначала прожевала кусок сыра и только потом уточнила:

– Что значит «другие»?

– Ну... – протянула Ника, запивая еду соком, – цвет другой... Глаза – зелёные, волосы – белые, как у блондинки.

Прощайте, каштановые пряди и синие глаза. Зеленоглазая блондинистая ведьма? А что, звучит. Как раз для какого-нибудь

фильма ужасов со мной в главной роли. Смотреть на себя в зеркало я не хотела: хватит на сегодня потрясений. Хорошо хоть внешность дочери осталась прежней. Её большие карие глаза, обрамленные густыми длинными ресницами, и вечно взлохмаченную темную шевелюру в толпе точно не потеряешь.

Спали мы вдвоем на единственной в доме кровати. У родителей в деревне ночевки тоже были без удобств, так что обе мы к такому сну привыкли.

Ночью мне снились шестиногая Глашка и уставший от жизни телёнок, а ещё Бурёнка, медленно cedившая мою настойку.

Разбудил меня непонятный скрежет. Сначала, спросонок, я решила было, что кто-то пытается просверлить в окне отверстие, затем, помотав головой и придя в себя, догадалась, что звук идет от двери. Встав, я на цыпочках, чтобы не разбудить дочь, подошла ко входу, подумала немного и все же открыла дверь.

На пороге оказалась потерянная живность. Васька? Баюн? Какая разница. Кот вальяжно прошел мимо, намеренно задев пушистым хвостом мою голую ногу, подошёл к столу, повернулся и нахально посмотрел на меня.

– Кормить будешь?

– Ой, мамочка, утро уже? – донесся с кровати сонный голос Ники.

Какое там утро. Солнце еще не взошло. Так, рассвет только. Ещё спать и спать.

– Ника, если проснулась, в туалет и умываться. Ты, как тебя? Васька, Баюн? Где у вас тут удобства?

Работа в школе, помимо уймы минусов, имеет несомненный плюс – помогает довольно быстро развить командный тон. Даже если говоришь негромко, все равно люди тебя слушаются. И коты тоже. Укоризненно взглянув на меня, это не в меру разговорчивое создание показало нам с Никой, где именно на улице нужно искать умывальник и туалет, подождало, пока мы приведем себя в порядок, и потребовало, вновь сидя перед столом, уже накрытым к завтраку:

– Корми.

– А как же мыши? – театрально вскинула я брови. Нашелся тут нахлебник.

Кот самым натуральным образом скривился. Никогда не подумала бы, что у животных такая богатая мимика.

– Вот сама их и ешь. Мясо давай.

Ника прыснула в кулачок и активно заработала челюстями. Я тоскливо покосилась на тарелку с нарезкой.

– Кто бы мне мясо дал. Колбасу будешь?

– Давай, – снисходительно кивнул кот, попробовал упавший на пол кусочек и недовольно зашипел.

– Не нравится? – удивилась я. – Ну уж прости, что есть.

– Дашка! – дверь распахнулась, на пороге появился знакомый дедок, внимательно оглядел наше сборище, подошел, согнал кота с места, пододвинул стул, без разрешения цапнул сыр и хлеб. – Дашка, ты чем Глашку напоила?

Я последовала примеру дочери и начала усиленно жевать. Чем, чем. Что под руку попало, тем и напоила.

– В общем, собирайся давай, ведьма, – разгадал мой маневр доедавший уже второй бутерброд Пихто. – Снова пойдем в деревню, будем Глашку лечить.

– Чем и от чего? – я тоскливо покосилась на остатки нарезки, поняла, что в меня больше не влезет, запила всё съеденное сладким чаем и взглянула на гостя.

– Сама увидишь и решишь. Ведьма ты, али кто.

– Не ведьма, – пожала я плечами.

На сытый желудок никуда идти не хотелось.

– Не была бы ведьмой, не прошла бы в дом, – последовал вполне логичный ответ.

Я вспомнила искры, возникшие во время уборки, потрясла головой, зажмурилась.

– Может, и ведьма, – согласилась с Пихто, – только не знаю ничего.

Отговорка, естественно, не подействовала, и мы с Никой вскоре снова входили в деревню. На этот раз встречала нас тишина. Ни плача, ни крика, ничего. Даже, казалось, птицы петь перестали.

– Это они от Глашки все спасаются, – пояснил дед.

Я поправила на плече сумку и уточнила:

– Почему спасаются?

Ответ появился из-за угла, шатающийся, с измазанным золой лицом, в рваной одежде и с запахом... Перегаром, что уж там.

– Пить... – протянул «ответ», и я по голосу узнала Глашку.

– Воду не пьет, самогонки на нее не напасешься, – сообщил Пихто. – Чем ты ее вчера поила-то?

Если б я помнила...

Пока Глашка не дошла до нас, время найти настойку было, и я стала рыться в сумке. «От гнева», «для доброты», «после ссоры», «грусть и сон»... «От доброты» бабе сейчас точно не надо было. «От гнева»? Так она вроде и не...

– Мама, а телёнок рычит, – сообщил непоседливый ребенок, выглядывая из хлева.

Я мельком глянула в сторону дочери, отметила краем сознания еще не грязную одежду, пропустила мимо ушей слова и, посомневавшись немного, достала «Веселье и радость».

Стараясь не думать о составе настойки, я протянула пузырек подошедшей Глашке и велела:

– Пей.

Глава 2

Ты уймись, уймись, тоска

У меня в груди!

Это только присказка -

Сказка впереди.

В.С. Высоцкий. «Лукоморья больше нет»

В заповедных и дремучих, страшных Муромских лесах

*Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх.
Воем воем, что твои упокойники.*

Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!

В.С. Высоцкий. «Песня про нечисть»

Дома нас с дочерью ждал довольный собой кот. А на деревянном пороге лежала...

– Крыса! – завизжала на ультразвуке перепуганная Ника.

Я присоединилась к ней, оглушив своим визгом и ребенка, и нахальную живность. На пальцах вновь появились искры, крыса сама собой подпрыгнула, перекувырнулась в воздухе и понеслась на ошеломленного моим вероломным поведением кота. Следующие две-три минуты мы с Никой, обе резко замолчавшие, с удовольствием наблюдали, как Васька пытался скрыться от собственной добычи в лесу, то носясь по траве, то залезая на деревья, то учась летать. Деревья, словно подчиняясь моей воле, расступались на всем пути кота и охотно демонстрировали нам его перепуганную тушку.

– Ника, пойдем домой, – я кивнула на освободившийся проход. – Пусть этот боец почувствует себя в роли добычи.

Дочь хихикнула, а потом спросила.

– Мам, а ты сегодня готовить будешь? Или на обед – остатки сыра и колбасы?

– Ты тут где-то видишь печь? – приподняла я брови в удивлении, мысленно гадая, чем мы будем питаться до конца импровизированного отпуска.

– Тут же магия, мам! – сообщил мне ребенок уже из комнаты.

Да, действительно. Как же я могла забыть. Осталось научиться этой магией пользоваться.

Электричества в доме предусмотрено не было. А вот большая печь, как в русских народных сказках, выдвинулась из стены, подчиняясь моему желанию. Я скептически посмотрела на нее, перевела взгляд на довольную жизнью дочь, подавила вздох. Готовить на ЭТОМ я не умела. В деревне у родителей стояла электроплитка, плюс – обычная, газовая, в летней кухне. Да спрости я любого старожилу лет восьмидесяти-девяноста, каждый день греющего кости на завалинке, умеет ли он использовать такую вещь, он тут же покрутил бы пальцем у виска.

– Давай сначала доедим остатки нарезки, – решила я, – кот ее все равно не оценил. Не пропадать же добру.

Пока дочь послушно жевала сыр с колбасой, я сидела у окна и старательно выдумывала всевозможные виды казни для любимой подружки. В том, что меня подставили, причем намеренно, я уже не сомневалась. Но вот причина? Зачем Юльке, прекрасно знавшей мою безрукость в быту и полную непригодность к старославянской жизни, отправлять меня в эту гущу? Я ведьма? Да шаз, угу. В тринадцатом колене.

– Мам, – позвал забытый ребенок, – там в дверь стучат. Чужой кто-то. Открывать?

Я встрепелась, тряхнула головой, прислушалась. Действительно, стучат.

– Почему чужой? – вспомнила я слова дочери, подходя к порогу.

– Не знаю, – пожала плечами Ника. – Я так чувствую.

Прелестно. Просто прелестно.

Я открыла дверь и уставилась на незнакомца. Высокий широкоплечий, явно накаченный брюнет с глазами болотного цвета ответил мне злым взглядом.

– Ты кто еще такая? И где эта... – мужчина осекся, видно, заметил Нику, прижавшуюся к моему боку. И кого сюда принесло?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась я, – если вы ищете Юлю, то она уехала.

Мужчина осмотрел нас с дочерью с ног до головы, потом зло прищурился.

– Две ведьмы, сил хоть отбавляй, а ума ни у одной нет. Везёт мне... Войти дашь?

Я было хотела ответить разрешением, но в голову почему-то полезли сказочные предостережения о том, что нельзя пускать нечисть в свой дом, иначе... Что «иначе», я не помнила, но предостережение подействовало, и я спросила в лоб:

– Вы нечисть? Вы хотите...

Договорить не получилось: мужчина согнулся пополам от хохота. Странная реакция. То злится, то смеется. Он вообще здоровый?

– Я кто? – через несколько секунд, отсмеявшись, разогнулся мужчина, – Я – нечисть? Ты меня, Кощея, нечистью назвала?

Приехали. Вот только Кощея мне тут и не хватало.

– Кощей? – тем временем напомнила о себе Ника. – Настоящий? А правда, что ты Бессмертный? А смерть твоя в яйце, да?

Мы с мужчиной синхронно залились краской.

– Ника, – одёрнула я дочь и посторонилась, давая гостю пройти, – заходите, пожалуйста.

Накрыть на стол, конечно, недолго, вот только чай Кощею не предложить: с самоваром я управлять не умела, электричества в домике не было, так что мы с Никой пили бутилированную газированную и обычную воду, привезенную с собой на всякий случай. Гостю я честно предложила нарезку и хлеб, показала на бутылку с минералкой. В ответ получила взгляд, которым обычно смотрят на умалишенных. Впрочем, предложение мое все же было принято, и Кощей начал неспешно жевать самодельный бутерброд, запивая его обычной водой.

– А ты... – начала было не умевшая молчать Ника, но я резко оборвала ее.

– Кто тебя учил к взрослым людям обращаться на «ты»?

Ребенок удивленно моргнул.

– Мама, но это же не настоящий человек, это же просто сказочный персонаж!

Рядом послышался надрывный кашель. Похоже, кому-то сыр с колбасой комом в горле встали.

– Ника, – сурово сдвинула я брови, – никакого «тыканья». Ясно?

Ребенок поскуchnел, обиженно скуксился, кивнул и задал вопрос по-другому.

– А вы правда в лягушек превращать умеете? У меня подружка есть, сможете ее превратить?

Я закатила глаза, Кощей закашлялся во второй раз, отставил в сторону еду и, проигнорировав вопрос Ники, повернулся ко мне.

– Мне нужна невеста.

– И что? – не поняла я.

– Баба Яга должна была сыграть её роль. Теперь ее нет, а раз так, играть придется тебе.

– Зачем? – да, оригинальность – не мой конёк, но никаких мыслей в голове, кроме очень нецензурных, не было.

– Мы тут ненадолго, – влезла неугомонная дочь, – а тетя Юля скоро приедет!

– Понятия не имею, кто такая «тетя Юля», – гость, оправившись от детских вопросов Ники, казался воплощением спокойствия и невозмутимости, – но в договоре сказано: «Та, кто проживает в этом доме, должна стать невестой Кощей».

В воздухе появился свиток, обычный, древнерусский, на котором наши предки писали. Он завис перед моими глазами, развернулся и загорелся разными цветами.

Зная Юлю, мастерицу формулировок, я поверила сказанному, даже не вчитываясь в содержание: старославянская письменность сейчас никак не хотела складываться в привычные слова.

– Надолго? – отвернувшись от списка, я взглянула на невозмутимого Кощей.

– Пока гости из дворца не разъедутся, – последовала размытая формулировка.

Ехать не хотелось. Становиться невестой – тоже. Спасибо, мне хватило первого неудачного «брака».

– Я не могу бросить дочь, – озвучила я первую пришедшую в голову формулировку.

– Вдвоем поедете.

– Втроем, – в полуоткрытую дверь заглянул кот.

– Ты? – повернулся к Ваське Кощей.

Судя по голосу, гость был сильно удивлен увиденным.

– Я, Кощеюшка, кто ж ещё, – какая богатая у этого животного мимика. Не знала, что звери умеют ухмыляться...

Отправились в путь через час: пока гость с котом о чем-то своем неспешно беседовали у калитки, мы с Никой собирали вещи. Закончив со сборами, направились по другой тропинке вглубь леса. Кощей – впереди, за ним, по воздуху, наши с Никой сумки, потом – дочь, я, кот. Необычная процессия.

Дошли до небольшой поляны, первой, увиденной мной в этом темном лесу, вышли на освещенный солнцем правильный круг – кто-то намеренно высаживал деревья так, чтобы они окружали поляну, как стражи, ни малейшего просвета между стволами, даже странно, как мы внутрь попали. Еще более странным казался невысокий пенёк, уверенно возвышавшийся над зеленой травой. У меня появилось ощущение, что его сюда откуда-то переместили, слишком уж искусственно выглядел он среди круга света, которым была залита поляна.

Кощей приказал нам с дочерью подойти поближе, к самому пеньку, что-то пробормотал, сделал пассы руками, и спустя секунду мы очутились перед настоящим дворцом. Трехэтажное здание мало было похоже на древнерусские постройки. Да и в Европе я не припомнила ничего подобного. Массивные ворота, ажурные арки, стройные башенки, широкий подвесной мост соседствовали с изящными флюгерами, странными мужскими, женскими, звериными фигурами, якобы поддерживавшими постройку. В общем, разные стили были смешаны друг с другом.

А еще меня смутил сам факт перемещения: с полянки прямо ко дворцу? Не видела бы искр на собственных руках, уже пыталась бы дозвониться до докторов. А так...

– Портал, мам, – снисходительно пояснила Ника.

Рядом фыркнул кот. Кощей покосился на нас, но комментировать не стал.

Дворец встретил нас величественной тишиной.

– Стоит отлучиться на минутку, – ухмыльнулся в усы кот, – как гости разбегаются сами.

Наш хозяин нахмурился, хотел что-то ответить, но в это время невдалеке послышался топот. Кто-то торопился, кого-то ловили.

– Дядя! – из-за поворота, ловко срезая углы, вылетел вихрастый худощавый блондинчик лет десяти, не больше. – Дядя! Я...

– Ванька, я кому сказала?! – женщина, топавшая вслед за парнем, была высокой, тучной и раздраженной. – Ваше сиятельство!

– Тихо.

Вот, прямо как я. Сказал, не повышая голоса, а замерли все.

– Ваня, – Кощей повернулся к парню, – это Ника. Она у нас немного погостит. Не обижай ее. Зина, вы присмотрите за детьми. Сейчас идите втроем в детскую.

– Мам? – вопросительно повернулась ко мне дочь.

Я мысленно вздохнула. Бедные Зина с Ваней. Кто кого обидит, называется.

– Постарайся тут ничего не разрушить, – я ласково погладила дочь по голове.

Ребенок понятливо кивнул. Да-да, этакая пай-девочка. Если не знать ее близко.

Хозяин иронично приподнял брови.

– У меня тут отличная защита.

О да. А у меня – Ника. Но произносить это вслух я не стала.

– Пойдем, покажу твою комнату и объясню, что конкретно от тебя требуется, – Кощей уверенно направился к деревянной лестнице, довольно высокой на вид.

Я поднималась вслед за ним, держась за гладкие лакированные перилла. Ступеньки не скрипели, шагать удавалось относительно тихо. Комната, в которой я очутилась, напоминала спальню исключительно присутствием кровати. В остальном, благодаря многочисленным ворсистым коврам на полу и стенах, она казалась гостиной или приемной какого-то богатого шаха. Ковры... Пыль...

Грязь я не любила. На пыль у меня была аллергия. Даже не спрашивая, насколько хорошо тут убирают, я по инерции чихнула. Потом еще и еще. Блин, ну вот когда это законч... А-пчхи... Убрать бы их все куда подальше! Или меня! На кончиках пальцев снова замерцали искры. В следующую секунду мы с Кошеем оказались в

чистом поле. Вдвоем. Романтично, да. Округлившиеся глаза мужчины подсказывали, что чувство романтики кому-то явно чуждо.

– Ты...

– Дарья, – прервала я спутника, – можно Даша.

Нет, ну в самом деле, мы ведь даже не представлены толком, он имени моего не знает, а туда же – «тыкает».

Кощей нахмурился, что-то обдумывая, потом поинтересовался:

– Как ты обошла защиту?

– Какую? – удивленно уточнила я.

– Мою.

Разговор начинал напоминать традиционное общение Ники с бабушкой. «Ника, где варенье?», «Какое варенье, бабулечка? Не было ничего!»

– Не знаю, – вспомнила я приемы дочери и часто-часто заморгала, пытаюсь кокетливо работать ресницами.

– Тебе плохо? – последовал участливый вопрос.

Я подавила вздох. Ясно. Кокетство никогда не было моей сильной стороной.

– У меня на пыль аллергия, терпеть не могу ковры, – честно ответила я. – Начала чихать и захотела убрать или ковры, или себя.

– Захотела, – задумчиво произнёс Кощей. – Просто захотела... Дар... Даша, там стояла сильная защита от проникновения и исчезновения. Она не выпустила бы тебя.

Похоже, у кого-то произошел разрыв шаблона.

– Возвращаться мы как будем? – перевела я тему в другое русло. У меня там Ника одна. Без присмотра.

– Ногами, – пожал плечами мой все еще ошарашенный спутник. – Даже я не могу открыть портал отсюда во двор дома.

Жаль...

– Тогда пошли, – я оглянулась, пытаюсь определить, где мы и в какую сторону нужно идти.

Щаз, как говорит Ника. Поле. Вокруг трава. Зеленая. Высокая. Мне по пояс.

– Пошли, – согласился Кощей и язвительно уточнил. – Знаешь, куда?

– Вы – маг, вам положено знать, – пожала я плечами.

– Ты, – перебили меня, – нам на людях жениха с невестой играть. Будет странно, если ты начнешь мне выкать. Поэтому привыкай. И нет, я не знаю, где мы. Не я сюда нас переносил.

В принципе, согласна. Но все же... Нику без присмотра больше чем на пять минут оставлять чревато.

– Если я пожелаю перенестись к дочери, мы вернемся? – посмотрела я на Кощея.

Тот пожал плечами.

– Пробуй.

Попробовала. Не получилось. Нахмурилась, попробовала еще раз. Результат тот же.

Мученический вздох рядом дал мне понять, что мой спутник смотрит на меня так же, как я – на дочь: это такое непоседливое недоразумение, ничего особо не умеющее, но во все активно вмешивающееся. Не особо приятное ощущение.

– Пойдем, – кивнул Кощей вперед, – куда-нибудь, да выйдем.

Странное отношение к собственному незапланированному перемещению. Но делать нечего, пошли. Прямо по высокой мокрой траве. Не знаю, как на это варварство отреагировали сапоги Кощея, но мои кеды, купленные по дешевке, дали понять, что скоро станут ярко-зелеными. Джинсы были с ними солидарны.

– Как ты оказалась в доме Яги? – спустя какое-то время спросил Кощей.

– Она моя подруга, пригласила пожить у неё две недели, сказала, ей срочно надо уехать, – ответила я.

Тихий смешок. Весело, да. Дура я полная. Прибью Юльку.

– Баба Яга и ведьма – подруги. Не слышал раньше о подобном.

– И не услышишь больше, – буркнула я раздраженно, – потому что я ее прибью, когда увижу.

– Ты? – на меня задумчиво посмотрели. Смешок повторился. – Ты можешь, да. – И без перехода. – Эти две недели у меня будут важные гости. Как раз перед ними и нужно изобразить невесту. – Помолчал и добавил. Как кирпичом приложил. – Влюбленную в меня невесту.

Я споткнулась. Понятия не имею, что попало мне под ногу, но не упала я только благодаря тому же Кощею, вовремя поддержавшему меня под локоть.

– Странная реакция на мои слова, – в глазах болотного цвета появилась насмешка. – Что, красная девица, не люб я тебе?

Я дернула рукой, пытаюсь высвободиться из его захвата, но держал Кощей крепко. И ответ ждал.

– Не умею притворяться и не хочу влюбляться, – максимально честно ответила я.

Руку отпустили.

– Разбитое сердце, значит, – сделал правильный вывод мой спутник, задумчиво посмотрел на меня и кивнул скорее своим мыслям, чем моим словам. – Тогда хотя бы гостей кислым видом не напугай.

У меня зачесались руки. Очень захотелось приложить этого умника чем-то тяжелым. Увы, ничего подходящего рядом не наблюдалось. Пришлось снова молча идти по траве.

Минут через десять-пятнадцать на горизонте внезапно показались крыши домов. Похоже, деревня. Еще минут через пять к нам на встречу выбежали босоногие вихрастые мальчишки, поклонились в пояс Кощей и задорно сообщили, что староста рад знатным гостям. Мол, приходите, гости дорогие, горло промочить.

– Как он узнал? – повернулась я к спутнику.

– Это мои владения, – последовал ответ, – тут каждый житель узнает о моем приближении.

Ясно. Опять магия.

Деревня оказалась небольшой, домов двадцать, не больше. Причем крепких таких и домов, и хозяйств. Люди тут явно не бедствовали. Огороды, сады, хлева, курятники – всё так и кричало о собственниках, процветавших под кощейевой рукой.

Староста встречал нас на площади – единственной местной достопримечательности. Пожилой седой мужчина среднего роста с серыми внимательными глазами степенно поклонился в пояс нам обоим и повторно пригласил к себе – отобедать, чем бог послал. Кощей и не подумал отказываться. А у меня появилось нехорошее предчувствие, связанное с дочерью. Ох, как бы, вернувшись, не обнаружить ее на руинах кощеева дома...

Прямоугольный деревянный стол, накрытый цветастой клеенкой, радовал взгляд обилием пищи: ржаной каравай размерами с две моих головы, рассыпчатая гречневая каша, жареная курица, овощи, сыр, в одном кувшине – квас, в другом – морс. Ешьте, гости дорогие, можете

даже лопнуть. Мы и поели. Я молчала, жена старосты, низенькая пышная женщина с бегавшими глазами, тоже. А вот мужчины... И урожай, и соседи, и погода... Что они только не обсудили, разве что религию не затронули. Я вслушивалась в разговор и понимала, что попала куда-то в Древнюю Русь. По крайней мере, жизненный уклад был ну очень похож на то время.

Наконец Кощей поднялся из-за стола, поблагодарил хозяев, галантно подал мне руку, и мы направились в сторону, противоположную той, откуда пришли.

– А...– начала было я.

– Порталом быстрее, – перебил меня мой спутник.

– То есть... ты знаешь, где он находится?

– Конечно, в каждой деревне есть портал для мгновенного перемещения в пределы дворца.

Логично. И как я сама не додумалась.

Мы быстро подошли к темному помещению, больше всего напоминавшему хлев. Кощей завел меня внутрь, снова что-то пробормотал, «поработал» руками, и в следующую секунду мы очутились в густом сером дыму, вонявшем тухлыми яйцами.

– А где... – чистый воздух как-то подозрительно быстро закончился, я закашлялась, – где... мы...

– Дома, – мой спутник тоже кашлял, но в этих звуках натренированным ухом я уловила угрозу.

Секунда, другая, я кашляла, не переставая, но вдруг все исчезло. Остались только мы: кашлявшая я и разозленный Кощей.

– Ванька! – да что ж он орет-то так! Аж в ушах звенит! Была бы я на месте парня, сразу затаилась бы.

Молчание.

– Ванька, чтоб тебя... – Кощей осекся, видно, вспомнил обо мне рядом, замолчал, нахмурился, что-то пробормотал. В воздухе появилась ярко-синяя нить.

– Пойдем, – велел он.

– Куда? – кашель наконец-то прошел.

– Этих паршивцев искать будем.

Пошли. Почему-то за ручку. Якобы так я нить буду постоянно видеть, через Кощей. Я не стала говорить, что и так ее видела, шла молча, наслаждалась чистым воздухом, держалась за широкую и

теплую ладонь. Вот вроде мифологи считают, что Кощей к загробному миру принадлежит, а рука теплая. Да и сам он как-то не очень на мертвеца похож... Получается, неправильный Кощей мне достался...

Детей мы нашли в большой светлой комнате с распахнутым настежь окном, судя по обстановке, детской. Они склонились макушками друг к другу и что-то изучали, стоя возле стола.

– Ваня, – обманчиво ласково позвал Кощей.

Пацан вздрогнул, повернулся, покраснел, втянул голову в плечи.

– Что на этот раз? – все так же по-доброму буквально пропел мой спутник.

– Это мы шкурку царевны лягушки жгли, – храбро выступила вперед Ника, заметила мой крайне заинтересованный взгляд, смутилась и опустила голову. – Ну мам, ну когда еще в сказку попадем, – пробормотала она жалобно.

– Таблицу умножения наизусть мне расскажешь, вместе с правилами русского языка. Всеми выученными за эти годы, – безжалостно сообщила я дочери.

Ника обиженно шмыгнула носом, губы задрожали.

– Прекратить концерт. Иначе без ужина останешься, – добила я ребенка.

Кощей изумленно посмотрел на меня.

– Ты моришь дочь голодом?

– Постоянно, – выдала меня с потрохами обиженная малолетняя любительница сладкого и мучного.

Я страдальчески закатила глаза. Нашли мучительницу. И смотрят оба, что Ванька, что Кощей, как на садистку.

– Видел бы ты, сколько она ест. Тем более, вместе с учебой, это самое действенное наказание.

И пока наш хозяин обдумывал сказанное, я повернулась к парню.

– Где вы, два бандита, нашли царевну лягушку и почему содрали с нее кожу?

Дети заулыбались, Кощей в очередной раз поперхнулся воздухом и закашлялся. Ну да, у него фантазия побогаче, чем у не видевших жизни подростков.

– Во дворе шкурка лежала, – честно ответил Ванька, – Ника подумала, что она от царевны какой-то осталась, я не стал ее отговаривать.

–То есть... То есть... – задохнулась от возмущения и обиды обманутая в лучших ожиданиях дочь, – ты мне соврал?! Да как ты...

– Не думаю... – прервал ребенка задумчивый Кощей. – Вряд ли это была одежда царевны, но обычные лягушачьи шкурки такого эффекта не дают... Ника, – повернулся он к моей дочери, – дай мне ладонь.

Дать ладонь самому Кощею?! Да конечно! Да пожалуйста! Какие там меры предосторожности. Ребенок лет с пяти мечтал попасть в русскую народную сказку, спасти Василису, помочь Ивану, победить того самого Кощея. Так что руку Ника протянула мгновенно. И через секунду над детской ладошкой загорелся зеленый огонек.

– Природная ведьма, и близко серого нет, – внимательно следя за огоньком, медленно проговорил Кощей. – Что ж, надо будет принять меры... – И уже парню. – Ваня, ты показывал Нике наши ужасно страшные подземелья?

Через секунду обоих непосед сдуло ветром из комнаты.

– И что это было? – удивленно спросила я, ни на секунду не поверив в «ужасно страшные подземелья» – слишком живым и цветущим выглядел мальчишка.

– То, что в ни в тебе, ни в Нике, зла нет, а шкурка горела серым, – последовал не совсем ясный ответ.

– Намекаешь, что в ней была заложена какая-то жуткая гадость? – уточнила я.

– Именно. Осталось понять, кто и как ее сюда пронес и для кого она предназначалась...

Я хотела задать еще несколько вопросов, но мой желудок совсем некстати напомнил о своем существовании. Кощей по-доброму улыбнулся. Я покраснела.

Обедали мы вдвоем – дети были заняты исследованием несчастных, пока еще «ужасно страшных», подземелий.

Стол вышколенные слуги споро накрыли в обеденном зале. Гречневая каша, два вида сыров, жареное, вареное, тушеное мясо, сбитень, квас, блины с медом и черной икрой... Желудок издавал пронзительные трели практически непрерывно. Ели мы молча. Я тщетно старалась помнить об этикете и собственной талии: все же сорок восьмой размер – это не сорок второй, радовавший мой глаз до беременности. Да, при росте метр семьдесят пять толстой я пока не

казалась, но упитанной – точно. А с такой мечтой гурмана рисковала вернуться домой вторым карлсоном. Вот только умопомрачительные запахи и таявшая на языке еда ничего слышать не хотели о моих планах.

– Давно вы знакомы с Ягой? – закончив обедать и отставив в сторону тарелку, спросил Кощей.

– С Юлей? – я пожала плечами, думая, не пора ли мне остановиться. Блины никуда не убегут, а вот талия... – С раннего детства.

– И она ни разу не сообщила тебе, кем является?

Странные вопросы. Хотя да, Юльке надо будет намылить бока, когда вернусь.

– Ни разу, вряд ли я бы поверила ей, так что... – я не договорила: внизу прогремел взрыв.

Подскочила я со стула мячиком, забыв о переполненном желудке.

– На детях моя личная защита, – Кощей, в отличие от меня, из-за стола вставал неспешно, – они и на руинах этого дома живые и невредимые окажутся.

– Смотри, не накликай, – я послушно подала ему ладонь, и мы снова направились вслед за синей ниткой.

Подземелья Кощей, как я и думала, встретили нас чистотой, светом, пусть и тусклым, и сильным запахом гари.

Нитка упорно вела куда-то вглубь дома.

– Ужина, говоришь, лишаешь? – повернулся ко мне хозяин имения с нездоровым блеском в глазах. – Знаешь, я уже не считаю, что это плохая идея...

– Ты догадываешься, куда мы идем?

– В сокровищницу. Туда вход закрыт. Причем закрыт мной лично, фамильным заклинанием.

Да? Что ж это заклинание оказалось таким хилым? Или то не заклинание виновато, а дети, с их непонятной силой?

Упомянутые дети, грязные с ног до головы, как ни в чем не бывало стояли возле развороченной деревянной двери и тщетно пытались проникнуть внутрь.

– Не доросли еще, – подал голос Кощей.

Ноль реакции.

Я нахмурилась, шагнула было к дочери, но мой спутник качнул головой, подошел сам и встал перед взломщиками.

Реакция появилась, но почему-то ненормальна: и Ваня, и Ника вдруг захихикали, начали тыкать в него пальцами и пытаться погладить «милого котика».

– Заклинание все же сработало. Только непонятным образом – они видят галлюцинации, – пояснил Кощей мне, не сходя с места. – Теперь в таком состоянии они пробудут до вечера, если не до утра.

Прелестно. Вот только дочери «под магическим кайфом» мне и не хватало...

Хозяин дома вызвал двух дюжих молодцев, местных охранников, и те помогли транспортировать брыкавшихся мелких вредителей в их комнаты. К Ване побежала та самая служанка, встретившая нас первый раз. Я направилась к Нике. За руку с Кошеем, как ни странно. Нити на этот раз не было, но мою ладонь никто не отпускал.

Дочь лежала на кровати, хихикала, смотрела на потолок и считала звезды.

– Ой, мама, – протянул ребенок, повернувшись на скрип двери, и тут же нахмурился. – А почему ты трёхголовая? Да еще и в крапинку?

Я покосилась на ухмыльнувшегося Кощея.

– Когда ее успели переодеть?

– Слуги у меня натренированные, – пожал плечами он, – не грязной же ей на перину ложиться.

Действительно. И лежал мой ребенок не в джинсах и майке, как привык, а в длинном, до пят, сарафане.

Нику мы оставили на попечении двух служанок ее возраста. Девчата пообещали накормить и развлечь егозу. Хотя с развлечениями они запоздали. Дочь сама себя весь день развлекала неслабо.

– Вот, – Кощей прямо от комнаты Ники повел меня в другое крыло и остановился перед неприметной дверью.

– Что «вот»? – уточнила я, не спеша входить.

– Твое место, где зелья варить будешь.

Я икнула. Как-то само собой вышло.

– Варить что?

– Ты же ведьма, – последовал бьющий наповал ответ.

Дверь открылась. Меня ввели в комнату. Современная лаборатория могла бы позавидовать этому месту: колбочки, мензурки,

треножки, уйма приспособлений, о которых я никогда не слышала.

Кощей стоял рядом, внимательно на меня смотрел и явно ждал реакции. Юля, я тебя убью.

– Последний раз я варила зелье в пять лет, из грязи и песка, – нехотя призналась я.

Черные брови Кощей медленно поползли вверх.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть только сила? Ни опыта, ни знаний? – уточнил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Попробуй призвать родовую книгу.

Видимо, выражение на моем лице было достаточно скептическим, потому что гостеприимный хозяин тяжело вздохнул и объяснил:

– В роду у каждой ведьмы есть своя книга, доступная только членам этого рода.

– Женщинам? – уточнила я, вспомнив всю прочитанную за жизнь фантастику.

– Необязательно, – пожал плечами Кощей. – Может и мужчинам в руки даваться. Но только членам рода. Здесь стоит мощная защита, не уверен, что у тебя получится, но все же постарайся. Книга поможет тебе лучше понять, что происходит, да и как варить зелья, тоже подскажет.

«Попробуй призвать». И как он себе это представляет, интересно?! Что это? Телекинез, телепатия, другой способ?! Книга... Как она выглядит, эта книга? В голову лезли только картинки с огромными талмудами. Я представила себе, как такая книга вываливается прямо из воздуха и падает на голову, мне или Кощей. Представила и вздрогнула: очень живая картинка получилась.

В следующую секунду дворец завибрировал, повсюду раздался свист, вой, грохот. А вслед затем на пол медленно опустилась книга. Обычная, размерами с ежедневник, она красовалась оранжевой обложкой и то и дело пробегавшими по этой обложке искрами.

Свист, вой и грохот исчезли, едва Кощей махнул рукой. Уставившись на новый предмет в комнате, мужчина недоверчиво качнул головой.

– Надо же... Ты действительно очень сильная ведьма. Будешь тренироваться?

Мои джинсы и майка не походили на рабочую робу. Но почему бы и нет?

Оставив меня наедине со сборником знаний, Кощей благоразумно ретировался. Я же медленно присела на один из деревянных табуретов, с опаской протянула руку, осторожно взяла книгу. Осталось понять, как ее открыть...

Словно подчиняясь моим мыслям, «талмуд» открылся сам, где-то на середине. На абсолютно белой странице стали появляться буквы: «История рода». Следующие полчаса-час я просвещалась, в частности узнала, что мой род славился магически одаренными ведьмами и колдунами. Последние поколения, начиная с моей бабки, магия по непонятным причинам в нас спала, потому никто из близких родственников в странных делах не был замешан, но вот мы с Никой по злой воле Юльки попали в странный мир, так похожий на Древнюю Русь, и магия пробудилась сама собой. Теперь осталось научиться ею пользоваться. Что, если верить книге, было делом простым: сыпь себе строго по рецепту травки и порошки в колбочки, готовь зелья, учи заклинания. В общем, чепуха.

Я скептически посмотрела на первый показанный мне рецепт: «Спи-засыпай»? От бессонницы, что ли? В углу комнаты, самом дальнем и тёмном, каким-то образом оказалась куча порошков и трав. Я сделала себе зарубку уточнить у Кощея, откуда это добро появилось здесь, вздохнула и побрела за ингредиентами.

Огонь под колбами послушно разгорался сам, и слава всем известным богам, иначе руки я себе точно сожгла бы. Зачитывая вслух необходимые ингредиенты, я пыталась в точности выполнять все описанные в книге действия и мысленно молилась, чтобы из обычного снотворного не получилась вдруг супер-отрава, способная убить всех в этом царстве-государстве...

«Отрава» вышла на славу: ярко-голубого цвета, полностью прозрачная. Я перечитала строчку в начавшем выцветать рецепте: «Прозрачный нежно-розовый цвет», – перевела взгляд на то, что плескалось в колбе, вздохнула, аккуратно подцепила получившееся щипчиками варево и начала искать, куда бы это вылить.

В дверь постучали.

– Войдите, – разрешила я.

В комнату заглянула служанка – плотная высокая девчушка лет девяти-десяти. Опасливо косясь на колбу, она сообщила:

– Госпожа ведьма, ваша дочка проснулась.

Я кивнула и спросила, указывая на колбу:

– Не знаешь, куда это можно вылить?

Служанка почему-то резко побледнела, затрясла головой, пробормотала под нос что-то вроде извинения и сбежала. ЧУДНО. Я еще раз внимательно осмотрела комнату, поняла, что ничего подходящего для утилизации неудачных зелий под руку не попадает, закрыла колбу найденным на дальнем столе деревянным колпачком, вроде тех, что горлышко шампанского закрывают, оставила свой эксперимент на треноге и вышла из «лаборатории». Теперь осталось найти комнату Ники. Да и свою заодно.

Не я успела подумать об этом, как из воздуха соткалась всё та же синяя нитка и неспешно поплыла перед моим носом. Через три поворота и два перекрестка я подошла к спальне дочери. Нитка исчезла. Дверь была приоткрыта. Я прислушалась: звонкий голос Ники нельзя было спутать ни с каким другим. Кому она там пересказывает свои школьные приключения? Девочкам-служанкам? Ване? И почему я некоторые истории никогда не слышала?

Некоторое время я, ничуть не стесняясь, «грела уши», как постоянно выражался мой отец, затем все же толкнула дверь и зашла. Точно, служанки. Сидят вчетвером на кровати этой малолетней разбойницы, ахают, охают в положенных местах и жадно ловят каждое ее слово.

При виде меня они подскочили с постели дочери, покраснели и, наспех поклонившись, выскочили в коридор.

– Мамочка, – дите, похоже, ничуть не удивилось ни цветастому сарафану на теле, ни своему местоположению, – а мы с Ванькой все подземелья излазили! И ничуть они не страшные! А ещё Ванька мне рассказал, что здесь есть... Представляешь?! Самые настоящие! А кот Баюн... А мы...

Большую часть рассказа я привычно пропустила мимо ушей – присела на край постели, смотрела на довольную жизнью дочь и ждала, пока она выговорится. Наконец ребенок замолк.

– Зачем вы в сокровищницу полезли? – задала я мучивший меня вопрос. – В вашем распоряжении были все эти несчастные подземелья. Зачем именно сокровищница?

Ника напряглась, довольство жизнью с лица исчезло.

– Ну мам, – заканючила она, – ну ты не понимаешь... Это же сокровищница! Это...

– Таблица умножения. Наизусть, – выдала я наказание.

Дочь сморщилась, поглядела жалобно, поняла, что на этот раз я настроена более чем серьезно, вздохнула и начала рассказывать:

– Дважды два – четыре, дважды три – шесть, дважды четыре – восемь...

Споткнулась она ожидаемо на «девятке».

– Наказана, – вынесла вердикт я. – Сидишь в спальне до утра.

Поднялась и вышла. За окном темнело. Нужно было найти Кощея или кого-то, кто сможет накормить нас с дочерью.

Под руку попала дородная пожилая женщина, лет семидесяти, не меньше. Она чинно вышагивала по коридору, несмотря на свой немалый вес, будто скользила по уложенным на полу ворсистым коврам. Потом увидела меня, споткнулась, чуть не упала, резко выпрямилась и вытянулась в струнку. На широком плоском лице мгновенно отразилось нечто вроде смеси ужаса, почтения и смирения. Мол, угораздило же меня нарваться на эту ведьму!

– Чего изволит госпожа ведьма?

Интересно, к хозяину своему они все тоже обращаются «господин Кощей»? Или это только мне такая честь?

– Нужно покормить мою дочь – она сидит в своей комнате наказанная. И я сама хотела бы поужинать.

Вроде сказала все вежливо, спокойно, не повышая голос, а незнакомку чуть ли не дрожь бить начала. Странное впечатление я произвожу на людей в этом мире...

– Д-да, г-гос-пож-жа в-вед-дъм-ма. Как пр-рикаж-жете...

Теперь еще и заикаться начала. Непонятная женщина. Впрочем, спрашивать её о причине такого поведения я не стала – боялась, как бы её insult не ударил. Хватило и того, что меня проводили в обеденный зал, позвали слуг и пообещали накормить Нику. Бежала от меня эта женщина, как от беса.

Глава 3

*Все пока что очень просто.
Где скрывается обман?
Тот, кто маленького роста,
Тот и здесь не великан.
Песня из фильма «Тайна Снежной Королевы»*

*Соловей-Разбойник главный им устроил буйный пир,
А от них был Змей трехглавый и слуга его – Вампир.*

*Пили зелье в черепах, ели бульники,
Танцевали на гробах, богохульники!*

*Страшно, аж жуть!
В.С. Высоцкий. «Песня про нечисть»*

За ужином ко мне присоединился «блудный сын» по кличке Васька. Кот, как мне показалось, растолстел ещё больше. И обнаглел тоже. Уселся неподалеку от моего стула и с важным видом потребовал себе молока, жидкой каши и куриного мяса. Слуги, что удивительно, это требование исполнили.

Ещё более удивительным показался мне тот факт, что к коту они относились с почтением, а ко мне – с внезапно появившимся страхом. Я ела блины со сметаной, вздыхала о своей фигуре и пыталась понять, когда и где я их всех так напугала.

– Приятного аппетита, – пожелал, неспешно входя в комнату, Кощей, покосился на Ваську и насмешливо поинтересовался. – Василий, ты часом не лопнешь?

– Баюн, – нахально поправил его кот, расправляясь с очередным куском мяса, – я – животное слабое, организм у меня молодой, питаться мне надо часто...

Я подавилась куском блина и закашлялась. Из глаз брызнули слезы. Ну Ника!

Кощей услужливо похлопал меня по спине и удивленно вздернул брови.

– Баюн, говоришь? Животное слабое? Организм молодой? Где ты такой чуши наслушался?

– От Ники, – я наконец-то проглотила несчастный кусок, запила его кефиром и вклинилась в мужскую беседу. – Ей бабушка всегда твердит, что молодым слабым организмам надо как можно больше есть.

– Ах, вот откуда уши растут, – усмехнулся Кощей. – Организм молодой, не хочешь мышей погонять?

– Не положено мне, – последовал поистине царский ответ, – я – чудо-кот...

– Вот прикажу слугам пару-тройку деньков не кормить тебя, быстро похудеешь, чудо-кот, сам за мышами отправишься, – беззлобно хмыкнул мужчина и повернулся ко мне. – Даша, как у тебя получилось сразу же приворотное зелье создать? Да еще такое сильное? Обычно молодые неопытные ведьмы готовят средство от бессонницы. А тут...

Я отставила подальше тарелку с блинчиками – не дай бог еще раз поперхнуться – и честно ответила:

– Я и готовила средство от бессонницы.

Васька с Кощеем слушали мой рассказ внимательно, не перебивая, а когда я закончила, покатались от хохота. Я даже не обижалась. Да и на что? Ника шкурку царевны-лягушки сжигает, я зелья от бессонницы с приворотным эффектом готовлю. Обычная семья ведьм, сильных и безмозглых, да уж...

– Нельзя тебя подпускать к кухне, – отсмеявшись, сделал правильный вывод хозяин дома, – иначе последствия могут быть непредсказуемыми и для большинства местных жителей – необратимыми.

– Так это из-за зелья на меня слуги косо смотрят? – проигнорировав шпильку, удивленно спросила я.

Кощей кивнул.

– Они решили, что ты непременно собралась меня привораживать.

Надо очень. Вслух я этого, конечно не сказала, но понять прислугу не могла: что такого выдающегося в их хозяине, чтобы я, ведьма с улицы, сразу же решила его приворожить?!

Спала я на мягкой пуховой перине в удобной, широкой постели с великолепной перспективой на радикулит. И снились мне Ника с Ванькой, резво гонявшие по всему дому оравшего благим матом Ваську. Собственно, и проснулась я от криков – кошачьих и детских. В длинной плотной ночнушке, больше похожей на саван, чем на одежду для сна, я, зная свою дочь, осторожно выглянула в коридор – и меня чуть не снес ураган из трех голов и восьми конечностей.

От греха подальше я вернулась в комнату. То есть это мне не приснилось? Что они не поделили и как их разнять?

Ураган меж тем переместился обратно. Крики стали громче. Я почувствовала, как во мне просыпается раздражение напополам с усталостью. Вот же мелкие заразы! Ни поспать с ними нормально, ни отдохнуть! Да даже дух перевести нельзя! За одной Никой глаз да глаз нужен, а тут их трое, наглых обормотов!

Миг, и на пальцах снова замерцали знакомые искры. Еще миг – дверь снесена с петель, в коридоре – тишина, а напротив меня стоят три статуи – растрепанные дети и всклокоченный кот.

– Я смотрю, утро у нас не доброе, а бодрое, – насмешливый голос хозяина дома заставила меня вздрогнуть.

Кощей стоял неподалеку в сером домашнем костюме из байки, видимо, что-то типа местной пижамы. Оценив дислокацию, мужчина повернулся ко мне.

– За что ты их так?

Вместо ответа я зевнула – широко, со вкусом. Кощей хмыкнул, повернулся к детям, что-то тихонько прошептал – и три статуи мгновенно ожили. Ванька сразу же съежился под пристальным взглядом дяди, кот тоже напрягся. Зато Ника бросилась ко мне, привычно игнорируя всех вокруг.

– Мама, а Баюн сказки рассказывать не хочет! А Ванька, он...

– К бабушке отвезу, прямо сейчас, – сообщила дочери я первое, что пришло в голову, – и там оставлю до школы. Будешь картошку из земли выкапывать и курам корм давать.

Ребенок сник, на глазах появились слезы. Вот же безвинно обиженный ангел.

– Завтраком-то дочь хоть покормишь? – все так же насмешничал Кощей.

Кому-то весело, да? Смеяться кому-то хочется?! Руки просто чесались сбить это самое веселье. Я сама не понимала, откуда во мне взялось раздражение. Похоже, таким образом из меня выходил накопленный за последние дни стресс.

Через секунду на всю нашу честную компанию полился густой дождь... из молока. Дети сначала остолбенели, затем начали смеяться и подставлять под белые струи руки, а потом и пить «из ковша», Кощей замер в растерянности. И только Васька себе не изменил.

– Все бабы – дуры, – буркнуло недовольное и уже мокрое животное, – даже ведьмы.

В ответ на него из воздуха начали падать толстые вареники. Не ожидавший такой подлости Васька зашипел и бросился наутек – подальше от сумасшедшей ведьмы.

Пришедший в себя Кощей что-то пробормотал, и молочно-варениковое безобразие прекратилось.

– Чувствую, будет весело, – внимательно посмотрел на меня мужчина. – У тебя есть два часа, чтобы поесть и переодеться. Хотя я так понимаю, что есть нам нечего – судя по всему, это и был наш завтрак. Тем не менее... Через два часа начнут съезжаться гости. Одежду тебе принесут слуги. Дети, – Кощей повернулся к успевшим успокоиться малолетним бандитам, – в свои комнаты. До обеда чтобы я вас не видел.

Нашелся командир. Я посмотрела в глаза любимой дочери и прочитала в них ту же мысль. Похоже, всем действительно будет весело...

Завтрак нам все же организовали. Мне – стакан кефира с печеньем и сухофруктами, детям – то же, плюс мед. Что ел Кощей, мне было не интересно.

Спустив пар и набив живот, я внимательно посмотрела на принесенный служанкой наряд. Длинная белая рубаха из полотна, расшитый обережной вышивкой по вырезу круглой горловины, по широкому подолу и рукавам сарафан. Кокошник, украшенный по всему периметру камнями, судя по всему, драгоценными. Здравствуй, Древняя Русь... И ведь что интересно: никогда я подобными нарядами не увлекалась, даже в далеком детстве, а здесь и сейчас надевать их приходится...

Ажурное нижнее белье я решила на местные панталоны не менять. Когда приставленная ко мне служанка, девчонка лет четырнадцати – пятнадцати, попыталась сообщить свое особо ценное мнение насчет моих трусов, я взглянула ей в глаза и ласково поинтересовалась, не хочет ли она пожить лягушкой хотя бы сутки. Не хотела. Побледнела, упала на колени, начала рыдать и молить о пощаде. Я почувствовала себя настоящей стервой, причем с ведьминскими замашками, тяжело вздохнула и предложила продолжить переодевание.

Румяна, помада, карандаш под глаза... И получилась я что та бабкина дочка из «Морозко». «Нет, не принцесса, королева». Вот и я была похожа на королеву: щеки красные, губы тоже, причем оттенки разные, и если щеки казались будто с мороза, то губы вызывающе алели, словно у трехсотлетней вампирши, только и делавшей, что пившей человеческую кровь тоннами. Подведенные черным глаза, конечно, выделялись на лице, но оно, лицо мое, было далеко не круглым. А потому и, на мой взгляд, глаза казались огромными площадками со светившимся в них огоньком, грозившим скоро разрастись в самое настоящее пламя. Уложенные в косу волосы тоже радости не добавляли – вот откуда у меня, жительницы двадцать первого века, постоянно проживавшей в отвратных условиях современных городов и посещающей парикмахера каждые два-три месяца, могли вырасти за пару-тройку ночей волосы длиной до пояса? Я когда обнаружила это приобретение с утра пораньше, за голову во всех смыслах схватилась. Мало того что блондинка, так теперь и с косой.

После одежды и макияжа подошла очередь украшений. Я тихо выла, периодически поглядывала на перепуганную служанку с плотоядным интересом и мечтала поскорей сбежать вниз. В принципе, украшавшая меня девчонка тоже была рада поскорей отделаться от вздорной ведьмы, а потому слишком много на меня навешивать не стала.

На шею – ожерелье из золота, украшенное рубинами, на пальцы – золотые же перстни, причем тоже с рубинами, еще и серьги в уши, из того же материала, с теми же камнями. Все, теперь можно и жениху ненаглядному показываться.

«Почувствуй себя королевой». Атракцион такой, да. Надень все это великолепиие и попытайся привычно сгорбиться, особенно под внимательными взглядами слуг. Нет, на осанку я обычно не жаловалась, старалась ходить везде и всегда прямо, но ходить, будто кол проглотила, постоянно тоже не могла. Где-нибудь да и сгорблюсь ненадолго. А тут... Пока величественно и неспешно дошла до лестницы, пока аккуратно спустилась по деревянным ступеням, пока, наконец, очутилась в зале, в котором по этикету положено встречать гостей... С меня семь потов сошло, не меньше. Кощей, увидев перед собой потную невесту, изумленно поднял брови.

– Тебе плохо?

– В этом наряде? – ворчливо откликнулась я, вставая рядом с женихом. – Да!

Мужчина улыбнулся, вроде и по-доброму, и все же с некоторой насмешкой.

– Да. Это не твоя одежда, годная только для чистки конюшен.

Ну еще бы. Сам стоял в привычном наряде: кафтане, штанах и сапогах, как будто родился во всем этом...

– Можно и конюшни почистить, – пожалала я плечами. Хотела еще про магию, которая мне не подчинялась, добавить, но в это время стоявший у двери статный пожилой мажордом начал объявлять гостей.

Первым в зал зашел худой высокий мужчина с узким хитрым лицом и постоянно бегавшими глазами. Кафтан и штаны сидели на нем, как рубаха на пугале.

– Змей, дружище, рад тебя видеть, – широко улыбнулся Кощей. – Ты один? А Василиса?

– Дома с детьми осталась, – небрежно отмахнулся Змей и повернулся ко мне, блестя голубыми глазами. – Лучше скажи, где красавицу такую выискал?

– Ты женат, – последовал чересчур равнодушный ответ Кощей. Наигранно-равнодушный, я бы сказала.

Змей скривился, хотел было что-то ответить, но тем временем мажордом объявил другого гостя.

На этот раз в зале появился прямо-таки былинный богатырь: среднего роста, необъятной ширины, с рельефными мускулами и жестким взглядом. И опять кафтан со штанами. Хотя, если у Кощей одежда была красного цвета, у Змея – зеленого, то у этого – серая.

– Рад приветствовать, Соловей, – играя роль радушного хозяина, встретил его Кощей. Змей, стоявший неподалеку, сцедил в кулак то ли кашель, то ли усмешку.

– Смотрю, ты решил остепениться, – не повернув голову на непонятный звук и бесцеремонно осматривая меня, проговорил новый гость. – Поздравляю. Свадьбу сразу сыграем? Или через полгода всех приглашать будешь?

Я почувствовала, как краска медленно сползает с лица вместе с макияжем. Какая свадьба?! Он бредит, этот богатырь?! О свадьбе мы не договаривались!

Вдалеке раскатисто громыхнул гром, рядом с домом предупреждающе сверкнула молния.

– Посмотрим, – словно и не заметив этих природных явлений, пожал плечами Кощей. – Проходи, присоединяйся к нам.

Следующей порадовала визитом хозяина дома высокая худая женщина, красивая и стервозная, с тонкими аристократичными чертами лица и черной косой чуть ли не до пола. Одетая, как и я, в сарафан с обережными вышивками, покрашенная так же ярко и вызывающе, она, равнодушно мазнув по мне взглядом, язвительно пожелала моему якобы жениху «приплода побольше».

– Благодарю, Марья, – и глазом не моргнул Кощей.

Последним гостем оказался низенький жилистый человечек в кафтане и штанах чёрного цвета. Он, похоже, был единственным, кто испытывал к Кощей искреннюю приязнь.

– Рад тебя видеть, Лихо, – тепло улыбнулся ему Кощей, выслушав пожелания, в которых фигурировали крепкая семья, налаженный быт и теплые отношения между супругами.

Вот последнее мне не понравилось: гром громыхнул уже поближе, молния сверкнула практически у самых окон. Но на мой демарш, похоже, никто не обратил ни малейшего внимания.

После завершения церемонии и гости, и хозяева чинно двинулись в обеденный зал. Пока шли по щедро украшенному живыми и искусственными цветами холлу, я со страхом ждала сюрпризов от детей – не в характере моей Ники было сидеть спокойно в комнате.

Но до стола мы, как ни странно, дошли успешно. Кощей усадил меня в богато украшенное парчой кресло с резными подлокотниками,

сам сел рядом, в такое же. Гости расселись в кресла попроще. Мы с «женихом» оказались во главе стола.

Вышколенные слуги споро накладывали в тарелки разнообразную снедь. Пироги, мясо, рыба, салаты, каши, сыр, копчености, мед, какой-то легкий алкогольный напиток... Того, что выставили перед гостями, на мой взгляд, хватило бы, чтобы прокормить какую-нибудь небольшую армию, суток на двое точно.

Тщательно жуя ячневую кашу, немного приправленную медом, я пыталась понять, что за непонятная компания собралась за столом. Кто это? На близких друзей не похожи. Правители? Соратники? Враги? И почему среди них одна лишь женщина? А еще в голове вертелась мысль: «Как сделать так, чтобы все эти гости поскорей разъехались по домам?» В сказке, конечно, хорошо, чувствовать себя ведьмой приятно, но родные стены и привычные технологии все же были ближе.

Первое время ели молча. Я, имея перед глазами пример худой как щепка Марьи, тщательно уничтожавшей салат из свежих овощей и сыр, ограничилась одной порцией каши и дальше, как тот кролик, грызла овощи. Кощей, не заморачиваясь вопросами размера талии, приканчивал мясные ребрышки. Остальные тоже в основном налегали на рыбу, каши, мясо, пироги.

– Так значит, невеста, – задумчиво протянул Лихо и внимательно посмотрел на меня. – Красавицу выбрал Кощей, что и говорить. Поздравляю вас, Дарья, с будущим мужем. Надеюсь, вы подойдете друг другу.

Я покраснела. В словах гостя мне слышался какой-то непонятный подтекст, которого, по идее, быть не должно было. Ответить мне не дал жених.

– Не смущай Дашу, Лихо, – улыбнулся он, – она издалека появилась, с местными обычаями не знакома.

– Издалека? – переспросил Лихо, все так же внимательно смотря на меня, – ну что ж, друже, тебе лучше знать...

Да что ж такое! Почему я слышу в их словах не просто обмен любезностями, а непонятные намеки?!

– Какой необычный вкус у этой браги, – голубоглазый Змей, прервав эту странную беседу, подозрительно посмотрел на свой бокал, принюхался, поморщился и выпил залпом. Потом, не сдерживаясь,

икнул, повернулся к поморщившейся Марье и громко, четко сообщил. – Хороша ты, девка. Люба мне. Надо тебя брать.

Соболиные брови встали колом, изумрудные глаза расширились до размеров блюда, волосы превратились в змей и зашевелились сами собой. Марья осторожно отодвинулась от полного решимости Змея и аккуратно поинтересовалась:

– Тебя в детстве часто роняли? Жить надоело, Горыныч?

– Да не тушуйся ты. Василиса не узнает, – Змей облизнул губы и уставился на выдающуюся часть Марьи. – Какой размер? Пятый? У Василисы...

Договорить горе-любовник не успел – Марья что-то прошептала, дунула, и Змей свалился по стол, мгновенно захрапел.

– Интересную у тебя брагу гонят, Кощей, – Соловей, как и остальные внимательно наблюдавший за развитием событий, взял бокал Змея, понюхал, скривился и уставила на хозяина дома. – Приворотное. Да еще и сильное. Ты кого привораживать собрался?

Я тихо охнула. Ника! Нет, я ее все же выпорю! Когда узнаю, как мое неудачное зелье оказалось на праздничном столе!

Глава 4

Отворите волшебные двери.

Там гуляют волшебные звери

По лесам и полям, не знакомым

Академикам и агрономам.

Там летают, сумев сохраниться,

И Жар-птица, и Синяя птица,

И еще кое-кто из пернатых,

Те, в которых не верят юннаты.

Песня из фильма «Тайна Снежной Королевы»

И Кащей Бессмертный грубое животное

Это здание поставил охранять,

Но по-своему несчастное и кроткое,

Может, было то животное, как знать!

От большой тоски по маме

Вечно чудище в слезах —

Ведь оно с семью главами,

О пятнадцати глазах.

В.С. Высоцкий. «Сказка о несчастных сказочных животных»

– Зачем? – примерно через час я нервно расхаживала по комнате дочери и старалась не сбиться на крик. Кощей стоял неподалеку от входной двери, опираясь о косяк, и внешне равнодушно наблюдал за нашей семейной сценой. – Я не спрашиваю, как. Здесь люди в большинстве своем непуганые, у тебя мозги работают, это не вопрос. Но я не могу понять: зачем, Ника? Чего ты хотела добиться такой шалостью? Совсем не невинной, заметь. Так зачем, дочь?

Ребенок шмыгнул носом. Ну да, обидели безвинное чадо, желавшее немного порезвиться.

– Я думала, его вы выпьете, ты и он, – кивок в сторону Кощей. – Мам, ну что мы дома забыли, а? Давай здесь останемся? Насовсем? Здесь же весело!

Следующие несколько секунд я только открывала и закрывала рот, не зная, что ответить. Кощей все так же молчал, причем, гад такой, стоял с непроницаемым лицом. И вся его поза как будто говорила: «Твоя дочь, вот ты с ней и разбирайся».

– Ника, – я откашлялась и выдала первый пришедший в голову аргумент, – а как же бабушка с дедушкой?

– Их мы тоже сюда заберем, – добила меня дочь.

Я без сил опустилась на пол. Лежавший на нем толстый ковер застудиться не позволил бы, а ноги меня уже не держали. Сюда. До конца жизни. В голове вереницей пронеслись картины: мы с Кощеем, состарившиеся и поседевшие, старательно нянчим трех-четырёх внуков, параллельно гоняя обнаглевшего Баюна, а дочь, выросшая могучей ведьмой, варит жуткое зелье в своей высокой башне. Откуда здесь взялась высокая башня, я не знала и знать не хотела.

– Мама! Мамочка! – взволнованный голосок Ники привел меня в сознание. – Мамочка, тебе плохо?!

– Я думаю, маму от радости ноги не держат, – иронично заметил не сошедший со своего места Кощей.

– О да, – я нашла в себе силы язвительно улыбнуться. – Представила, как ты нянчишь четверых внуков и гоняешься с ними на руках по всему дому за Васькой.

Теперь побледнел и Кощей.

– Издеваешься? – мрачно поинтересовался он.

– Ну тебе же можно, – отрезала я.

– Мам, – протянула дочь, – а вы друг другу подходите... Может, все же подумаешь...

Я нервно икнула.

Время до обеда я провела, рассказывая детям сказки. Ника и Ваня сидели на моей кровати, слушали, открыв рот, о приключениях отважных героев, смелых рыцарей и прекрасных принцесс и явно задумывали очередную пакость. В другое время я, наверное, тщательно продумывала бы каждое произнесенное слово, но не теперь. Мне хотелось побыстрее разогнать нежеланных гостей и вернуться с дочерью домой. Ничего лучше, как натравить на обосновавшийся в доме народ скучавших деток, я не придумала.

Обед прошел на удивление спокойно. Может, потому что Марья и Змей по непонятным причинам отсутствовали, а может, потому что Кощей лично проверил все появившиеся на столе блюда. Как бы то ни было, пока мужчины набивали животы пирогами и мясом, я тихо жевала фрукты и продумывала пути отступления. Стать женой Кощея мне не улыбалось. Нашлась сказочная героиня.

А на следующий день новоявленный жених вломился в мою комнату, уселся без разрешения в кресло и «обрадовал» меня новостью.

– Какая охота? На каких лошадях?

– Лошади в конюшне, охота в лесу, – Кощей смотрел иронично и явно наслаждался ситуацией.

Я, еще не до конца проснувшись, зевнула.

– Издеваешься? Я лошадей лишь по телику видела.

Вряд ли жениху было знакомо слово «телек».

– То есть ездить верхом ты не умеешь? – уточнил он, развалившись в кресле напротив моей кровати.

– Умею, на скамье, в горизонтальном положении, – съязвила я. – Кощей, а давай вы без меня поохотитесь? А я, как примерная невеста, зелья поварю и за детьми присмотрю?

– Дети поедут с нами, – решил добить меня этот образчик мужской самоуверенности.

Я смирила угрюмым взглядом и штаны, и кафтан, и сапоги хозяина дома и уточнила:

– Тебе так не нравятся твои гости, поэтому ты решил натравить на них эти два ураганчика? Они же от леса одни щепки оставят.

– Не оставят, – Кощей поднялся и направился к двери. – Ты же хотела за ними присмотреть, вот и насладитесь природой втроем.

Дверь захлопнулась. Я, не сдержавшись, пожелала одному самоуверенному умнику помучиться несварением желудка в течение суток и вызвала служанку.

В небольшой комнатке рядом с моей спальней стояли широкий железный таз вместо ванны и рукомойник с глиняным кувшином вместо умывальника. Привести себя в порядок самостоятельно было тяжело. Дом родителей в деревне радовал практически всеми удобствами. Здесь же... Нет, я точно прибуду Юльку. Осталось только до нее добраться...

Закончив утренний моцион, я села на кровать. Нужно было подумать. О многом...

На лошадях мне ездить до этого момента никогда не приходилось. Не то чтобы я их боялась. Нет, отношения наши скорее можно было назвать прохладными. Но зачем взбираться на спину лошади, если есть велосипед, самокат, мотоцикл на худой конец? Да и прогуляться можно. Родители, кроме коз, свиней и кур, никакой живности не держали, а потому и от коневодства я была далека. И сейчас, услышав слова жениха, озадаченно вспоминала, как в древности ездили женщины. Дамское седло? Да мне проще всю эту надоедливую компанию отправить отдыхать куда-нибудь на Кудыкину гору!

Служанка нервно икнула, я заставила себя смотреть на мир более приветливо.

– Тебя звать как? – обратилась я к конопатой полной девчонке лет двенадцати, прислуживавшей мне сегодня.

– Аглая, госпожа ведьма, – почтительно пробормотал та.

– Скажи, Аглая, в доме есть черный ход?

Ребенок почему-то посерел.

– Н-не зна-а-а-ю, г-гос-с-спо-...

– Ясно, – почувствовав себя мучителем малолетних, оборвала я заикание.

Придется ехать. В сарафане. В дамском седле. На ладонях снова появились искры. На подоконнике вспыхнула синим пламенем вязаная салфетка. Аглая заверещала. Я прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Отлично день начался.

Появившийся Кощей легко потушил пожар, кинул на меня, так и сидевшую на кровати в длинной плотной ночнушке, ироничный взгляд, шикнул на Аглаю и сообщил, что у меня на переодевание не больше пятнадцати минут.

– А завтрак? – уточнила я.

– Там поедим, – дверь снова захлопнулась.

Я искренне повторила свое пожелание, заставив испуганно охнуть чересчур впечатлительную служанку.

Через пятнадцать минут я, в сарафане попроще, без макияжа, зато с вплетенными в относительно длинные волосы лентами и в обуви, очень похожей на лапти, только сделанной из кожи, спускалась под присмотром пугливой Аглаи в холл.

Жених, гости и дети уже были готовы. Ждали только меня.

Марья одетая так же, как и я, окинула меня презрительным взглядом, – понять бы, почему, вроде дорогу я ей не переходила – мужчины, включая Кощея, посмотрели оценивающе.

Я ответила всем равнодушным взглядом. Ехать никуда не хотелось, тем более с детьми. Перед глазами стояли картины пылавшего в пожаре леса, чумазой Ники и разозленного хозяина дома. Ничего хорошего от этой поездки я не ждала.

Позади дворца оказалась деревянная конюшня с лошадьми и тремя конюхами. Пока я разглядывала здание и высокие стойла с любопытством попавшего в современный город неандертальца, гости расселись по коням. Ванька явно красовался перед Никой, гарцуя в седле. Сама дочь уже сидела на невысоком сером коне. Я постаралась загнать глубоко внутрь страх за ребенка. Как там Кощей сказал? Личная защита? Ничего не случится? Вот и проверим. Если что, я этот дом самолично по камешку разберу, а его хозяина с огромным удовольствием на зелья пушу.

Уверив саму себя в несвойственной мне кровожадности, я с сомнением посмотрела на крупного меланхоличного черного коня, которого высокий седой конюх с почтением подвел ко мне. Живность ответила мне насмешливым взглядом. Да уж. То коты разговаривают, то лошадь издевается... Сказка, одним словом...

– Госпожа ведьма, – обратился ко мне робевший конюх, – позвольте вам помочь.

Позволила. Стараясь не показать гостям свою неуклюжесть, я сама не поняла, как оказалась в импровизированном женском седле. Попыталась поерзать – конь подо мной заржал. Да, милый, я тоже не в восторге от этой задумки...

Рядом хмыкнул Кощей, уверенно чувствовавший себя в седле. Смешно ему, гаду. Посмотрела бы я, как он справился бы с современной мне техникой.

– Тебя и Нику будут страховать конюхи, – любезно сообщил мне жених, тронул за поводья и направился во главу нашей колонны.

Двое парнишек, лет по пятнадцать каждый, оба конопатые, как и Аглая, аккуратно забрали и у меня, и у дочери, поводья.

Страховать они будут, как же. Тот, что вел моего коня, то и дело посматривал на меня с напряжением, будто каждую секунду ожидал какой-то пакости.

Ехали медленно, видимо, из-за нас с Никой. Но народ не жаловался. Ванька находился рядом с дочерью, гости и Кощей о чем-то переговаривались. Я осматривалась.

Мощенная крупным природным камнем ровная дорога вела к широкому зеленому лугу, видневшемуся неподалеку. За ним высился лес, отсюда казавшийся тёмным и страшным. Впрочем, мне ли, ведьме, лесов бояться...

Ехать было неудобно, зад потихоньку начинал болеть. Мой счет к Юльке постепенно увеличивался. Подруга, называется. Хоть бы намекнула о всевозможных пакостях, что ждали меня в её «загородном доме». Зачем она вообще сбежала? Боялась Кощея? Юлька? Щаз, как говорит Ника. Моя дражайшая подруженька в пять лет не побоялась отбить испуганного котёнка у взрослых мальчишек, а в пятнадцать на спор прыгнула с парашютом. Так что безбашенность – её второе имя. Значит, не боялась? Или боялась, но не Кощея? Тогда кого? Кого-то из гостей? Кто тут такой страшный? Или, может, пыталась наладить свою личную жизнь, только не здесь, а в том, «нормальном» мире? Ну так могла завуалированно сообщить о необычных соседях и «подарках» судьбы? Или не могла?.. В общем, я всё больше и больше ощущала себя, как та муха в паутине. И зловредным пауком представляла я не Кощея, а именно Юльку.

Я настолько углубилась в свои мысли, что не сразу осознала – лошадь стоит. Причем довольно давно.

– Ты там приклеилась? – насмешливо поинтересовался Кощей. Он уже спешил и сейчас стоял рядом, с интересом поглядывая на меня. Видимо, хотел понаблюдать, как я собиралась слезать.

С трудом сдержав рвавшийся с языка русский народный, я посмотрела вниз. Земля не радовала – слишком далеко находилась. Сломать шею с такой высоты, конечно, довольно трудно, но вполне возможно – с моим-то везением...

– Прыгай, красна девица, – предложил появившийся рядом Змей. – Я поймаю.

Кощей поморщился, но сказать ничего не успел – рядом объявился Соловей.

– Тут не так высоко. Представь, что с лестницы спускаешься, – наставительно произнес он.

Умники. Стоят втроем, довольные, смех в кулак сжеживают. Нашли себе забаву.

Невдалеке послышался шум, а потом – детские голоса. Мое сердце замерло. Ника! Она ведь тоже на лошади ехала... Она...

Я так и не поняла, как в следующую секунду оказалась в крепких мужских объятиях.

– Ну и куда ты рвешься? – поинтересовался Кощей, без стеснения обнимая меня.

– Ника.

– И что с ней?

– Ника – этот та девчушка, что сейчас Лихо гоняет? – заинтересованно спросил Змей.

Если бы меня не держали, я бы села прямиком на землю. Гоняет. Лихо. Эту егозу ни на секунду без внимания оставить нельзя!

Оказалось, не гоняет. Ванька, неплохо знакомый с другом Кощей, затеял бежать с ним наперегонки. Ника, конечно же, вмешалась. Ну да, как же это – развлечения и без моей дочери! В общем, дети, как жеребята, гарцевали вокруг непонятого персонажа, он изредка для вида тоже активность проявлял, и все были довольны.

В лагере, разбитом расторопными слугами, уже стояли шатры, на земле были постелены ковры для желавших провести время на свежем воздухе, а на коврах – расставлена разнообразная снедь. Я повернулась к шедшему рядом жениху:

– Это точно охота, а не плотный завтрак на свежем воздухе?

Кощей пожал плечами.

– Те, кто отправится в лес, вернутся голодными. Те, кто останется в лагере, смогут утолять свой голод все время.

– И потом ни те, ни другие не пролезут в дверь, – буркнула я, представив себе эту обжираловку.

На меня неодобрительно посмотрели все трое мужчин.

– Нельзя быть такой прижимистой, Даша, – наставительно сообщил мне Соловей, приглядываясь к выставленным блюдам и, как мне показалось, размышляя: с чего начать, со стерляди, моченых яблок или запеченного поросенка.

– При чем тут прижимистость? – возмутилась я. – Вы ж объедитесь и потом на лошади не поместитесь.

– Хорошая жена из тебя получится, – слышался сзади негромкий одобрительный голос того самого Лиха, – правильная, о добре своем думать надо, беречь его.

Я покраснела, потом побледнела, наткнулась на насмешливый взгляд Кощей, обиженно фыркнула и сбежала в один из шатров. Чревоугодники. Пусть хоть обожрутся.

Шатер порадовал прохладой и полумраком. Усевшись на один из ковров, разложенных на земле, я подтащила к себе подушечку-думку, оперлась на нее спиной и замерла в позе «отстаньте все от меня, я отдохнуть от вас хочу». Сволочи. Притащили в непонятный мир, окружили неадекватными сказочными персонажами и еще требуют чего-то. Юля, я тебя лично, этими самыми руками, придушу!

Бухтела я долго, правда, только про себя. А потом полог шатра откинулся, и внутрь залезли Ника с Ванькой. Вот же неразлучная парочка. Ванька старше Ники на год, но такой же безбашенный, как и она.

– Мамочка, а почему ты здесь? – затрещал ребенок. – А Кощей сказал, что ты обиделась. Мамочка, а почему ты не ешь? А там, на том ковре, фрукты и сладкое. Мамочка...

Я мысленно сосчитала сначала до десяти, потом до двадцати. Помогло мало.

– Ника, Ваня, сказку хотите?

Беспроегрышный вариант. Конечно, они хотели. Моя болтушка сразу замолчала и уставилась на меня в ожидании.

– В сказочном царстве, в далеком государстве жил-был однажды злой-презлой принц, в высокой каменной башне все время сиднем сидел, никого из людей видеть не желал, – начала я импровизировать, вспоминая на ходу все прочитанные ранее сказки и фантастические истории, – и была у него жар-птица, красивая, с хвостом длинным, огненным, перья длинные золотом и серебром отливали. А уж когда петь начинала, все вокруг заслушивались...

Снаружи послышались удивленные возгласы, а затем – громкий петушиный крик.

Любопытная детвора выскочила из шатра первой, я заставила себя подняться и направилась за ними.

Охотники, видимо, только недавно оторвались от импровизированных столов, в лес пока и не думали углубляться, а потому чудо-юдо с золотыми крыльями и огненным хвостом кольцом обступили все гости. Ну и Кощей, естественно. Именно он на мою беду и вспомнил о сильной и безмозглой ведьме, считавшейся его невестой.

– Дашенька, – голосок медовый, а в глазах молнии блещут, того и гляди кого-то кондратий хватит. – Невестушка моя милая, кто это?

– Жар-птица! – Ника ответила за меня, переключив внимание с чудо-птицы на собственную персону. – Мама сказку нам рассказывала! О злом принце и его жар-птице!

Конское ржание принадлежало Змею. Через секунду он гоготал, как богатырский конь, хватаясь то и дело за плечо Соловья, чтобы не упасть. Хотя, судя по всему, Соловей тоже не прочь был найти опору: трясло его неслабо, из глаз слезы лились. Лихо с Марьей, самые адекватные на поляне, многозначительно переглянулись.

– Даша, ты жар-птиц когда-нибудь видела? – поинтересовался мягко Лихо. Птичка между тем прекратила орать и с интересом разглядывала нашу компанию.

Я качнула головой.

– Откуда? В моем мире их не водится.

– То есть... Ты... Придумала... – простонал Змей, красный от смеха, – просто... придумала... А она... появилась...

– Повезло тебе, Кощей, с невестой, – приторным тоном сообщила Марья.

Вот же... собака женского пола...

Согласившись с моими нецензурными мыслями, непонятная птичка выгнула шею в сторону моей обидчицы и зашипела, как заправский гусь. Кощей и Лихо расщедрились на ухмылки, Соловей со Змеем фыркнули. Марья сморщила нос, но на этот раз почему-то смолчала.

Вдоволь поиздевавшись над несчастной ведьмой, горе-охотники, включая Марью, все же направились в лес. Мы с детьми и странной птицей остались в лагере. Ника и Ванька, молодые биологи-любители, обступили то, что я считала жар-птицей, и начали ее активно изучать. Найдя развлечение для детей, заняв их на какое-то время, я с чувством выполненного долга уселась на один из ковров, с сомнением посмотрела на безоблачное небо, но решила, что солнце пока не очень жарит, а значит, можно посидеть, погреться, поспать...

Я сама не заметила, как уснула. Снился мне почему-то Пихто, быстро удиравший под матерок мужиков по деревенским улицам от агрессивно настроенного и громко каркавшего Васьки. Потом эта парочка свалилась в ближайшую канаву, начала драться и активно ругаться.

– Мама, мамочка! Мама!

Нет, это не Васька. Если вдруг окажется, что и ругалась дочь, а не несчастный кот, то придется посадить ее на хлеб и воду, хотя бы на полдня. С этими мыслями я нехотя открыла глаза.

На меня смотрела смесь кота и зайца: длинные вытянутые уши серого цвета, приплюснутый широкий нос, круглая, как блин, морда, огромные, явно перепуганные синие глаза, то и дело моргавшие на этой морде. Рыжий пушистый хвост и аккуратные лапки того же цвета однозначно принадлежали коту.

– Р-р-я-а-у! – жалобно сообщило создание.

Я скосила глаза на почему-то притихшую Нику и чересчур спокойного Ваню.

– Это кто?

– Р-р-я-а-у! – настойчиво повторило нечто. Словно отвечая ему, закаркала рядом жар-птица.

– Ника, – позвала я дочь, – ты уже наказана. Не усугубляй, пожалуйста. Кто это?

– Шушиндра, – вылез из-за спины дочери племянник Кощея.

– Кто? – не поняла я.

– Ну как шишига¹, только пушистая, – пояснила тихо Ника. –
Мамочка, ты очень сердишься?

– Нет, – честно ответила я, вспомнив о жар-птице, – не сержусь,
но на сутки ты лишена и сладкого, и мучного.

Ребенок тяжело вздохнул. Трагическая актриса в ней погибает.

Глава 5

Как можно прожить никого не любя?

Любите, любите, но только себя.

Подарок – событие в каждой судьбе.

Дарите, дарите – но только себе.

Но только себе.

«Танго Нарцисса». Из кинофильма «Тайна Снежной Королевы»

Как да во лесу дремучем,

По сырым дуплам да сучьям,

И по норам по барсучьим

Мы скучаем да канючим.

Так зачем сидим мы сиднем,

Скуку да тоску наводим?

Ну-кася, ребята, выйдем,

Весело поколобродим!

В.С. Высоцкий. «Песня соловья-разбойника и его дружков»

– Р-р-я-а-у! – напомнила о себе шушиндра.

– Ш-ш-ш! – ответил непонятно откуда взявшийся здесь Васька.

Красавец: спина дугой, усы топорщатся, хост как та антенна. Еще и глаза горят.

– Вась, не пугай живность, – я, ведомая непонятно каким инстинктом, потянулась, взяла со стоявшего неподалеку блюда, расписанного синими цветами, небольшой кусочек свинины и прицельно бросила его пушистому созданию.

Шушиндра мясо поймала на лету, а на меня с укором и обидой уставились кот и птица.

– Мамочка, а разве жар-птицы мясо едят? – уточнил любопытный ребенок.

– Эта, видимо, да, – я отправила в полет еще три куска, гадая, как скоро Кощей выставит нас с Никой из своего дома. Если он из-за моего опыта так ярился, что будет, когда с Никиным познакомится?

Мясо закончилось довольно быстро: кидали мы втроем, чаще всего промахивался Ванька. Живность, удостоверившись, что кормить ее больше не будут, начала различными способами приводить в порядок свой внешний вид.

– Вась, а ты как сюда попал? – поинтересовалась я у вылизывавшегося кота.

– Я – животное свободное, никакими узами не обремененное, где хочу, там и гуляю, – последовал ответ.

Я ждала привычного «Все бабы дуры», но Васька вновь вернулся к вылизыванию шерстки.

– Мамочка, – позвала Ника, – а пойдём в лес? Ну пожалуйста! Ну что нам тут делать?

– Шушиндру развлекать, – отрезала я. Еще не хватало становиться причиной экологической катастрофы в этих краях. – Как ты ее вообще создала?

– Придумала, – пожалала плечами дочь. – нам с Ванькой скучно было, ну вот и...

Она не договорила – со стороны леса послышались голоса и конское ржание. Похоже, охотники возвращаются...

Я взглянула на магический эксперимент дочери, живой, здоровый, объевшийся и довольный жизнью, в красках представила себе хохочущего Змея и готового прибить меня Кощея, и подавила тяжелый вздох.

Всадники неспешно приближались, я так же неспешно обдумывала возможную эпитафию на могилке. А вот чьей – тут еще понять надо. Я – ведьма молодая, дурная, могу сотворить что-нибудь с перепуга, и не станет якобы Бессмертного.

Видимо, эти мысли отразились на моем лице, потому что кони замерли, не доезжая несколько шагов до нас с детьми и скрытой нашими спинами от глаз охотников живностью.

– Кощей, – насмешливо протянул Змей, – тут, похоже, тебя ждет сюрприз. – И уже мне. – Даша, ты только не смотри так. Не надо нас всех взглядом разделявать.

Мой жених прищурился, внимательно осмотрел всех, включая Ваську, поднял брови, увидев кота, и повернулся ко мне.

– Где оно?

– Она, – решительно выпятила подбородок Ника, – шушиндра – девочка!

– Шу... Кто? – мягко уточнил Кощей у воинственно настроенного ребенка. Рядом с ним начал тихо похрюкивать Змей.

– Шушиндра! – малолетняя предательница отступила, позволяя охотникам полюбоваться на дело своих рук.

Шушиндра народ впечатлила.

Соловей со Змеем решили рассмотреть непонятное чудо вблизи. Предостерегающее «Р-р-я-а-у!» их не впечатлило, и живность против своей воли подверглась исследовательскому мужскому интересу.

До меня доносились лишь обрывки их тихого разговора:

– Чистая магия...

– Неожиданно...

– Надо учить...

Лихо и Марья кидали друг на друга многозначительные взгляды, не спеша общаться с окружающими.

Кощей, спешившись по примеру приятелей, подошел не к животному, а напрямик ко мне. Он выглядел на удивление мирно. Впрочем, я знала, что

внешность часто бывает обманчивой.

– Кто сотворил сие чудо? – поинтересовался жених у нас с дочерью.

– Ника, – я кивнула на ребенка.

– И ты ее уже наказала, – насмешливо уточнил Кощей.

Да, хорошо он успел меня выучить. Ну или я такая предсказуемая.

– А мы шушиндру и жар-птицу домой возьмем? – бесцеремонно вмешалась в наш разговор дочь, просяще смотря то на меня, то на моего жениха.

«И обычный дом превратится в психдом», – тоскливо подумала я.

– Почему нет, – последовал неожиданный ответ от Кощей. – Только Лихо подскажет тебе, как за ними ухаживать. Да, Лихо?

Низенький человечек задумчиво кивнул. Так, похоже, учителя для Ники нашли. Осталось подобрать кого-то, кто подскажет, как контролировать мою магию.

Пока дочь бурно радовалась неожиданному прибавлению в сказочном семействе, мой ненаглядный жених повернулся ко мне и, усмехнувшись, сообщил:

– А тебя учить буду я. Оставим пока снадобья. Займемся простыми заклинаниями и контролем желаний.

Кому-то точно жить надоело...

Домой мы вернулись поздно вечером, уже в темноте. Я, погруженная в свои зачастую не особо радостные мысли, плохо помнила дорогу обратно, и если бы не болевшие мышцы, даже и не сообразила бы, что провела часть дня в седле.

Животных, включая Ваську, накормили в кухне. Шушиндра, которую Ника назвала «Шидрой», произвела среди прислуги переполох. Жар-птица «Жи́ра» была принята более благосклонно. Васька ревниво фыркал, наблюдая, как малолетние поварята радостно возятся с не сопротивляющейся магической живностью. Все это потом рассказала мне Ника, которая осталась присмотреть за своим разросшимся магическим зверинцем. Ни ей, ни мне есть не хотелось – мы обе по горло сыты были впечатлениями. Но дочь слуги все же накормили – как же так, родная мать собственного ребенка голодом морит, вот же ведьма проклятая. Я же легла спать голодная и даже не заметила этого.

И проснулась глубокой ночью от громкого бурчания собственного желудка. Постанывая, как древняя бабка, замученная радикулитом, я поднялась с мягкой кровати, устало потерла пятую точку, нывшую после поездки, и, широко зевая, огляделась. На ладони сам собой вспыхнул небольшой шарик белого цвета. Уже не заплутаю. Осталось понять, куда именно идти и что найти пожевать.

Дверь в коридор открылась без скрипа. Я попыталась вспомнить, как пройти на кухню, и перед глазами вдруг появилась кощеева синяя нить. Ну спасибо, маячок.

По мягким коврам, устилавшим пол, идти было одно удовольствие: половицы не скрипят, шагов не слышно. Передвигай себе ноги по направлению к заветной цели. Благо ночнушка длинная, а тапки на ногах защищают их от холода.

Кухня оказалась на первом этаже, на половине слуг. Логично, конечно, господа сюда вряд ли забредают, но уж очень далеко по ночам ходить. Нить довела до нужной двери и исчезла.

Я потянула на себя ручку и встала на пороге: комната была освещена, и, как оказалось, не одной мне ночью жевать хочется.

– Не спится? – встретил меня вопросом Кощей, сидевший в чем-то вроде пижамы за широким дубовым столом.

Я зевнула и качнула головой.

– Есть хочу.

– Ужинать надо, – хмыкнул хозяин и кивнул на стул напротив. – Присоединяйся.

Меня дважды просить не нужно. Села, оглядела стол. Блинчики с медом, творог, сливки, сметана, варенье из яблок, изюм, квас. Да, вернусь я домой тетей-бочкой.

– А диетического нет ничего? – даже не надеясь, что Кощей поймет, уныло спросила я.

Он понял, весело фыркнул.

– Ты сейчас учиться колдовать начнешь, с тебя твои килограммы сами спадать станут. Так что ешь, не бойся. Сила уже утром нужна будет.

Последнее предложение прозвучало зловеще. Я покосилась на довольного жизнью хозяина дворца, немного помедлила, но все же потянулась за блинами и вареньем. В случае чего предъявлю кое-кому счет за посещение спортзала и новый гардероб. Ну или Юльку заставлю раскошелиться.

Ели молча, еду смаковали. Закончив «ужинозавтракать», я поднялась со стула.

– Спасибо. Пойду дальше спать. Во сколько вставать?

– Тебя слуги разбудят, – ухмыльнулся Кощей. Явно гадость какую задумал.

Та самая синяя нить, что меня сюда отвела, помогла и до комнаты добраться. Я легла с полным животом, вяло подумала, что теперь до утра не усну, и мгновенно провалилась в сон.

Во сне ко мне пришли жар-птица, шушиндра и Васька. Они ссорились между собой, жаловались на свою горькую долю и напоминали, что их, маленьких, слабых, несчастных, вечно голодных животных, кормить надо много и часто. Я отправила всю троицу к Кощей с советом столоваться у него и проснулась от робкого голоса служанки, сообщавшей, что «хозяин велел разбудить госпожу ведьму».

Открыв глаза, я уставилась на уже знакомую конопатую полную девчонку. Аглая, кажется.

– Который час? – выворачивая челюсть от зевоты и стараясь не закрыть слипавшиеся глаза, спросила я.

– Так солнышко уже встало, госпожа ведьма, – последовал почтительный ответ. Логично, угу. Ее о времени спрашивают, а она на солнце ссылается.

Солнце действительно встало, правда, если судить по моим ощущениям, то на часах было раннее утро, полседьмого, не больше. Но собираться на первый в своей жизни урок магии пришлось. Приведя себя в порядок с помощью той же Аглаи, я, невзирая на ее причитания, натянула на себя джинсы, кофту с длинными рукавами, на ноги – носки и кеды, на голову – кепку. Посмотрела в зеркало: на пацанку не похожа, а вот на внезапно решившую заняться физкультурой почтенную матрону, так сказать мать семейства, – очень даже.

– Куда идти? – повернулась я к служанке.

Та, пряча недовольство моим нарядом, вывела меня на черную лестницу, оттуда – на задний двор.

Кафтан, штаны, сапоги – привычная одежда жениха. И как ему в этом не жарко?

– Отвратно выглядишь, в такой одежде только конюшни чистить, – сообщил Кощей, стоя посреди двора. Руки скрещены, ноги на ширине плеч. Нападения ждет? Поэтому с оскорблений начала?

Я вспомнила свой пятый класс, провела аналогию, так сказать. «Ашники» в этом году отличились, решили училку на выдержку проверить: у кого телефон, у кого наушники, у кого записки. И так – с начала урока. Я тогда ругаться не стала, делать мне больше нечего, – нашла на Ютубе и включила им церковную музыку. Мы как раз тогда библейские сказания проходили. Ну вот, иллюстративный материал, так сказать. Орган детей впечатлил. Особенно Бах, «Токката и фуга ре минор». Остаток урока прошел в тишине.

Предвкушающе улыбнувшись, я от всей своей щедрой души пожелала Кощей кое-чего милого и доброго, а сама отступила под украшенный резными птицами навес.

Жених напрягся, но в этот раз ничего предпринять не успел: с неба посыпались ягоды. Малина, черника, клубника, земляника – все они падали точно на костюм Кощей, оставляя на кафтане и штанах красно-синие пятна. Взмах рукой импровизированный дождь не убрал.

Проворчав под нос нечто нелестное об одной дурной ведьме, мой жених ретировался ко мне под навес. Дождь прекратился. Ягоды на земле остались.

– Пакостница мелкая, – мрачно сообщил Кощей. – Ты колдовать должна была, а не пакостить.

– Что умею, то и делаю, – пожала я плечами, наблюдая, как ягоды исчезают в желудках непонятно откуда появившихся жар-птицы и шушиндры, Вот уж не знала, что живность у нас всеядная...

Следующие два часа мы с Кощеем провели, вместо завтрака, в одной из гостевых комнат. Он читал лекцию, я записывала. Причем писала, несмотря на недовольство жениха, обычной шариковой ручкой, вытащенной из сумки. Не помню, правда, чтобы я ее брала с собой, но какая разница, если дело доходит до удобства.

– Чтобы уметь колдовать, надо сначала четко, во всех деталях, представить себе, что именно ты хочешь, а затем, – внимательный взгляд на старательно пишущую меня, – задуматься, сможешь ли ты совладать с последствиями своего колдовства. Магически одаренных детей учат контролировать свою силу и думать о последствиях с раннего возраста. Например, пожелаешь ты на завтрак блины, и перед тобой возникнет не одно блюдо, а несколько тонн. Мало того, что силу напрасно израсходуешь, так еще и должна будешь думать, что с ними делать.

– То есть в бою тоже надо обо всем задумыва... – я не договорила: Кощей ухмыльнулся.

– Бой? Какой бой? В данном случае мы говорим о бытовой магии. Боевой тебя учить нельзя – зальешь противника молоком и закидаешь клубникой.

Спасибо, добрый человек.

– Призови свою книгу, – последовал приказ.

Я послушно представила себе эту оранжевую записную книжку и уже через пару секунд внимательно рассматривала знакомую обложку с язычками пламени.

– Повторяй за мной: последствия применения опасных заклинаний.

Повторила. Книга раскрылась на нужной странице, продемонстрировав сценки, взятые словно из камеры пыток.

– Это ты так у меня аппетит убиваешь? – пробормотала я, отодвигая книгу подальше: смотреть на расчлененные трупы и злосчастных мутантов с лишними частями тела не хотелось.

– Нет, наглядно демонстрирую последствия некоторых особо опасных заклинаний, – отрезал Кощей. – Может, хоть теперь ты будешь думать, прежде чем делать.

Я ощутила себя Никой. Давненько меня никто не отчитывал, как малого ребенка.

Еще полчаса мучений, – сплошная теория без практики – и меня наконец-то отпустили. В спальню. Переодеваться. Перед ужином.

Я смирила взглядом своего мучителя.

– У меня голова не варит, я не смогу поддерживать разговор.

– И не нужно, – пожал плечами Кощей. – Мы будем целоваться.

Я порадовалась, что не успела подняться со стула: ноги вмиг стали ватными.

– Это ты так пошутил?

– Даша, ты еще не забыла, что играешь роль моей невесты? – раздраженно прищурился Кощей. – Невесты, Даша, а не разрушительницы. Вот сегодня и продемонстрируем гостям всю глубину наших чувств.

Вдали загрохотал гром, затем сверкнула молния.

– Последствия колдовства, Даша, – менторским тоном произнес этот мучитель.

Пока шла к спальне, я мысленно разделявала на части своего жениха и примеряла к нему увиденные на картинках в талмуде разнообразные орудия пыток.

Целоваться. С ним. А что он потом потребует в качестве доказательства? Разделить с ним постель? Против ожидания мысль об этом не показалась такой уж гадкой. Я фыркнула. Секс полезен для здоровья, и это правильно. Но чистый секс! Здесь же мне предлагают сыграть влюбленную дурочку! Спасибо, один раз я уже была ею. Хватит. Не хочу больше. Мне и с трезвой головой живется неплохо.

Очередной сарафан, щедро украшенный золотыми вышивками и обережными рисунками по подолу, и нечто вроде кожаных мокасин я еще вытерпела, как и вплетенные в волосы ленты. А вот от драгоценностей и «краски» напрочь отказалась. Пришлось снова угрожать несчастной служанке. На этот раз я предложила ей на полдня

стать мышью, а заодно напомнила, что в доме живет кот. Аглая побледнела и отстала от злой ведьмы.

Спускалась я в обеденный зал с таким ощущением, будто меня вели на плаху. Целоваться с Кощеем совершенно не хотелось. Я прекрасно понимала, что несколько жарких поцелуев спокойно могли привести к влюбленности с моей стороны. А вот это уже точно было лишним.

«Сказочный персонаж», как однажды обозвала его Ника, как обычно одетый в кафтан со штанами, только на этот раз ярко-красного цвета, вместе с гостями ждал меня за накрытым столом.

Опять сытный ужин. Сплошные белки и углеводы. Каши, пироги, хлеб, жареное мясо, квас... Я очень ярко представила себя в старых рваных джинсах на два-три размера больше, потертой майке-алкоголичке и резиновых шлепках на босу ногу, сглотнула и на какое-то время отвлеклась от мыслей о поцелуях.

Слуга, живой подвижный паренек лет четырнадцати, почтительно отодвинул «госпоже ведьме» стул, я села возле жениха и приготовилась к попытке ужином.

Охотники налегали в основном на пироги и мясо. Марья жевала гречневую кашу и мясо. Я нашла на столе овощи, поданные на гарнир, и решила сегодня питаться именно ими.

– Даша, ты совсем ничего не ешь, – качнул головой Лихо, умело приканчивая очередной кусок мяса и неодобрительно поглядывая на несколько морковок и горох, сиротливо лежавших на моей тарелке, – так у тебя ни на магию, ни на ребёнка сил не хватит.

Горошина встал в горле, дыхание перехватило. Я, задыхаясь, закашлялась. Разлюбезный женишок, изображая заботу, нежно постучал ладонью у основания моей шеи, будто пытаюсь сломать её.

– К-какого ребенка? – едва воздух начал входить в легкие, уточнила я у невозмутимого Лиха.

– Вашего с Кощеем, конечно, – ухмыльнулся Соловей, явно наслаждаясь устроенным представлением. – Зачем еще невеста нужна, если не женой и матерью своих детей ее сделать?

Действительно. Наивная какая невеста попалась...

– Не смущайте Дашу, друзья, – каверзно улыбнулся Кощей, – моя невеста – женщина скромная, многие темы на людях не обсуждает. Правда, милая?

Эту гадкую улыбку я с удовольствием растерла бы по всему лицу жениха, превратив его в Чеширского кота. Увы. Всё, что я могла, это натянуто улыбнуться и кивнуть.

Все так же, напоказ, как помогал мне избавиться от треклятой горошины, Кощей встал, подал мне руку, заставив подняться, притянул к себе и шепнул на ухо:

– Не распугай гостей своим оскалом.

Вдали снова загрохотал гром. К сожалению, Кощей явления природы мало интересовали. Он чуть наклонился и, показушник, начал меня целовать. В губы. Убью гада.

Впрочем, это была последняя внятная мысль, появившаяся в моей пустой голове. Дальше в ход ожидаемо пошли гормоны. Не целовали меня мужчины давно, по-настоящему, я имею в виду, с желанием и страстью. А тут... Жених мне попался явно опытный. Он умело возбудил меня одним поцелуем, нежно проводя языком по контуру губ, чуть покусывая их, играя в салочки с моим языком... Голова от наплыва чувств закружилась практически мгновенно, воздух резко исчез из легких. Когда мы отстранились друг от друга, я сама себе напоминала рыбу, выброшенную из воды.

Со стороны гостей слышались тихие смешки. Я взглядом пообещала довольному Кощей всевозможные адские муки и, пылая от смущения щеками, села обратно, доедать свои морковки. Да уж. Еще три-четыре таких поцелуя, и можно вспомнить о завуалированном пожелании Лиха.

Остаток ужина гости обсуждали между собой удавшуюся охоту, Кощей отмалчивался, а я бездумно жевала овощи. Чувствую, ночью опять на кухню наведаюсь.

– Финист завтра появится, – как сквозь вату донесся до меня голос Кощей, – просил без него дичь особо не травить.

– Финист не может без опозданий, – фыркнул Змей. – Он хоть объяснил всё? Или опять отговоркой отделался?

– Где Финист и где объяснение, – довольно потянувшись, Соловей встал. – Благодарю, хозяйева, за ужин, пойду я к себе.

Следом за первым гостем потянулись и остальные, и скоро мы с Кощей остались вдвоем за столом.

– Обиделась? – повернулся ко мне жених.

– Убить тебя хочу, – честно ответила я.

– Так пошли, – с готовностью отодвинул стул Кощей, – на заднем дворе и потренируешься. Только, Даша, не пакостить будешь, а бить. В полную силу.

Я окинула взглядом комнату.

– Щит поставлю, – понял мой намек жених. – Его ты пока пробить не сможешь.

Ладно, как скажете, я – ведьма подневольная.

Медленно, не спеша, переваривая ужин, мы вышли на улицу, встали неподалеку от крыльца дворца. Кощей полчаса объяснял, как и куда пускать молнии. Я пустила две штуки. Целилась в ненаглядного женишка, а попала в сарай. Васька, умывавшийся рядом с тем сараем, заметив летевшие в него алые сгустки, с громким мявом бросился наутек.

– Бабы дуры, – прозвучало возмущенное в ночи.

Я вздохнула. Кощей фыркнул.

– На животных щит не распространяется, как и на постройки. Хотя, похоже, напрасно.

Еще полчаса я спускала пар, прицельно швыряясь молниями в нахального жениха. К сожалению, не попала ни разу, но почувствовала себя намного лучше.

В постель я пошла с отличным настроением и спала без задних ног. А утром меня снова разбудила настырная Аглая.

– Госпожа ведьма, вставайте, гостя встречать надобно, – твердила девчонка, боясь лишней раз меня потрясти.

Я зевнула, открыла глаза, устало посмотрела на мучительницу, но все же встала.

На этот раз было все: и сарафан, и кокошник, и чувяки на ноги, и краска, и даже драгоценности. Я покорно позволяла издеваться над собой и думала, думала. Что ж там за гость-то такой, если ради него пришлось-таки надеть расшитый бисером кокошник?

Понятия не имею, чем занимались остальные гости, а мы с Кошеем стояли на ступеньках дома и прилежно ждали, когда издалека до нас доберутся два всадника на вороных конях. Когда они подъехали поближе, я почувствовала, как у меня затряслись руки и стали ватными ноги. У одного из всадников, довольно миниатюрного, сидевшего в седле по-мужски, была видна коса, заметна грудь, а на лице выделялись алые губы. А вот второй... Высокий плечистый блондин с

голубыми глазами. Наши взгляды встретились. Он, казалось, удивился, открыл было рот, видно, хотел что-то спросить.

– Мама, мамочка! – из дома вылетела Ника в сопровождении Ваньки, подбежала ко мне. – Мама!

«Познакомься, дочь, это твой папа», – с горечью подумала я.

Глаза у следившего за нами блондина стали квадратными.

– Что? – удивленно спросил Кощей.

– Что? – тихо, севшим голосом, спросила Ника и медленно повернулась к гостям.

Похоже, я произнесла это вслух...

За окном уже который час бушевала и никак не могла уняться гроза: молнии сверкали чуть ли не каждую минуту, гром оглушал, ветер выл, будто по покойнику. А ливень... Ливень лил, не прекращая. Вода грозила затопить все вокруг за сутки. Вполне возможно, нас, как удачливого Ноя, просто отнесло бы очень скоро по волнам образовавшегося моря куда-нибудь подальше...

Я сидела на постели, обнимала Нику, гладила ее по волосам. Она уже не плакала: бездумно смотрела перед собой и молчала. Да и говорить было не о чем. На все вопросы дочери я всегда отвечала честно: папа однажды уехал и не вернулся. В принципе, так оно и было.

При первой встрече – глупом столкновении в супермаркете – он назвался Андреем. Красивый, накаченный, состоятельный, с мозгами, образованием и чувством юмора, он каждый день водил меня по престижным городским ресторанам, кормил исключительно деликатесами, щедро засыпал цветами и конфетами, подарил крутой телефон, золотые сережки и дорогие французские духи. Я таяла, как снег на солнце, верила каждому его слову и в мечтах уже нянчила наших с ним детей где-нибудь на шикарной вилле за границей. А потом однажды, когда мы с ним наслаждались летним днем на лавочке в парке, ему на телефон пришло сообщение. Он прочитал, нахмурился, сказал, что должен срочно уехать, но расстаемся мы ненадолго. Вызвал такси, довез меня до дома и исчез из моей жизни навсегда. Номер с тех пор был недоступен. Где жил «Андрей», я не знала – молодая влюбленная дуручка, я и подумать не могла тогда, что мой кумир обойдется со мной столь вероломно. Через несколько дней, из-за небольшой задержки, купила тест и поняла, что жду ребенка. Все

банально, обычная история, как говорится. Спасибо родителям, уговорившим родить и первые годы помогавшим растить и кормить Нику.

– Мам, а он нам нужен? – повернулся ко мне угрюмый ребенок. – Может, Кощея возьмем?

Я поперхнулась воздухом.

– Дочь, вот что ты такое говоришь? Не хочешь видеть своего биологического отца – никто заставлять тебя не будет. Но Кощей тут при чем?

– Насчет «заставлять не будет» я бы не спешил, – раздался голос жениха от двери.

Мы обе обернулись: Кощей стоял на пороге явно недовольный сложившейся ситуацией.

– Не знаю, чьих рук дело эта гроза, но советую ее убрать, иначе скоро дом всплывет. Приводите себя в порядок и спускайтесь. Служанки проводят, – дал указания и вышел.

Мы с Никой удивленно переглянулись.

Прибежавшие в комнату дочери девчонки служанки начали споро умывать нас и одевать, меня, не обращая внимания на протесты, еще и накрасили. Видно, получили четкие указания от главы дома, раз уж мрачных взглядов ведьмы не побоялись. С трудом подавив недовольный вздох, я подчинялась их умелым рукам, позволяя сооружать прическу на голове, накладывать макияж, а затем и провожать к хозяину дома.

Спустились мы с дочерью в сарафанах до пят, хорошо хоть без кокошников. Была б моя воля, я бы в джинсы влезла, но воевать с малолетней прислугой не хотелось.

Когда служанка почтительно открыла перед нами дверь в небольшой уютный кабинет Кощей, гроза за окном практически прекратилась. Впрочем, похоже, ненадолго: в обставленной резной деревянной мебелью комнате сидели в креслах у рабочего стола Финист и сам хозяин дома. Отец Ники, повернувшись на звук и увидев нас, встал было, но за окном сразу же предупреждающе прогремел гром.

– Сядь, – поморщился Кощей. – Не видишь: они обе на взводе?

Одетый в синий кафтан Финист послушно опустился назад, жадно пожирая глазами меня и Нику.

– Присоединяйтесь, – кивнул Кощей на кресла рядом.

Ника демонстративно уселась подальше от отца, мне ничего не оставалось, как опуститься в кресло рядом с Финистом.

– Даша, – начал он, но я его оборвала.

– Дочь не получишь.

– Она и моя дочь! – прозвучало в ответ.

– И где ты был эти десять лет? – подняла я брови. За окном сверкнула молния.

– Успокоились оба, – встрял в наш диалог Кощей. – Финист, рассказывай, как ты вообще очутился в том мире.

– Как, как, – досадливо передернул плечами тот. – А то ты не знаешь. Отдыхать поехал, как еще. Это ты у нас вечно запираешься дома и нос никуда не показываешь, а Соловей, Змей и Лихо давным-давно тот мир освоили. Ну и я следом направился.

– И? – пропустив мимо ушей первую часть фразы, настойчиво уточнил Кощей.

– И, – фыркнул Финист, покосился на Нику, вздохнул.

– Два раза. Всего два раза. Даша подтвердит. Кто ж мог подумать-то...

– Действительно, – язвительно хмыкнул мой жених, – особенно когда думать нечем.

Финист вспыхнул, но промолчал.

– «Кодекс ведьм» помнишь? – уточнил Кощей и, не дождавшись ответа, повернулся ко мне. – Вы, ведьмы, необычайно свободолюбивы и упрямы. Проще пойти вам навстречу или найти компромисс, чем заставить вас пойти наперекор вашей воле. Поэтому для общения с вами был выработан так называемый «Кодекс ведьм». Конечно, работали над ним и сами ведьмы. Одно из правил «Кодекса» гласит, что ведьма, после того как в ней проснулся дар, не может находиться под чьей-либо опекой без ее собственного желания. Иными словами, если Ника не захочет общаться с Финистом, он не посмеет ее заставить.

– Почему? – уточнила я, чувствуя, как избавилась от этого страха.

– Магия не позволит. Ну и Круг ведьм, к которому вы обе всегда можете обратиться.

– Круг ведьм? – название было не знакомо.

– Что-то вроде Госдумы у вас, ведьм, – буркнул Финист, приведя самую доступную мне аналогию.

В окно постучали первые робкие лучи солнца, тучи потихоньку начали расходиться. Кощей хмыкнул и снова повернулся к гостю.

– Останешься?

– Естественно! – вскинулся Финист и снова выжидательно посмотрел на дочь. Та его взгляд проигнорировала.

Завтрак и обед мы уже пропустили, время неумолимо приближалось к ужину, но морить нас голодом Кощей не стал, и уже через несколько минут в обеденном зале был накрыт стол для всех проголодавшихся обитателей дома. Повеселевшая Ника в компании ждавшего в холле Ваньки сбежала расправляться с едой в свою комнату, а за столом расселись все гости и мы с Кощеем. Финист сидел рядом с миниатюрной красавицей блондинкой неподалеку от нас женихом и кидал на меня мрачные взгляды. Я отвечала равнодушием. Судя по сходству между бывшим и его спутницей, приехал Финист к Кощею с сестрой. Она с любопытством то и дело посматривала в мою сторону, но вопросов не задавала, вместо этого налегая на мясо, тушенное с овощами.

– Кощей, ты нас зачем позвал? – нахально спросил Змей, нарушая тишину. – За столом сидеть и челюстями жевать? Так это и сам я могу сделать. Ты нам что обещал?

Жених почему-то покосился на меня, потом перевел взгляд на гостей и с ехидцей поинтересовался:

– Тебе мало было утреннего ливня?

Змей фыркнул.

– Подумаешь, дождик. Ты, Кощей, нам развлечения обещал? Обещал. И что мы там видели, кроме той охоты?

Интуиция у меня работала не особо хорошо, иначе я в свое время бежала бы от Финиста, сверкая пятками, еще при первой встрече, да и на Юлькину авантюру не согласилась бы, но сейчас я буквально почувствовала, как Кощей задумывает очередную гадость, которая, конечно же, будет призвана, чтобы развлечь дорогих гостей.

– Будет тебе развлечение, – согласно кивнул жених. – Завтра. А пока мы с невестой вас покинем.

Кощей поднялся и, не обращая внимания на сиротливо лежавшие в моей тарелке тушеные овощи, отодвинул мне стул, подал руку.

– И куда мы? – выйдя из зала, проворчала я.

– Сначала – учить тебя сдерживать ведьмовскую силу, затем – нормально ужинать, – последовал ответ.

Жених целеустремленно шагал на задний двор, таща меня за руку, как на буксире.

– В нарядном сарафане? Хоть переодеться дай! – возмутилась я, уже выйдя из дома.

Кощей смерил меня насмешливым взглядом.

– Во что? В ту дерюгу, в которой только полы мыть?

– Вообще-то, джинсы почти новые, – буркнула я. – Что? Что ты так смотришь?!

– Да вот пытаюсь понять, как на тебя в такой одежде Финист запал, – язвительно ответил жених.

В следующую секунду на него полилась вода. Правда, цели своей не достигла. Этот ирод, намеренно доводивший меня до ручки, заранее защиту поставил.

– Прибью, – разозлившись, пообещала я.

– Чем? Варениками? Молоком? Ягодами?

Нет, я понимала, что выводит он меня из себя специально, что только в этом состоянии я могу высвободить спавшую во мне силу, ну и заодно научиться наконец ее контролировать. Но понимать – одно, а чувствовать – другое. И сейчас во мне бушевал ураган: раздражение, гнев, уязвленное самолюбие, желание реванша – ужасная смесь для не умеющей держать себя в руках начинающей ведьмы. Глаза застила кроваво-красная пелена, на руках разгорелся огонь, рядом с нами послышалось завывание ветра. В висках стучала только одна мысль: «Убью гада!».

Глава 6

*Однажды в старой Дании
По сказочному адресу
В одном старинном здании
Придумал сказку Андерсен*

*И грустную, и дерзкую,
И острую, и нежную,
И взрослую, и детскую
Про Королеву Снежную.*

«Однажды в старой Дании». Из кинофильма «Тайна Снежной Королевы»

*Как да во лесу дремучем
Что-нибудь да отчебучим,
Добра молодца прищучим,
Защекочем и замучим!*

*Воду во реке замутим.
На кустах костей навесим,
Пакостных шутих нашутиим,
Весело покуролесим!*

В.С. Высоцкий. «Песня соловья-разбойника и его дружков»

Гад только усмехнулся, что-то пробормотал под нос, и вокруг него замерцал защитный кокон. Я не поняла, он сдерживаться меня учил или наоборот?!

Кокон разбила не я – на Кощея подло напал со спины верещавший во всю свою луженую глотку Васька. Он судорожно вцепился в мужской кафтан, голосил что-то о своей силе и молодости, а в дверях уже показались две знакомые макушки. Вот только детей мне здесь и не хватало! Миг – и на землю посыпались гвозди, острые и длинные. Кощея с Васькой они обтекали, как настоящая вода, от меня тоже держались подальше. А вот малолетние хулиганы, увидев, как развлекается сходящая с ума ведьма, выходить побоялись. Пара

секунд, и гвозди сменила обычная вода. К тому моменту матерившийся сквозь зубы Кощей уже успел отодрать от себя насмерть перепуганного кота.

– Ника, в комнату! – грозно рыкнула я, про себя прикидывая, как бы пробить эту дурацкую защиту и наконец-то научить жениха уважению к собственной персоне.

– А ты поцелуй его, – на поле действия появился новый персонаж, та самая спутница Финиста. Она вышла из двери и бесстрашно приблизилась ко мне. Что удивительно, ни капли на нее не упало. – Или хочешь, я поцелую? Он отвлечется, и ты сможешь его убить.

И всё это было сказано просто с ангельской улыбочкой. Убить? Этого гада? Ну уж нет, не заслужил.

Я решительно тряхнула головой.

– Не хочу убить, хочу помучить, – и плотоядно оскалилась.

Внимательно наблюдавший за нами с Васькой на руках Кощей вздрогнул и даже, по-моему, немного спал с лица.

– А ты забавная, – улыбнулась девушка, – вы с моим братом отлично смотрите вместе.

– Перебьется, – я не стала поливать ее водой, вот еще, много чести, вместе этого я, демонстративно покачивая бедрами, подошла к напрягшемуся Кощей, требовательно взглянула на Ваську. Тот прозрачный намек понял, молнией сорвался с рук жениха и исчез в доме. А я... Я сама приникла к мужским губам, вкладывая в поцелуй ярость, раздражение и ненависть к мужскому полу.

Целовались мы долго, так, что аж голова закружилась. А когда оба отодвинулись друг от друга, рядом почему-то оказался разозленный Финист.

– Ну и как, сладко целоваться? – язвительно спросил он.

Я смерила его презрительным взглядом.

– Слаще, чем с тобой.

С наслаждением понаблюдала, как сходит с ума от ревности бывший, развернулась и продефилировала в спальню. Мне нужно было о многом подумать.

Пока шла, с удовольствием вспоминала изумление в глазах Кощей. Вот уж кто точно не ожидал от меня поцелуя, тем более такого страстного. «Что ж, – проворчала я про себя, – кое-кого ждут и другие сюрпризы». Сила бурлила в крови напополам с гневом и

неудовлетворенностью. Мне хотелось по кирпичику разнести дом, выгнать постоянно пытавшихся вмешаться гостей и с чувством глубокого удовлетворения вместе с Никой отправиться домой.

Спальня встретила меня такой необходимой тишиной. С размаху плюхнувшись на огромную, застеленную теплым пледом постель, я с ненавистью взглянула на свой сарафан. Да чтоб вас с вашей любовью к древнерусским нарядам! Закрыв глаза, я почему-то вспомнила, как на выпускном в школе в своей деревне шокировала правильных подружек и завуча с директрисой, появившись в очень уж коротком черном платье. Любительница любовных романов и редко появлявшихся в нашей глуши ярких глянцевого журналов, я тогда наивно решила затмить всех выпускников своей красотой, элегантностью и шиком. Затмила, да. Отец хворостиной домой гнал, а потом недели две слишком активных пацанов от дома отваживал и из кустов вылавливал.

Ногам резко стало холодно. Я удивленно посмотрела вниз и сразу же скривилась. Вот ничего путного сделать не могу. Черное платье, да. Облегающее, как вторая кожа. Интересно, снимать его как? Ножом разрезать? Хорошо хоть рукавов нет. А вот длина и вырез... Не пустят меня в таком наряде в местное приличное общество, ой не пустят.

– Даша, – дверь вдруг открылась, и в комнату бесцеремонно заглянул Финист. Увидел меня в пародии на платье, гулко сглотнул, отвел глаза. – Я... Нам поговорить... Надо...

– О чем? О твоём побеге? – не меняя положения и не делая попытки спрятать обнаженное тело, спросила я. – Так поздно об этом говорить. Десять лет прошло.

– Даша...

– Закрой дверь, Финист. С той стороны.

Хватит с меня, один раз я побывала наивной дурочкой, поверила в мужские чувства.

Словно подтверждая мои мысли, по комнате пронёсся ветер, этакий мини-ураган. Он вытолкнул отца Ники в коридор и захлопнул за ним дверь. Что ж, чудно. Иногда и от магии может быть польза.

Ужин мне принесли в комнату. К тому моменту я уже остыла и встретила Аглаю недоуменным взглядом.

– Куда мне столько?

– Приказ господина, госпожа ведьма, – пробормотала девчонка, пряча глаза.

Какого именно господина, можно было не спрашивать. Кощей, судя по всему, решил раскормить меня до размеров колобка, чтобы никто больше на его невесту не покушался: три пирога с разной начинкой, жареное мясо, на гарнир – два вида каш и тушеные овощи. Плюс квас и пирожки. В общем, полноценный ужин для нескольких человек. Я спорить не стала, дождалась, пока Аглая удалится, представила себе шушиндру, жар-птицу и Ваську, а когда эта троица зашумела в коридоре, впустила их в спальню и отдала на растерзание практически всю снедь. Себе оставила кусок мяса, овощи и один пирожок.

– Иногда и от баб польза бывает, – снисходительно поглядывая на меня, сообщил объевшийся Васька, разлегшийся на ковре.

Я лениво запустила в него подушкой. Не попала. Кот только усы распушил.

– Р-р-я-а-у! – поддержала друга шушиндра, начиная вылизываться.

Жар-птица раскрыла и вновь закрыла хвост, посмотрела на меня, и через секунду в моих руках было одно из перьев. Золотое.

Я недоуменно посмотрела на птицу. Она ответила мне насмешливым взглядом. Я моргнула. Птица отвернулась. Перо осталось у меня.

– Лечиться тебе надо, Дашенька, – обреченно пробормотала я и потерла ладонью лицо.

Я с их сказками скоро с ума сойду. Если уже не сошла. «А потом окажется, что не было ни домика Яги, ни Кощей, ни шушиндры, а я лежу в палате с белыми стенами и с какой-нибудь мудреной горячкой в анамнезе», – уныло подумала я, посмотрела еще раз на перо и вздохнула. И вот что с ним делать? В какую часть тела и кому втыкать?

– Вась, а Вась, – позвала я кота. – Вась, что мне с этим делать?

Кот красноречиво взглянул на нерадивую ведьму.

– Желание загадывать, а потом перо по воздуху пустить.

– А сбудется?

Кот фыркнул в усы.

– Вы, ведьмы, все такие безголовые? Или только мне за грехи мои тяжкие досталось подобное «счастье»? Конечно, сбудется. Жар-птица

сама тебе его дала.

Ладно, по воздуху, так по воздуху.

Я подошла к окну, потянула на себя ручку, задумалась, оформила мысленно пожелание и отпустила злато перышко. Что ж, посмотрим, как тут желания сбываются...

Утро началось с чересчур громкого стука в дверь, причем стучали не только кулаками. Я заперлась перед сном, а потому пришлось избавляться от теплого одеяла, встать и, широко зевая, идти открывать.

На пороге оказались Финист, Змей и Кощей. Ну, в принципе, в первом и третьем не было ничего удивительного. А вот второй... У него же жена и дети. Кобелина.

– Даша! – Финист чуть ли на визг не сорвался. – У тебя совесть есть?! Сними сейчас же! Даша!

– В спальню, – приказал Кощей, буравя меня недовольным взглядом. Наивный. Нашел, чем пугать.

– За закрытыми дверями убивать будете? – уточнила я, отступая, чтобы позволить этой троице зайти в комнату.

– Даша, это не смешно, – недовольно фыркнул Змей, заходя следом за моими бывшим и настоящим мужчинами. – Мне, вообще-то, скоро домой возвращаться.

– Так а я при чем? – совершенно искренне изумилась я. – Это не я хотела секса, будучи семейным человеком.

– То есть не снимешь? – хмуро уточнил покрасневший Змей.

– Клянусь, что я сама никаких заклинаний не произносила.

Троица переглянулась.

– А кто вместо тебя? – вкрадчиво спросил Змей.

– Вряд ли вы сможете тут что-то поделать. Я желание загадала и перо жар-птицы по воздуху пустила, – сообщила я мужчинам.

На меня посмотрели, как на врага народа, подлежащего немедленному расстрелу.

– Почему хвосты? – обиженно проворчал Финист.

– На память, – хмыкнула я.

– И когда они отвалятся? – подал голос Кощей.

– Когда у вас троих помыслы чистыми станут.

Если бы взглядами можно было убивать, меня мгновенно растерли бы в пыль.

– Завтрак через час, – бросил обиженный в лучших чувствах жених и, не оглядываясь, первым вышел из моей спальни.

За ним последовали и остальные.

Дверь аккуратно закрылась. Я прикрыла глаза. Наверное, нужно было не свиные хвосты просить, а рожки, как у чертей.

На завтрак собрались все, включая зверей, активно выпрашивавших вкусняшки. Не было только детей, но они не доросли еще до общения за столом со взрослыми.

– Ты хотел развлечения? – с явным намеком спросил Кощей у Змея. – Будет тебе развлечение. Скоро придут скоморохи. Они развлекут. Всех нас, – с последними словами жених повернулся ко мне.

Взгляд его мне не понравился. Предупреждающий и предвкушающий одновременно. Похоже, кое-кто решил взять реванш. Понять бы еще, что именно он задумал...

Скоморохи действительно прибыли, очень скоро. Их отправили на просторный задний двор. Там труппа из семи человек развернула бурную деятельность: один угол двора огородили, занавесили серой, выдавшей вида плотной простынкой, вытащили на свет божий таких же потрепанных перчаточных кукол, явно самодельных, устроили балаган. Собравшиеся на представление слуги довольно смеялись, Змей и Соловей изредка хмыкали, Ванька чуть ли не визжал от смеха. А мы с Никой старательно скрывали зевоту.

– Мама, ну вот как это может быть смешным? – буркнула моя испорченная телевидением и интернетом дочь, уныло наблюдая, как за Петрушкой гонится чудище, внешне похожее на собаку.

Ответить я не успела: отчего-то сдуревший Васька решительно прыгнул на несчастную тряпичную куклу и стал сосредоточенно рвать ее, пугая своим энтузиазмом и артистов, и зрителей.

– Ника, – нахмурилась я.

– Это не я, мама, – открестилась дочь.

Она или нет, было уже не важно: игрушка была испорчена, а представление – прервано.

Впрочем, надолго без развлечений народ не остался. От скоморошьей труппы отделился один из актеров, рослый плечистый детина, рыжий и наглый, и зычным голосом сообщил:

Мы – скоморохи, веселые лицедеи,

Поем, как можем, пляшем, как умеем,

Мы скоморошьего происхождения,
Очень древнего рода рождения,
Давно дали зарок: до скончания нашего века
Постоянно веселить и радовать каждого человека!²

За ним выскочил другой: худой, длинный, с ломким тонким голоском. Он забренчал на гусях и начал заунывно тянуть балладу о несчастной любви княжеской дочери и купеческого сына.

Ай и встретились они у овражка, да и полюбил он ее
Да любовью-то сильной, да безумной, -
громко вещал певец, не думая ни о логике, ни о смысле.

Мне захотелось зажать уши. Голос неумолимо ввинчивался в мозг, как штопор в бутылку.

– Какая романтическая история, – Кощей подошел неслышно и стоял рядом, издевательски ухмыляясь. – Надеюсь, исполнителя озверевший Васька не порвет?

Я поморщилась от очередного «петуха» певца и хмуро уточнила.

– Это месть за перо жар-птицы?

– Ну что ты, – хмыкнул жених, – я еще не начинал мстить. Тебе не кажется, что нужно вспомнить об обязанности невесты?

Дождаться ответа он не стал, вместо этого наклонился и начал требовательно меня целовать.

«Ника увидит», – пронеслось в мозгу прежде, чем он отключился.

И снова Кощей виртуозно возбуждал меня одними поцелуями. Его язык гладил и ласкал мои губы, я с трудом сдерживала стон и явно хотела большего, приникая к жениху, как к роднику с чистой питьевой водой, требовательно целуя его и сходя с ума от желания...

Пришла в себя в полной тишине. Отдышалась, стараясь унять дрожь в теле, огляделась. Все тот же задний двор, все те же зрители. Вот только над нами с Кощеем Соловей и Змей держали ветки рябины. С плодами³.

– А вот это месть, – еле слышно шепнули мне на ухо.

– Поздравим молодых! – громко возвестил Лихо. – Совет им да любовь! Пусть новая семья...

Дальше я не слушала. «Убью», – билась в голове мысль. Я повернулась к своему теперь уже мужу, посмотрела в его наглые глаза, облизнула сухие губы и зарычала.

Терпеть не могу физкультуру, особенно бег. Спортсмен из меня, как из Ники – Гарри Поттер⁴. Всегда предпочитала выходить заранее, чтобы не опаздывать, не спешить, не бежать. Но не в тот момент. Тогда я не бежала – летела. Вполне возможно, что любого спринтера запросто обогнала бы. Препятствия на пути? Какие? Где? Нет их. Обежать или перепрыгнуть. А вот фигура улепетывавшего от меня муженька есть. Она сил мне придает, на подвиги ратные вдохновляет. В общем, гоняла я его по всему дворцу. Потом вдруг резко выдохлась, прислонилась к косяку, огляделась. В этой комнате я еще не была. Кровать, стол, стул. Ничего лишнего. Все по-спартански скромно. Сам муж стоял у застеленной кровати с мерзкой ухмылочкой на губах.

– Успокоилась? – поинтересовался он, пока еще не рискуя подходить ко мне.

– Где мы? – проигнорировала я вопрос.

– В моей спальне.

И снова эта улыбочка. Смотрит, гад, с намеком. Спальня, говоришь? А почему, собственно, и нет? Секс полезен для здоровья. Заодно и напряжение сниму.

Я начала неспешно раздеваться, наблюдая за тем, как меняется дыхание у моего вероломного мужа, как в глазах появляется желание, сходное с моим. Кощей в несколько шагов преодолел расстояние между нами, протянул руки, стал помогать мне. Я была не против. Муж? Пока – да. Потом – посмотрим. По меркам России я еще свободная женщина. А свадьба в стиле славян... Ну мало ли, у кого какие извращения.

Эмоции выплескивались через край. Азарт от погони плавно переходил в возбуждение. Дыхание наше участилось. Мы завалились на кровать и начали с любопытством и нетерпением исследовать друг друга. Я не была наивной девочкой, красневшей при слове «секс», и смогла по достоинству оценить опытность своего нового любовника.

Из постели мы вылезли вечером, сбросив напряжение и вспомнив о потребностях желудка. В кухне на столе мы обнаружили оставленные слугами для молодых кувшин с молоком, свежий, еще горячий каравай хлеба, порезанное пластами жареное мясо и землянику.

– Вкусно, – я жевала уже третий кусок мяса, – скоро придется гардероб менять, иначе в джинсы не влезу.

Кощей удивленно поднял бровь.

– Ты еще дорожишь этой дурацкой одеждой?

– Эта дурацкая одежда, между прочим, приличных денег стоит, – язвительно просветила я мужа. – Да и скоро домой возвращаться. Ученики меня в сарафане не узнают.

– Домой? В сарафане? Твой дом теперь здесь, – последовал ответ.

Ну что ж, ожидаемо. Вот только я никогда не любила самоуверенных мужчин. Рано став самостоятельной, я всегда поступала так, как считала нужным, и даже родительские наказания не вбили в мою голову уважение к желаниям других. Поэтому развивать тему я не стала, благоразумно промолчав, но прекрасно знала, как именно поступлю в очень скором времени.

Ночевали мы в своих комнатах – на этом настояла я.

– Зачем? – попробовал воспротивиться Кощей. – Мы с тобой теперь супруги.

– И что? – удивилась я. – У супругов не может быть отдельных спален? Мне еще надо Нике все объяснить. Она привыкла...

– Нике? – оборвал меня муж. – Ты считаешь, она не знает, куда и зачем мы исчезли? Или до сих пор думаешь о ней, как о несмышленном ребенке? Уверю тебя, она отлично все поняла.

Я покраснела и все же на ночь отправилась к себе.

– Мамочка, – влетела ко мне утром растрепанная дочь, сверкая голыми пятками. Ну хоть в длинной теплой ночнушке, и то дело, – мамочка, а ты правда замуж вышла? За Кощея? А мы теперь здесь жить будем? А бабушку с дедушкой сюда привезем?

– Ника, ты почему без обуви? – я взъерошила волосы ребенка, – Заболеть хочешь?

– Ну мамочка, – заканючила дочь, – ну ответь...

– На что ответить? Да, мы с Кошеем прошли обряд бракосочетания, но только по местным обычаям. Официально, по законам нашей с тобой страны, мы не женаты. В школу ты тоже ходить не собираешься? Или думаешь, что магией все можно заменить? Дедушку с бабушкой ты спросила? Может, они не захотят сюда ехать?

Ребенок поник.

– Ну мамочка, это же сказка...

– Вот именно, что сказка, – я устало вздохнула, – а есть еще и реальная жизнь.

Оставаться здесь навсегда я не намеревалась: родители, работа, налаженный быт – все это было мне слишком дорого, чтобы обменять его на иллюзорное счастье с неким сказочным персонажем. Кощей добровольно меня отпускать не хотел. Значит, оставалось только одно: научиться магии в таком объеме, чтобы суметь сбежать в нужную минуту. В конце концов, если я – ведьма, причем сильная, то и магией должна владеть.

Отправив Нику в её комнату, я дождалась служанку, привела себя в порядок, надела ненавистный сарафан и спустилась вниз.

За завтраком снова собрались взрослые обитатели дворца и животные. Сестра Финиста, умиляясь в край обнаглевшим шушиндре и Ваське, без стеснения кормила их кусочками со своей тарелки. Жарптицу взял под свое покровительство Лихо. Остальные предпочитали смотреть в свои тарелки. И только бывший жених постоянно прожигал меня взглядом. Судя по всему, ему не нравилась рука Кощея, хозяйски лежавшая на спинке моего кресла. Я активно поглощала пшеничную кашу, блины, икру, запивала все это морсом из лесных ягод и не обращала внимания ни на руку, ни на бывшего. Передо мной стояла цель, четкая и ясная.

– Вот что значит, из девки в жены перейти, – одобрительно заметил Лихо, – и аппетит появился. Правильно, жене надо быть круглой и доброй. Как же иначе она ребенка выносит?

Я проглотила застрявший было в горле кусок блина, открыла рот... и тут же его закрыла... Марья, услышав слова Лиха, покраснела, резко отодвинула кресло и буквально выскочила из-за стола. Народ замолчал. Я удивленно посмотрела на Кощея. Он качнул головой.

– Все в порядке. Наелась, видно.

Сам муж своим словам не верил. Но не допрашивать же его при гостях.

После завтрака мужчины направились на задний двор – стрелять из лука и бросать в цель копье, соревноваться в меткости. Я, довольно усмехнувшись, потопала в свой кабинет – варить очередное зелье. Впрочем, это была официальная отговорка. На самом деле я, едва зайдя в комнату, я позвала родовую книгу и задала четкий вопрос. Меня интересовала теория построения порталов. Прекрасно осознавая, что до практики мне еще далеко, следующие несколько часов я вчитывалась в текст, тщетно пытаюсь понять хоть что-нибудь.

«Порталы служат для перехода на дальние расстояния, – учила книга. – Только сильная ведьма, с детства обучавшаяся колдовской науке, способна открыть портал в необходимое ей место. При этом само место нужно представлять себе в мельчайших подробностях, иначе есть риск оказаться на другом континенте, а то и в другом мире».

Дальше шли столбцы с цифрами, ссылки на разных ученых магов, в то или иное время открывших очередную закономерность, цитаты и выдержки из учебников магии.

Сходя с ума от обилия информации, я отложила книгу в сторону и направилась к своим колбочкам и ретортам. Мне захотелось сварить какое-нибудь неизвестное зелье, что-нибудь этакое, необычное.

От колдовской работы меня отвлек муж.

– Опять привораживать собралась? – хмыкнул он. – И кого на этот раз?

– Ваську к шушиндре, – я аккуратно перелила в колбочку получившееся светло-коричневое зелье, закрыла его пробкой и задумчиво посмотрела на Кощея.

Тот вздрогнул.

– Пробовать не буду.

– В книге говорилось, что зелье должно быть прозрачным, – спокойно сообщила я.

– Да? – заинтересовался Кощей. – И что ты готовила?

– Сыворотку правды.

– Для кого?

– Да так, для одного вредного умника, который умеет врать, не краснея, – пожала я плечами.

– Это когда я врал? – возмутился Кощей.

– Да хотя бы когда свиток с Юлькиной подписью нам с Никой показывал. Почерк ее, только она так давным-давно не подписывается.

Муж хмыкнул.

– И ты тем не менее отправилась вместе с дочерью непонятно куда? Не побоялась?

– А речь не обо мне, – парировала я. – Скажешь, это не ложь? А сегодня за столом что было? Тогда, с Марьей?

Кощей вздохнул.

– Марья давно в Лихо влюблена, а он ее не замечает, предпочитает других женщин, более фигуристых.

Прелестно. Просто прелестно. Еще чужой несчастной любви мне на жизненном пути не хватало.

– Кто они все? Эти гости – кто и откуда?

– Ты хочешь обсуждать это здесь?

– Естественно. Пока в моих руках страшное химическое оружие, ты более разговорчив.

Муж рассмеялся.

– Химическое оружие, говоришь? Сдается мне, после этого оружия можно сутки в рот ничего не брать и только о вечном думать.

– Думаешь, средство от запора? – уточнила я. И тут же спохватилась. – Ты тему не меняй. Кто они все?

– Правители, – пожал плечами Кощей. – Каждый – своей земли. У Лиха – Китеж, у Соловья – Буян, у Змея – Тмутаракань, у Марьи – Беловодье.

– А у тебя?

– Лукоморье.

Ну здравствуй, клиника. Интересно, мне сразу психотропы начнут колоть или сначала попытаются как-то по-другому на мозги воздействовать?

– А Юлька? – решив последовать примеру Скарлетт и подумать обо всем завтра, спросила я.

– А Юлька выступала в роли свахи. Решила нас поженить.

Я медленно подняла свободную руку, поднесла ее к голове, покрутила пальцем у виска.

– А почему нет? – не понял мой недогадливый муж. – Ты – сильная ведьма, пусть и не обученная. Я тоже не самый последний маг. Наши дети будут обладать и силой, и умением.

– То есть ты решил на мне жениться, даже не видя вживую? Из-за будущих наследников? – данный факт меня сильно задел. Нашел стельную корову.

– Почему не видел? – уточнил Кощей. – Юля мне показывал картинки движущиеся. Там вы с Никой в парке.

Картинки, говоришь? Видео, значит? Последний раз мы гуляли втроем полгода назад. Хорошо подготовилась, подружка. Нет, злости и негодования больше не было. Осталось лишь желание держаться от такой доброй подруги подальше. В этот раз она меня замуж без спроса выдала? А в следующий что сделает? На органы продаст?

– Даша? – позвал Кощей. – Я не пойму, почему ты против? Разве нам плохо вместе?

– В постели? – я с трудом сдерживала разгоравшуюся в душе злость, плавно переходившую в ярость. – Почему же, в постели пока все отлично. А в повседневной жизни? Или ты о ней не подумал?

– А что с ней не так? – спросил недогадливый муж и сделал шаг в мою сторону.

Вместо ответа я размахнулась и бросила свою склянку в стену. Мне хотелось все крушить, разнести этот дворец по кирпичику, устроить темную Юльке, а потом забиться куда-нибудь в угол, разреветься и забыть обо всех и обо всем. Продала. Лучшая подруга продала. Настоящая жизнь рассыпалась прахом, смешавшись с непонятной сказкой. Никто здесь не желает видеть того, что отлично видно мне: мы с Кошеем не пара. Мы из разных миров, с разным менталитетом, да даже одеваемся по-разному. Да, как курортный роман, это, наверное, все неплохо. Но только лишь. Выйти замуж за него? Жить здесь? Зачем?!

Снизу начал подниматься вихрь, почему-то оранжевый. По полу стал стелиться плотный фиолетовый туман. Где-то далеко меня звал перепуганный Кощей. Звал и не мог дозваться. Горло сжало спазмом. Не получалось ни говорить, ни плакать. Вихрь разрастался, переходя в воронку, из которой почему-то начали появляться грозно наставившие на меня свой рог единороги, бабочки с острыми зубами, ехидно скалившиеся пышногрудые русалки и огромные демоны с широкими кожистыми крыльями. Голова закружилась. Я снова, уже в третий раз, совершенно постыдным образом потеряла сознание.

Глава 7

Распрекрасно жить в домах

На куриных на ногах,

Но явился всем на страх

Вертопрах.

Добрый молодец он был:

Бабку Ведьму подпоил,

Ратный подвиг совершил – дом спалил.

В.С. Высоцкий. «Лукоморья больше нет»

На свете быть, на свете быть удобнее двуличным,

А правда что, а правда – миф,

Пора забыть о ней.

Ты понял, Кей? Ты понял, Кей?

– Мне это безразлично.

Ты понял правильно меня,

Ты – молодец, о'кей!

Песня из фильма «Тайна Снежной Королевы»

Я плыла на волнах тишины и покоя. Мне было хорошо, не хотелось ни двигаться, ни думать, ни чувствовать. Ничего не хотелось.

Зачем жить? Зачем чем-то заниматься? Зачем о чем-то думать? Ведь тут так хорошо... безлюдно... пусто...

Кто-то звал меня вдалеке, но я не видела смысла отзываться. Меня и так все устраивало. А потом резко стало холодно и мокро. Я вздрогнула и пришла в себя.

– Я же говорил, – меланхолично заметил рядом голос Лиха. – Холодная вода всегда в таких случаях помогает.

«Изверги», – с горечью подумала я, открывая глаза.

Надо мной склонились Кощей и Лихо.

– Даша, – позвал муж. – Ты как?

– А где воронка? – вместо ответа спросила я, начиная понимать, что лежу на полу в собственной лаборатории.

Мужчины переглянулись.

– Тебе привиделось, Даша, – мягко, как душевнобольной, сообщил Кощей.

Галлюцинации, значит. Что ж, когда-нибудь это должно было случиться. Раз уж я стала женой правителя Лукоморья, то видеть скалящихся русалок и подавно могу.

Кощей наклонился, поднял меня и понес на руках прочь из комнаты. Я ехала на своей «лошадке» и радовалась, что поблизости нет Ники. Она точно от Ваньки не отстала бы потом.

Ника... Вот еще проблема: как объяснить счастливому ребенку, что нужно возвращаться домой? Пока ни одной логичной причины, кроме необходимости вернуться к привычному укладу, я не находила.

До конца дня я находилась в своей спальне: приходила в себя после выходки в лаборатории, ела, спала. Поздно вечером пришел Кощей, закрыл дверь на магический замок и начал меня раздевать. Я не сопротивлялась: в постели нам было хорошо вместе. Его руки исследовали каждую часть моего тела, губы следовали за ними, я плавилась в мужских объятиях и сходила с ума от страсти.

На следующий день гости наконец-то собрались уезжать. Я с дежурной улыбкой сидела за праздничным столом, выслушивала пожелания в нашу честь и про себя радовалась, что во дворце, кроме детей и животных, никого не останется. Финист хмуро поглядывал в мою сторону, я полностью игнорировала его и надеялась, что наши с ним дороги больше никогда не пересекутся, ни здесь, в Лукоморье, ни на Земле, где, как я поняла, он частый гость.

Перед отъездом все правители и Финист одарили нас подарками – небольшие прямоугольные коробочки, все одинакового размера, были вручены мужу.

– Благодарю, – вежливо улыбался каждому гостю супруг, – мы с Дашей обязательно воспользуемся вашими дарами. Уже ночью, оставшись в его спальне, я узнала, что подарки были нематериальными. Лихо, как обычно, подарил пожелание достатка и многочисленной семьи, Марья – стабильность во всем, Змей – любвеобильность, Соловей – ум и уверенность в себе. Финист... Ну а что может подарить бывший? Пожелание не сомневаться в верности друг друга.

Когда последний гость наконец-то переступил порог дома, Кощей настойчиво подхватил меня под локоть и, не желая слышать отказа, решительно направился на задний двор. Два часа тренировок воли, силы и терпения под ехидные замечания наглого «учителя» сделали из меня безумно злобную ведьму.

– Сила, Даша, должна быть под контролем всегда, что бы с тобой ни происходило, – наставительно произнес Кощей, в который раз уворачиваясь от летевшей в него чугунной сковородки. – Ты обязана контролировать и эмоции, и настроение. Да даже желания должны быть строго отфильтрованы. Надо понимать... – на голову этому умнику плавно опустился жирный блин из той же сковородки.

Щелчок пальцами – блин исчез. Кощей поморщился.

– Даша, ты опять пакостничаешь. А надо сражаться. Или хотя бы думать, что сражаешься.

От очередного блина Кощей уклонился.

– Даша!

– Я домой хочу! – мои нервы снова сдали. Я, похоже, в этой сказке скоро настоящей истеричкой стану. – В свою, нормальную реальность! Без магии!

– Твой дом теперь здесь, – и смотрит с прищуром, как будто испытывает меня: как отреагирую на это дурное заявление.

«Не получается брать силой – бери слабостью», – учила меня с юности мама, всю жизнь ездившая у отца на шее именно из-за своей «слабости», помноженной на хитрость. Плюнув на гордость, я позволила слезам свободно течь по щекам.

– Даша! – сильные руки тут же обняли меня и прижали к крепкому торсу. – Даша, милая, ну что ты.

Уже через минуту мы порталом оказались в спальне мужа. Конечно же, примирение в постели прошло бурно. Вот только отпускать меня назад, на Землю, Кощей явно не собирался. А я не хотела оставаться в этом диком для меня мире даже ради горевших счастьем глаз Ники...

Мы не вылезали из постели несколько часов, ласкали друг друга, наслаждались возможностью побыть вместе, без назойливых гостей и шумных детей. Лежа в кровати вместе с мужем, я, конечно, была счастлива. Вот только реалистка во мне упорно твердила, что невозможно быть счастливой в сказке. Когда-нибудь и мне, и дочери придется все же столкнуться с реальностью, терпеливо ожидающей нас обеих за воротами кощева дворца. И лучше сделать это пораньше – меньше слез, боли и разочарования принесет такая встреча.

Вечер преподнес очередные проблемы: когда внизу раздался грохот, мы с Кошеем, не сговариваясь, выдохнули:

– Ника.

Перемазанные в саже и гари, но довольные, практически счастливые, дети о чем-то шушукались перед разнесенной в пух и прах дверью в обеденный зал.

– По-моему, кто-то очень давно не вспоминал о таблице умножения, – задумчиво произнесла я, стоя рядом с сосредоточенным мужем и разглядывая место разгрома.

– Мамочка! – повернулся ко мне чересчур довольный ребенок, демонстрируя очень знакомую книгу оранжевого цвета, – а мы с Ваней динамит делаем!

Если б не Кощей, я опустилась бы прямо на пол. Муж аккуратно поддержал меня под локоть, прижал к себе, погладил по голове, как маленького ребенка.

– Поздравляю, Даша, – сообщил он ровно, – твоя дочь в силу вошла. Теперь и ей ваша родовая книга подчиняется.

От открывающихся перспектив у меня закружилась голова. Как-то очень ярко представились и руины дворца, и искалеченные слуги, и довольная мордашка Ники...

– Мамочка, – испуганная дочь быстро подбежала ко мне, – мамочка, тебе плохо?

– Ника, ты хочешь, чтобы я в больницу попала? – устало посмотрела я на дочь.

– Но, мамочка, это же сказка, тебя тут обязательно вылечат!

Угу. Потом догонят и еще раз вылечат. Ника, похоже, никак не хотела осознать всю реальность происходящего. Подумав об этом, я еще раз уверилась в правильности выбранного решения. Осталось только научиться строить порталы... Такая малость для настоящей ведьмы...

Ужинали мы с мужем в одиночестве, в многострадальном обеденном зале, с уже восстановленной дверью.

– И что, никак эту книгу от нее не спрятать? – спросила я, мыслями все еще возвращаясь к сцене с детьми.

Кощей пожал плечами:

– Вы обе – сильные ведьмы одного рода. Книга слушается вас одинаково.

Чудесно. Просто чудесно.

– Не переживай. На детях защита. На дворце – тоже.

Угу. А на моей нервной системе?

– Кощей, – вспомнила я давно мучавший меня вопрос, – а кто такой Ваня? Твой племянник?

Муж качнул головой.

– Приемный сын. Он пришел сюда сам, шесть лет назад, грязный, измученный, ничего о себе не помнивший. Тогда ему было четыре года. Теперь – десять.

А муж-то у меня, оказывается, с добрым сердцем, да еще и ответственный...

Ночь я провела рядом с супругом. Мы снова страстно познавали друг друга, и проснувшись утром, я поняла, что с каждым днем мне становится все труднее уговорить себя вернуться домой, в маленькую городскую квартирку, к налаженному быту и родителям, которые пока что даже не подозревают, в какой переплет попали их дочь и внучка.

Утро принесло с собой умопомрачительные запахи. Я проснулась от аромата выпечки, смешанного с запахом морского бриза. Хотелось нежиться в необычных волнах непонятной ароматерапии, не было никакого желания подниматься, идти куда-то, думать о чем-то...

– Выпорю, – раздался рядом почему-то раздраженный голос Кощей. – Обоих выпорю.

Обоих? Кого можно было выпороть и за что? Мысли текли неспешно, лениво. Обоих... Кто тут всегда ходит парочкой? Разве что Ваня с Никой... Ника!

– Лежи, – судя по голосу, муж уже поднялся. – Моя защита сильнее твоей. Я сам справлюсь с этими обормотами.

Сил спорить не было, поэтому я осталась в постели, вдыхая веземные ароматы и раз за разом пытаюсь прочистить мозги.

Воздух внезапно очистился. «Кто кого поймал?» – мелькнула в моей голове задорная мысль. Я прекрасно осознавала, что Кощей не причинит детям вреда, да и Ника обладала феноменальной способностью уболтать кого угодно. Так что спешить на помощь малолетним вредителям смысла не было. А вот мужа, похоже, спасти надо было...

– Мам, – в дверь влетела мелкая нечисть, растрепанная, обиженная на весь свет. Да уж, в таком существе милая Ника угадывалась с трудом, – Мам, нас завтрака лишают!

– А я еще лично тебя вообще посажу на весь день на хлеб и воду, – приподнявшись на локтях, сообщила я.

Ребенок хлюпнул носом.

– Ну мам...

– Ника, – я строго посмотрела на дочь, – попробуешь развести тут сырость, заставлю падежи учить.

На меня взглянули, как на подлежащую немедленному уничтожению нежить, затем Ника развернулась и выскочила из комнаты. Да, вырастет ребенок. Пора, видимо, гайки закручивать, пока она все тут на щепки не разнесла...

«Или же наконец-то научиться строить порталы и вернуться к привычной жизни», – услужливо подсказал внутренний голос. Сердце в груди заныло. Я досадливо закусила губу. Поздравляю, Дашенька, ты все же влюбилась.

Встав и тщательно причесавшись, в кои-то веки самостоятельно, без помощи служанки, я рассеянно посмотрела на лежавшую на табурете одежду. Настроение было отвратительным. Заставив себя влезть в ненавистный сарафан, я спустилась в обеденный зал. Есть не хотелось, а значит, первая стадия влюбленности скоро успешно завершится. Мне не хотелось есть, когда я влюблялась.

Кое-как поклевав выставленные на стол блины, я удивилась тишине во дворце и отсутствию за столом Кощея. Да что там Кощей. Живности, и той не было видно. «Похоже, не одним нам от ароматерапии досталось», – подумала я и направилась в комнату к дочери. С Никой необходимо было серьезно поговорить.

Ребенок сидел, насупившись, на кровати. Рядом на тумбочке стоял поднос с нетронутым завтраком.

– Ника, – позвала я, присела рядом, обняла дочь, погладила её голове, – нельзя так себя вести. Ты уже взрослая девочка. Зачем нужно было нас утром травить?

– Я не травила, – буркнула дочь, не делая однако попытки отодвинуться, – мы с Ваней пытались в сокровищницу пробраться. Ваня сказал, что запах может послужить ключом.

Отличное объяснение. Просто превосходное. Да пусть хоть весь дворец вымрет! Дочери необходимо пробраться в сокровищницу самого Кощея! Эй, санитары! Ау!

– Что вы там забыли? Ника, это же все равно, что залезть в чужой кошелек. Это воровство, понимаешь?

– Неправда! – вскинулась дочь, яростно сверкая глазами, – мы не собирались воровать! Там яблоки молодильные! Я для бабушки с дедушкой взять хотела!

Слов у меня не осталось. Эмоции тоже закончились. Я тяжело вздохнула.

– Ника, понятия не имею, есть там яблоки или нет, но они не твои. А значит «взять» – это воровство. Эх, – не дав дочери ответить, горько пробормотала я, – сказка сказочка. И когда уже мы с тобой домой попадем? В нормальный мир?

Миг – и все вокруг резко завертелось, как на карусели. А в следующую секунду мы с Никой оказались в городской квартире, той самой, из которой выезжали отдохнуть на природе.

Дочь ошеломленно посмотрела на меня:

– Мапочка...

– Мы дома, Ника, – я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то искусственной, даже жалкой. На сердце будто опустился тяжелый валун. Дура ты, Дашка. Хотела же вернуться в город? И почему тогда сейчас не радуешься?

На глаза Ники выступили слезы.

– У тебя снова волосы каштановые, а глаза – синие, – сообщила она и горько разрыдалась.

Я прижала дочь к себе, сморгнула с глаз непрошеную влагу. Нет, я не буду плакать. Никому это не нужно. Мы обе хорошо отдохнули, набрались впечатлений на всю жизнь. А то, что я снова безответно влюбилась... Чужь какая... Справилась тогда, справлюсь и сейчас... Как говорил герой старого фильма: «Будем жить»⁵.

До вечера мы в Никой ходили, как в воду опущенные. Ни у меня, ни у нее не было ни малейшего желания заниматься домашними делами, планировать дальнейшую жизнь или думать о будущем.

Вечером я заставила себя позвонить родителям. Мой мобильник погиб смертью храбрых в избушке Юльки, поэтому набирать маму пришлось со старенького домашнего телефона.

– Даша, у тебя совесть есть? – вместо приветствия раздраженно поинтересовалась в трубку мама. – Ты почему мобильник выключила? Ты вообще можешь себе представить, как мы с отцом за вас с Никой волновались? Хорошо, Юля додумалась сообщить, что у нее дома связь барахлит. А так что нам оставалось думать? Морги снова и снова обзванивать? Мы вообще-то уже не настолько молоды, чтобы подобные потрясения переживать!

Когда мама заводилась, ее лучше было не перебивать. Поэтому я покорно выслушала все, что она обо мне думала, и извинилась.

– Завтра воскресенье. Ждем вас с Никой в гости, – послышалось в ответ.

Я покосилась на дочь, понуро сидевшую перед включенным ноутбуком, вспомнила, что машина, как и сумки с вещами, осталась в Лукоморье, но спорить не стала. Хотят родители удостовериться, что с нами все в порядке, значит, съездим, хотя бы на такси.

Ночью мне ожидаемо приснился Кощей.

– Сбежала, значит, – нехорошо ухмыльнулся он, сидя на кровати в своей спальне, – еще и барьер поставила. Не пойдет так. Ты, Даша, моя жена. И я тебя скоро найду.

Проснулась я в слезах. Барьер. Да какой к лешему барьер?! Не ставила я ничего! Найдет? Да и пускай... Я замерла. Это что ж получается, пока жила там, все время мечтала домой вернуться, а как дома оказалась, так и без мужа не надо ничего? А Ника? А ее учеба? А родители? А моя работа, в конце концов?!

Дочь, как и я, красовалась за завтраком опухшим лицом.

– Мамочка, – жалобно попросила она, – может, вернемся?

Я вздохнула.

– Учиться ты где будешь? Или думаешь, раз шарики разноцветные пускать научилась, уроки делать не надо?

– А Кощей с Ваней? – тихо уточнила дочь.

– Давай съездим к бабушке с дедушкой, а потом поговорим и о Кошее, и о Ване, – качнула я головой, трусливо оттягивая важный разговор.

На улице нас с дочерью ожидал сюрприз в виде старых «жигулей», припаркованных на обычном месте возле дома.

Наверное, раньше мы обе удивились бы такой телепортации, но сейчас у нас было совершенно отвратительное настроение, а потому очередное чудо воспринялось как должное.

Дорога к деревне, как обычно пустынная, оказалась засыпана желтыми и красными листьями. Выстроившиеся по обе стороны от нее высокие деревья, практически «обнаженные», прозрачно намекали, что осень давно появилась на пороге. Сколько там осталось до начала очередного учебного года? Неделя вроде. И снова – Ника за партой, я – за учительским столом. И пустота в сердце. Впрочем, последнюю мысль я решительно отогнала от себя.

Родительский дом, двухэтажное кирпичное здание без некоторых удобств, встретил нас с дочерью крепкими материнскими объятиями и грозными взглядами отца. Еще в дороге я хотела было предупредить Нику, чтобы она не распространялась о наших с ней приключениях, но увидев в зеркало заднего вида унылую мордашку, промолчала. Дочери, похоже, и не нужны были никакие материнские предупреждения. Она и так не собиралась никому ничего рассказывать, главным образом из-за постоянных душевных терзаний.

Пока мама, невысокая плотная блондинка хохотушка, безрезультатно пыталась оживить на кухне поникшую Нику, папа, брюнет среднего роста с пивным брюшком, отвел меня в гостиную, кивнул на кресло и сурово приказал:

– Садись и рассказывай, да только честно, что у вас там приключилось? Почему ребенок теперь сам на себя не похож? Да и ты... Краше в гроб кладут.

«Добрые у меня родители», – грустно усмехнулась я про себя. Вслух же ответила.

– Пап, там отвратные условия. Хуже, чем здесь. Связи не было, позвонить вам я не могла. А Ника... Она подружилась с местным мальчиком, не хотела расставаться.

– Ты тоже с «мальчиком» подружилась? – ехидно поинтересовался «добрый родитель», и мои щеки предательски вспыхнули. Да уж, из Кощея мальчик, как из меня – прима Большого театра...

– А познакомить нас со своим избранником? – отец, когда хотел, мог быть очень настойчивым.

– Не с кем знакомить, пап, – вздохнула я. – Я уехала. Он остался там. В общем, мы расстались.

– Дура ты, Дашка, – последовала исчерпывающая характеристика. Родитель в словах никогда особо не стеснялся.

«Все бабы дуры», – вспомнила я почему-то.

Планировавшийся праздничным обед прошел грустно. Я ела овощной салат, жареную картошку с маминого огорода, запивала компотом, вспоминала кощевы пироги и квас и с трудом сдерживала предательские слезы.

Глава 8

Сам Кащей (он мог бы раньше врукопашную!)

От любви к царице высох и увял,

Стал по-своему несчастным старикашкой,

Ну, а зверь его к царице не пускал.

– Тыпусти меня, чего там,

Я ж от страсти трепещу!

– Хоть снимай меня с работы,

Ни за что не пропущу!

В.С. Высоцкий. «Сказка о несчастных сказочных персонажах»

Всё стало вчерашним, всё стало иначе,

Ты взрослый и, значит, уже не заплачешь.

Сегодняшний день, он уже не вчерашний,

Когда повзрослеешь, становится страшно.

Песня Герды из кинофильма «Тайна Снежной Королевы»

Время до первого сентября пронеслось со скоростью ультразвуковой ракеты. Мы с Никой привычно готовились к очередному учебному году, спешно покупали одежду и обувь взамен оставленных в Лукоморье, собирали дочери ранец, искали учебники. В общем, обычная предшкольная лихорадка. Мне пришлось влезть в кредит и разориться на новый мобильник. Нике я тоже купила «звонилку», причем не особо дешевую, стремясь отвлечь ребенка от мрачных дум. Школьные собрания учителей и родителей, предучебный мандраж, новости обо всех и обо всем – раньше мне всегда нравилось это волнительное ощущение, я любила бывать на людях и работать в коллективе. Да, школа – это серпентарий в

миниатюре, но сплетни за спиной меня мало трогали, а в лицо мне, зная мой острый язычок и непростой характер, никто гадостей не говорил. Потому и шла я каждый день на работу практически как на праздник, с удовольствием искала подходы к сложным детям, разрабатывала новые методы обучения, пыталась заинтересовать своих деток якобы скучной историей.

Но все это было раньше. До Лукоморья. До Кощея. До моего разбитого сердца. Теперь же я с трудом заставляла себя каждый день наклеивать на губы искусственную улыбку, тщательно одевалась и наряжала Нику, в общем, старалась запудрить мозги окружающим и показать, что у нас с дочерью все просто отлично. Никаких проблем и забот. Вот только сама Ника так не считала. Из активного шаловливого ребенка она превратилась в замкнутого подростка, молча выполняла все мои просьбы и любые указания учителей, молча ела, молча делала уроки. И просыпалась каждое утро с опухшим от слез лицом.

Впрочем, я от нее в этом вопросе не отставала. По ночам мне упорно снился Кощей. С каждым разом он хмурился все больше, твердил о каком-то непонятном барьере, обещал все кары небесные своей непослушной ведьме и раз за разом растворялся в утренних сумерках.

Из-за постоянных нервов и жуткого перенапряжения у меня испортилось здоровье: слабость, сонливость, усталость, постоянные головные боли, тошнота – эти симптомы стали моими спутниками на долгие дни.

– Дарья Викторовна, может, вам к врачу сходить? – озабоченно спросила как-то столкнувшаяся со мной в коридоре между уроками директриса. – Если нужно, поменяйтесь с коллегами, возьмите отгул, наконец.

Я вымученно улыбнулась и заверила начальницу, что обязательно найду к участковому врачу. В субботу. После уроков. Мне не поверили, но на время отстали.

В конце сентября, в ясный теплый день, на большой перемене, я, выйдя подышать свежим воздухом на небольшой пришкольный участок, неожиданно столкнулась там с Юлькой. Подруга как обычно была подтянута, накрашена, модно одета. Одни ее брюки стоили больше, чем моя старушка машина.

– Ну наконец-то, – всплеснула руками Юлька и крепко меня обняла. – Дашка, у тебя мозги есть?! Какого лешего ты такой сильный барьер поставила?! Тебя же найти невозможно! Хорошо, я знаю, где искать! Даша! Даша, ну что ты?!

Я хотела ее убить? Может и так. Когда-то хотела точно. Но это было давно, очень давно. В прошлой жизни, наверное. Теперь я обняла Юльку в ответ и, не сдерживаясь, разрыдалась, давая волю всем скопившимся во мне эмоциям.

Юлька дернулась было, но потом поняла, что я так просто не отстану, и несколько минут покорно стояла, позволяя мне намочить слезами дорожную блузку от какого-то там известного кутюрье. Наконец, когда я более-менее успокоилась, подруга отстранила меня от себя, открыла рот, чтобы что-то сказать и вдруг резко побледнела.

– Кощей тебя убьет, – пробормотала она ошарашено, – а я ему помогу. С удовольствием...

Затем сделала непонятные пассы руками перед моим лицом, удостоверилась, что больше рыдать я не собираюсь, и исчезла в открывшемся портале.

До окончания рабочего дня я ходила в буквальном смысле слова без чувств: на меня напала непонятная апатия, и в мозгу то и дело мелькала фраза из детского фильма: «Что воля, что неволя – все равно»⁶. Вот так и мне было все равно. На кричавших учеников и настороженно косившихся на меня коллег я не реагировала, на все вопросы отвечала машинально, не вдумываясь в смысл слов. Даже Ника, временно вылезшая из своего кокона и начавшая тормозить меня, не вызвала во мне никаких эмоций. Будто чужой ребенок рядом стоял.

– Мам, ну мам же, – испуганно звал меня ребенок.

Я повернулась на голос и так же бездумно уставилась на подъехавший к опущенному школьному шлагбауму за спиной дочери дорожный «мерс». Машина была мне не знакома. «Видно, очередного богатенького ребенка на дополнительные занятия привезли», – появилась в голове равнодушная мысль. Двери машины меж тем открылись.

– Ну здравствуйте, галюники, – пробормотала я, наблюдая, как из авто один за другим появляются сначала шикарно одетый Кощей, затем Ваня, а потом и Юлька.

Ника обернулась посмотреть, что еще привиделось матери, взвизгнула и помчалась к машине.

Кощей подходил медленно, не спеша. Глаза горели, словно пожар на сухостое. Судя по всему, правитель Лукоморья был в ярости.

Сзади послышался шепоток. О, а вот и коллеги во двор ломанулись. Теперь будут еще полгода точно эту картину вспоминать: я в столбняке и шикарно одетый мужчина, желавший меня придушить, напротив.

– Простите, а вы кто? – неожиданно храбро закрыла меня спиной директриса. И вот что ей нейдет? Ну убьют меня. Ей же проще: посадит на мое место свою нерадивую дочку. Сама же давно мечтала об этом. Мысли ворочались в голове, будто тяжеленные глыбы, с трудом перекатываемые атлетами.

– Я ее муж, – голос Кощей был холоден. У меня создалось ощущение, что сдерживается супруг с трудом.

А глаза... Там бушевал настоящий пожар. И я понимала, что если не оторвусь от них, то сгорю уже очень скоро. Но в том-то и дело, что отрываться я не хотела...

– Муж? – в голосе директрисы послышалось изумление. Начальница повернулась ко мне, удивленно спросила. – Даша, ты замужем?

– Да, – ответила я, все так же бездумно пялясь на Кощей.

Интересно, сколько стоит его костюм? А туфли? А галстук? А часы на запястье? И откуда у него, сказочного персонажа, такие деньги?

– Что ж, – кивнула начальница и отошла в сторону, – тогда не буду вам мешать.

Правильно, не надо. При всех он меня точно не убьет. А жаль... такое шоу пропадет...

– Даша? – муж уставился мне в глаза и чуть слышно выругался. – Возьми мою руку, и пойдем к машине. Даша, ты слышишь?

Конечно, я слышала. Словно робот, я взяла протянутую мне руку и, с трудом передвигая ноги, направилась к стоявшему по ту сторону шлагбаума «мерсу».

– Без «паутинки» нельзя было обойтись? – недовольно спросил Кощей у Юли, закрывая за мной, Ваней и Никой заднюю дверь.

– Она билась в истерике, так безопасней, – ответила подруга, садясь впереди.

Пока ехали, я бездумно смотрела в затонированное окно. Рядом о чем-то чуть слышно переговаривались довольные дети, с водительского сидения на меня то и дело бросал взгляд через зеркало заднего вида Кощей. А я... «Что воля, что неволя – все равно»...

Переместились мы, как и следовало ожидать, у того же Юлькиного дома. Миг – и я стою у деревянной калитки, вокруг лес, а рядом – дети, Юлька, Кощей.

– А я говорил, – слышался рядом знакомый ехидный голос, – все бабы – дуры.

Васька вышел из-за дома, потерся о мои ноги, и я почувствовала, как вернулись эмоции и ощущения.

Первым пришло облегчение – Кощей приехал, за мной, в мой мир. Потом – опасение – убьет, точно убьет. До сих пор глаза горят. После я повернулась к подруге и честно пообещала:

– Я тебя придушу.

Юлька только весело хмыкнула.

– Вы ж на нее посмотрите. Сбежала от мужа, ходит беременная, а еще туда же – убить собирается. Я тебе, Дашка, такого мужика подсунула. А ты что? Какого лешего надо было барьер строить? Совсем крыша от чувств поехала?

– Потом отношения выясните, – решительно оборвал нас Кощей и крепко взял меня, ошарашенную, за руку. Беременная. Кто беременная? Я? Снова?! – Давайте к порталу. Дома и поговорим.

Уже через полчаса мы, взрослые, как были, в дорожной одежде, сидели за накрытым столом в обеденном зале. Дети вместе с Васькой бесились наверху. Вопрос со школой для Ники и моей работой оставался открытым, но пока мне было не до того.

– Что за барьер и паутинка? – утолив наконец-то первый голод и отставив в сторону тарелку с остатками рыбного пирога, требовательно повернулась я к подруге.

Та повела плечами.

– Учиться тебе надо было с рождения, Даша. Тогда и вопросы глупые не задавала бы. Барьер ведьмы ставят, чтобы никто из близких не смог до них добраться. У тебя, видимо, это вышло из-за неконтролируемых эмоций и слишком большой, неуправляемой силы.

– То есть барьер я поставила подсознательно? – уточнила я.

– Именно, – кивнула Юлька. – А «паутинка»... Заклинание такое. Помогает сдерживать человека, избавлять его от эмоций любого плана. Как ты вообще смогла тогда построить портал? У тебя же знаний для этого не хватало!

– Я и не строила. Просто пожелала оказаться вместе с Никой дома, – ответила я, наблюдая, как многозначительно переглядываются муж и подруга.

– Да уж, – пробормотала Юлька, – это о тебе, видно, говорится: «Сила есть – ума не надо».

И вот что на это ответить?

– Завтра же поедешь по врачам, – вмешался в наш диалог Кощей, – а затем уволишься и осядешь здесь.

Если бы не беременность, я, может, и поспорила бы, громко, с битьем посуды. Вот еще, нашелся умник, начал указывать мне, как жить и что делать. Но потерять ребенка от любимого мужчины не хотелось. Да и что я там забыла, на той работе? Отработала уже. Побывав больше месяца на Земле, я с полной ясностью поняла, что хочу жить там, где живет мой муж. А Кощей, судя по всему, предпочитал Лукоморье.

– Сначала свадьба, по моим обычаям, а потом увольнение, – все же показала я характер. Муж в ответ только хмыкнул.

Юля уехала примерно через час, пообещав сообщить моим родителям, что их блудная дочь снова загуляла.

Счастливая Ника от радости и переизбытка энергии готова была разнести дворец, а потому до конца дня Кощей отправил детей на улицу, на задний двор.

– Они будут под куполом, – сообщил муж в ответ на мой взволнованный взгляд. – Защита не позволит им причинить вред себе, а купол – всем остальным.

Я сомневалась в правильности такой идеи, но спорить не стала. Тем не менее дома дети появились живые и невредимые и улеглись спать без задних ног.

– А как же Никина школа? – спросила я Кощею, когда мы ночью лежали в постели.

– Найдем возможность, – последовал ответ. – Юля говорила, что у вас есть домашнее обучение. Привозить Нику два-три раза в год на

экзамены не так сложно.

Я только вздохнула, еще раз убедившись в том, что муж мой – тип мутный, мной далеко не полностью изученный.

– Откуда у тебя «мерс»? – задала я очередной вопрос, наслаждаясь присутствием любимого.

Он насмешливо посмотрел на меня, взъерошил мне волосы.

– Не один Финист на Земле часто бывает. В вашем мире я – успешный и влиятельный деловой человек, часто уезжающий в длительные заграничные командировки.

Логично, блин. И не придерешься. Этаким сказочный бизнесмен с говорящим котом...

Утром нас привычно разбудил грохот, затем послышались крики.

– Ты уверен в домашнем обучении? – мрачно буркнула я, зевая с риском вывернуть себе челюсть.

– У тебя есть другое предложение? – хмыкнул чересчур бодрый Кощей, поднимаясь с постели.

На первый этаж мы спустились вдвоем. Сошли с лестницы и остановились, с любопытством наблюдая за раскинувшимся перед нами батальным полотном. Ника с Ваней в буквальном смысле слова оседлали извивавшуюся ужом под ними полную простоволосую девку, судя по видневшейся одежде – из прислуги, рядом с довольным видом умывался Васька, тут же сидела шушиндра. А около входной двери валялась очередная лягушачья шкурка.

– Дети, слезьте с нее, – голос Кощей прозвучал непривычно холодно, и я сразу заподозрила неладное.

Муж весь подобрался, в глазах появился нехороший огонек. Судя по всему, служанке придется несладко.

Ваня с Никой тем временем послушно отошли в сторону. Кощей взмахнул рукой, и служанка, мыча что-то нечленоразборчивое, повисла в воздухе.

– Даша, тебе нельзя сейчас волноваться, – сообщил муж и вместе с летевшим рядом телом вышел на улицу. Шкурка отправилась за ними. Тоже по воздуху.

Я вздохнула. Тиран. Волноваться мне нельзя. А от любопытства изводиться можно?

– Ника, что тут у вас произошло? – требовательно повернулась я к дочери.

– Мамочка, она хотела шкурку вам подбросить! Под дверь, – сообщил боевой ребенок. – Она сама призналась, когда мы ее схватили!

Партизаны-разведчики, блин. Я почему-то вспомнила все части американского «Один дома» и с глубокой грустью осознала, что спокойная жизнь мне больше не светит.

На улице меж тем раздались странные звуки: то ли завывание ветра, то ли чей-то заунывный плач. Несколько секунд – и все стихло. Дверь отворилась, и в дом вошел невозмутимый Кощей. Один.

– Дети, идите к себе, вам скоро принесут завтрак, – велел он и повернулся ко мне, иронически приподняв брови. – Ты будешь завтракать в ночной рубашке.

У меня зачесались руки. На ладонях вспыхнули искры.

– Расскажу, но после завтрака, – ответил на не заданный вопрос муж и направился к лестнице.

Я искренне пожелала ему попутного ветра в спину, но все же двинулась следом. Действительно, ночнушка – не самая нарядная одежда в моем гардеробе.

Очередной сарафан вместо удобных штанов, и вот уже мы с Кошеем на пару уминаем блинчики с икрой и гречневую кашу, щедро сдобренную сливочным маслом.

– И кто она? – допив из кружки квас, я выжидательно уставилась на мужа.

– Очередная дура, возомнившая себя будущей супругой правителя Лукоморья, – равнодушно пожал плечами Кощей.

– То есть она хотела меня сжить со свету, а за тебя выйти замуж, правильно?

– Именно.

– И что ты с ней сделал?

– Даша... – Кощей почему-то замялся: явно не хотел отвечать на заданный вопрос.

– Что? – я стала старательно вспоминать американские ужастики. – Ты ее обезглавил, расчленил, развеял по ветру...

Воображением муж не страдал, а потому следующие несколько секунд я старательно стучала ему по спине: маленький кусочек блинчика оказался коварным и застрял прямо в горле.

– Фантазия у тебя, – пробормотал Кощей, откашлявшись. Живая слишком. – Нет, просто в качестве наказания отправил её домой с венцом безбрачия. Теперь никто и никогда не захочет взять ее в жены.

– И всё? – изумилась я. – Она проживет без мужа? И в чем изощренность наказания?

– Ты не понимаешь, – качнул головой Кощей. – Это позор для женщины – остаться старой девой до скончания века. Она обязана выйти замуж, родить детей...

– Опять этот ваш мужской шовинизм, – поморщилась я. – Обязана выйти замуж. Вы, мужики, нас за людей не считаете. Вы нашего мнения спросили? А может, мы не хотим за вас замуж?!

– Ты что так разошлась? – удивился Кощей. – Тебе это точно не грозит. Ты заму...

Купол он успел поставить – сказала привычка мгновенно действовать в экстремальной ситуации, поэтому оставшиеся блины, к огромному моему сожалению, оказались на полу.

– Тебе еще к врачу ехать, и на работу – увольняться, – ехидно скалясь, сообщил муж, не спеша убирать защиту.

Я уселась на стул рядом и демонстративно сложила руки на груди.

– Да не вопрос. Так и поеду. Пусть народ видит, что ты любимую жену в черном теле держишь и ничего, кроме надоевших сарафанов, носить не позволяешь.

Выехали мы через час, втроем. Нику пришлось взять с собой. Я подозревала, что мне придется писать заявление о переводе ребенка на домашнее обучение. Дочь сияла от счастья. Как же, сказка снова ворвалась в ее жизнь.

Глава 9

*И в сказках наступает ночь,
Так с давних повелось времён.
И каждый посмотреть не прочь
Какой-нибудь хороший сон.*

*Горбун гуляет без горба,
Он спит и доверяет сну.
Солдатам снится, что труба
Зовёт солдат не на войну.*

«И в сказках наступает ночь» – песня из кинофильма «Тайна Снежной Королевы»

*Как в старинной русской сказке – дай бог памяти! —
Колдуны, что немного добрее,
Говорили: «Спать ложись, Иванушка.
Утро вечера мудренее!»*

*Как однажды поздней ночью добрый молодец,
Проводив красну девицу к мужу,
Загрустил, но вспомнил: завтра снова день,
Ну, а утром не бывает хуже.
В.С. Высоцкий. «Как в старинной русской сказке»*

Школа встретила нас отвисшими челюстями всех тех, кто находился в то время на улице. Преподаватели, родители, ученики с изумлением смотрели на нашу разношерстную троицу. И если Кощей целиком и полностью подходил своему автомобилю, то мы с Никой смотрелись рядом с ними обоими то ли беженками, то ли сиротами. Впрочем, дочь о таких глупостях не думала, шла, задрав нос, и наслаждалась запоздалым реваншем – в первом классе она дралась чуть ли не каждый день с обидчиками, охотно дразнившими ее нищенкой из-за чересчур скромной одежды и отсутствия дорогих гаджетов. А в четвертом у нее появился отчим-миллионер.

В отличие от Ники, я давно уже привыкла и к косым взглядам, и к перешептываниям за спиной, и теперь заходила в школьный коридор с полным равнодушием. Увольнение? Да не вопрос. Напишу я эту злосчастную бумажку. И директриса с удовольствием ее подпишет, освободив таким образом место для любимой доченьки. А уж чем заняться в Лукоморье во время беременности я точно найду. Да и Нику воспитывать все же нужно. Иначе эта егоза совсем от рук отобьется.

– Галина Павловна, к вам можно? – заглянула я в нужный кабинет. – Я буквально на несколько минут. Документ об увольнении подписать. Увольняюсь я.

– Увольняешься? – ошарашено повторила Галина Павловна, сидевшая в кресле директора уже двадцать лет. – Но, Даша... Ты сейчас хорошо подумала? – она перевела взгляд на стоявшего у двери с каменным выражением лица Кощея. – А как же Ника?

– Домашнее обучение, – безразлично пожала я плечами. – К сожалению, Галина Павловна, мой муж часто ездит в командировки на долгие месяцы, и нам с дочерью придется ездить вместе с ним.

Скоро все бумаги были подписаны, и я с чистой совестью покинула место своей бывшей работы.

Поездка по магазинам принесла огромное удовольствие Нике, но не мне. Меня до одури раздражали лицемерные продавщицы, кидавшие масляные взгляды на Кощея, показушно сюсюкавшие с Никой и с трудом скрывавшие презрение при обращении со мной. Естественно, полностью войдя в образ этакого чудаковатого миллионера, муж повел нас в дорожные бутики. Я с ужасом смотрела на ценники на брендовой одежде, сравнивала их со своей копеечной зарплатой и четко осознавала, что, продав одну лишь кофточку, смогу без проблем в одиночку питаться два-три месяца точно. Была бы моя воля, мы направились бы в магазинчики подешевле. Но кроме как скандалом, мужа туда было не затащить, а волноваться мне было запрещено.

К гинекологу в частную клинику я приехала уже на взводе.

– Седьмая неделя, – ознакомившись с результатами анализов и УЗИ, вынесла вердикт уставшая врач среднего возраста. – Вам, мамочка, теперь нужны покой, сбалансированное питание и витамины.

Именно эту фразу я и донесла до Кощея и по заблестевшим глазам мужа поняла, что откармливать меня он собрался как на убой.

А на следующий день мне предстояло очередное испытание – поездка вместе с супругом к моим родителям.

– Ты должна им все рассказать, – убеждал меня Кощей ночью, после любовных игр. – Как иначе они будут знать, что с тобой все в порядке? В твоей матери спит ведьминская сила. Она не должна высвободиться там, в этом безмагическом мире, иначе может случиться катастрофа. Пойми, Даша, для всех будет лучше, если твои родители побывают в Лукоморье, посмотрят на вас с Никой в подобной обстановке, осознают, что магия – не сказка и не шутка.

Я понимала и даже принимала его аргументы, но... Проклятое «но»... Что я скажу родителям? «Ма, па, на самом деле мы с Никой – ведьмы»? Так отец с этим никогда и не спорил, всегда звал своих женщин ведьмами или ведьмочками, в зависимости от настроения. Но вот поверят ли родители в колдовство, даже если увидят его? Да и сердце у отца слабое. Как бы плохо ему не стало.

В общем, ехала я в «мерсе» на следующий день в смешанных чувствах.

– Даша, Ника, – выскочила из дома в потертом халате обрадованная мама и остановилась на пороге, удивленно наблюдая за выходящим из машины Кощей.

– Ма, это Константин, мой жених, – выдала я экспромт.

Ника рядом прыснула в кулачок. Кощей подавил ухмылку, повернулся к будущей теще.

– Приятно познакомиться с вами, – обаятельно улыбнулся он.

– Р-р-ряу! – послышалось из машины, и на землю выпрыгнула шушиндра.

– Ой, – тихо пискнула Ника.

– Даша, это кто? – изумленно наблюдая за созданным дочерью мутантом, спросила мама. Шушиндра между тем остановилась на пороге дома и вопросительно оглянулась на нашу троицу.

– Весело будет, – пробормотала я, направляясь следом за животным. – Мам, давай в доме поговорим, а?

– Да, конечно, все еще пребывая в некой прострации, согласилась родительница.

Отца мы застали на кухне. Он читал газету, сидя у холодильника. Услышав наши шаги, поднял голову, недоуменно посмотрел на всех нас.

– Даша? Ника? Что-то случилось?

– Ну здравствуй, Добрыня, – усмехнулся, входя следом за нами Кощей. – Давно не виделись.

Отец усмехнулся в ответ, и вот уже на маленькой кухоньке стоит не брюнет среднего роста с пивным брюшком, а высокий широкоплечий шатен, подтянутый и мускулистый.

– Так вот какой «мальчик» к моей дочери клинья подбивает, – даже голос изменился: стал раскатистым и громким.

– Да подбил уже, по нашим обычаям мы давно женаты, – сообщил Кощей, подавая руку.

– Быстро ты, – отец пожал руку и повернулся к нашей ошеломленной троице. – Дамы, не стойте в проходе.

– Я тебе постою, – угрожающе прищурилась пришедшая в себя мама, – я тебе так постою, ироду этакому.

Объяснение вышло бурным.

– Да, бабушку частенько называли ведьмой, – когда все успокоились и расселись в гостиной, со вздохом начала вспоминать сидевшая в глубоком кресле мама, – она была властной, иногда даже жестокой женщиной. По нынешним реалиям ее можно было считать глазливой – если не в настроении оказывалась, то любой, кто на пути у нее появлялся, мог и болячкой какой, чаще всего дурной, обзавестись. Поговаривали, что и коров она то и дело проклинала, а те потом молока не давали. Не знаю, правда или нет, но говорили, да. Мама терпеть не могла ее из-за нашего вынужденного отшельничества. Со мной никто знаться не желал, я частенько днями просиживала дома за книжками. В общем, однажды мама с бабушкой серьезно поругались на эту тему, мама заявила, что знать собственную мать не желает, и наследство ей никакое не нужно, забрала меня, восьмилетнюю, и уехала куда подальше. Мы долго кочевали с места на место, потом остановились здесь. Ну и отца твоего, Даша, я тоже здесь встретила, – мама метнула недовольный взгляд на ухмыльнувшегося папу, – всю жизнь, ирод такой, мозги мне пудрил.

– Ба, деда, – как обычно, в разговор взрослых бесцеремонно влезла Ника, принявшая изменения в дедушке, как должное, – а вы с нами в Лукоморье поедете? Я вам жар-птицу покажу! Они с шушиндрой знаете как дерутся!

Упомянутая шушиндра, накормленная сердобольной хозяйкой дома, дремала возле Ники на диване. Вот уж кому не надо было ничего: есть и спать.

– Да, давненько я в Лукоморье не бывал, – потянулся в кресле отец, – и как жар-птица? Отапливает дом?

– А твоя дочь свою собственную жар-птицу создала, – сообщил Кощей, злорадно ухмыльнувшись, – смесь павлина с петухом, она не дом отапливает, а желания исполняет. Сильная у тебя, Добрыня, дочь вышла. Только знаний в голове маловато.

– Жар-птица? Желания исполняет? – папа непонятно почему весело расхохотался. Мы с мамой и Никой удивленно переглянулись. – Даша, детка, жар-птицы – это маленькие серые птички, которые живут в доме и магически его обогревают. Отсюда и название пошло: птица, дарящая жар.

Упс. Ну вот откуда мне знать было подобные подробности?

– А шушиндру кто создал? Тоже Даша? – поинтересовался отец, разглядывая мелкого мутанта.

– На этот раз – Ника. Одаренные у тебя дочь с внучкой, Добрыня, – Кощей встал. – Поехали мы. Поздно уже. Ждем вас в гости.

– Приедем, конечно. Вот справим свадьбу по законам этой страны и нагреем к вам, – степенно кивнул, прощаясь, отец.

Я только фыркнула мысленно. Еще одна свадьба. Как будто она кому-то нужна. Нет, чтобы просто поехать в ЗАГС, расписаться и забыть о формальностях. Нет, обязательно нужно свадьбу сыграть. Как же, Добрыня дочь-ведьму замуж выдает. И плевать, что дочери рожать скоро. Главное – обычаи соблюсти.

Вернувшись домой, я первым делом заперлась в лаборатории, вызвала книгу и попросила показать жар-птицу. На чистом листе начали проступать очертания маленькой серенькой птички наподобие перепелки. Прелесть какая. И кого же тогда я создала, раз это нечто умеет исполнять любые желания? Чтобы снять с себя напряжение после общения с родителями, я начала варить очередное зелье. Едва узнав и моей беременности, Кощей навесил на меня такую же защиту, которая была на Нике. И теперь я могла заниматься чем угодно – угрозы моему здоровью не существовало. Правда, это я так думала. Муж почему-то постоянно перестраховывался.

Зелье наконец-то получилось нужно цвета: нежно-малиновое, с запахом земляники. «От усталости и вялости в членах», – как утверждала книга. Естественно, сама я получившееся варево пробовать не стала. Мужа и детей тоже жалко стало. Гости уехали. В общем, полная засада. Ладно, перелила в мензурку, закрыла пробкой, оставила на столе.

– Что за яд у тебя получился на этот раз? – поинтересовался любимый супруг, едва я вышла из комнаты.

– Давно стоишь? – я проверила, чтобы дверь была закрыта, и только после этого повернулась к мужу.

– Только что подошел. Почувствовал странный запах и решил тебя не отвлекать.

– Да нормальный запах, – фыркнула я, – как в книге описывается: цвет нежно-малиновый, запах земляники.

– Ах, то земляника была, – протянул издевательски Кощей, – а я думал, ты чей-то труп закапывала.

И стоит, зараза такой, нагло скалится. Нет, я не стала лезть в драку, вместо этого вспомнила кое-что и наивно захлопала ресничками.

– Этой ночью папоротник цветет. Сходим? Клад поищем? Мне, беременной, надо свежим лесным воздухом подышать.

– Издеваешься? – безнадежно уточнил муж, не увидел ни капли раскаяния в моих глазах и удрученно кивнул. – Сходим мы за твоим папоротником.

Пошли. Ночью. На этот раз возражать против джинсов и кофты Кощей не стал. В лесу лучше всего ходить в брюках – и ноги не поранишь, и шею не свернешь. Сам-то муж в кафтан любимый со штанами привычно обрядился. Ну и я решила о сарафане хоть на эту ночь забыть. Да и вообще, пора прививать здесь моду на юбки и платья.

В принципе, по всем легендам, папоротник должен цвести летом, исключительно в ночь на Ивана Купалу, во время летнего солнцестояния. Но то легенда, тем более – земная. В Лукоморье папоротник, как оказалось, цвел с весны по осень. Вот только найти его было порой ничуть не проще, чем на Земле.

Вышли мы ближе к полуночи, когда богатырским сном спаи не только дети, но и слуги. До леса Кощей перенес нас порталом,

сэкономив минимум час дороги. Встали на опушке, муж зажег несколько светлячков, прогнав сразу часть темноты.

– Ну веди, любительница кладов, – повернулся он ко мне.

Меня дважды просить не надо. Это в одиночку ночью я трусливая, а когда рядом сильный маг, так что бы не повыделываться? С этими мыслями я зашла под кроны деревьев. Кощей шагал рядом, подсвечивал путь. Я сосредоточенно смотрела по сторонам в поисках несчастной цветущей ветки. Нет, ну должно же мне повезти? А то магия не поддается, на шею у мужа сижу. Сама-то на что способна? Словно в насмешку над моими мыслями, кроме наполовину облетевших деревьев, вокруг ничего не было.

В очередной раз посмотрев направо, я замерла.

– Кощей, – позвала мужа.

– Вижу, – напряженно отозвался он, – не трогай его.

Нашел дуру. Кто ж потянется ночью в волшебном государстве за висящим на ветке ожерельем?

– Как оно тут оказалось?

– Хотел бы я знать. Даша, ты закончила со своим папоротником? Давай во дворец возвращаться.

Да какой уж тут папоротник. Мне, женщине, испорченной цивилизацией, в голову полезли сцены из голливудских детективов, ужасиков и триллеров. Я готова была сама себя накрутить, сама перепугаться и сама же впасть в истерику. Ночью. В лесу. Ожерелье на ветке. Нет, это точно дурной знак!

А хуже того было то, что к тому ожерелью, горевшему в ночи красными, зелеными и голубыми драгоценными камнями, меня тянуло, как магнитом.

– Не открывается, – в голосе Кощей послышалась злость, – личный артефакт, значит. Слышал я о таких, а вот видеть не приходилось. Хотелось бы знать, кто такой добрый эту вещицу в лес подкинул.

– Ты о чем? – удивилась я.

– Личный артефакт – не очень приятная вещь, предназначенная для сильного мага любого пола, – пояснил супруг. – Имеет собственное мнение о многих вещах и событиях. Угрозы я от него не чувствую, значит, гадости, по крайней мере, сейчас, он не сделает. Придется тебе брать его, иначе портал не откроется.

Класс. Почему-то как попала я в эту сказку, так вечно со мной что-то случается. Дома, кроме сцены с платьем на школьном выпускном, да встречи с Финистом, моя жизнь протекала скучно и однообразно. Здесь же прорыва нет от приключений. Ладно, протянула руки к ветке. Ожерелье само в ладони упало.

– На шею повесь, – приказал Кощей.

Я – девочка послушная. Сказали – повесила.

Миг – и мы с мужем дома, в его комнате. Кощей стоит злой, в глазах молнии то и дело вспыхивают.

– Снять ты его не сможешь, в первые дни – точно, оно должно к хозяйке привыкнуть, – сообщил муж, а сам буквально испепеляет взглядом то кольцо.

– Чего ты злишься? – не поняла я, раздеваясь.

– Не люблю сюрпризов, особенно в незнакомом месте, – последовал ответ, – не нравится мне такой щедрый подарок от неизвестного дарителя. Личный артефакт – вещь ценная, встретить ее далеко не каждый может. А чтоб вот так вот, в лесу ночью... И ведь никто не знал, что мы с тобой там окажемся!

Я кивнула. Да, ни муж, ни я никому не говорили, что собираемся на ночную вылазку за кладом.

– Иди ко мне, – вздохнул Кощей, прижимая меня к себе, – несчастье ты мое ходячее.

Ну спасибо, приласкали.

Глава 10

Сказка по лесу идет —

Сказку за руку ведет,

Из реки выходит сказка!

Из трамвая! Из ворот!

Это что за хоровод?

Это сказок хоровод.

Сказка – умница и прелесть,

С нами рядышком живет.

Юнна Мориц. «Песенка о сказке»

Если вы не очень боитесь Кощея

Или Бармалея и Бабу Ягу,

Приходите в гости к нам поскорее,

Там, где зеленый дуб на берегу.

Там гуляет черный котиче ученый,

Пьет он молоко и не ловит мышей,

Это настоящий кот говорящий,

А на цепи сидит Горыныч-змей.

Приходите в гости к нам,

Поскорей приходите в гости к нам!

Кот про все расскажет вам,

Потому что он видел все сам.

Юлий Ким. «Приходи, сказка»

Утром неожиданно приехала Юлька. Как всегда одетая с иголки, она в своем брючном костюме отлично вписывалась в дворцовую роскошную обстановку. Кощей оставил нас вдвоем в одной из гостиных, а сам, задумчивый и хмурый, уехал куда-то. Мы сидели, пили чай, обсуждали все случившееся со мной за последние месяцы.

– Подумаешь, личный артефакт, – небрежно пожала плечами подруга, когда я рассказала ей о наших ночных путешествиях, – твой муж перестраховывается. Эти артефакты наполовину разумные и могут сами выбирать хозяина и появляться перед ним. Да и кто, скажи на милость, стал бы подкидывать в ночной лес драгоценное ожерелье? Не заморачивайся. Это даже хорошо, что у тебя в момент беременности появилась дополнительная охрана.

– Почему? – нахмурилась я, потянувшись за сладким пирожком. – Думаешь, мне кто-то может угрожать?

– Кощей – мужчина видный, – пояснила подруга и положила себе на тарелку кусок пирога, – да к тому же правитель, многие к нему в постель запрыгнуть мечтают, а потом и к алтарю его повести. Знаешь, сколько таких любительниц было? Я сама три венца безбрачия повесила. А ведь он мне не обо всех своих «дамах» рассказывал.

Какие перспективы, блин, открываются. Аж дух захватывает.

– Юль, зачем ты вообще эту встречу устроила? – вздохнула я.

– То есть ты хочешь сказать, что глубоко несчастна, и там, на Земле, прекрасно себя чувствовала? – прищурилась подруга и отставила в сторону фарфоровую чашку, из которой пила чай.

– Не хочу, – отрезала я, осознавая, что не во всем права. – Но это самая натуральная подстава.

– Ты б себя видела. «Подстава», – передразнила Юлька, – ты жила работой и Никой. Какие мужчины? Что вы, у Дашеньки сердце разбито. Никаких серьезных отношений. Только секс изредка, для поддержания здоровья, так сказать. Встретишь в другой раз Финиста – передай ему, что других наследников, кроме Ники, у него никогда не будет. Мое личное проклятие.

Я вздрогнула.

– Юль, так нельзя.

– Можно, – отрезала та, – только так и можно. Этого идиота давно надо было правилам поведения в обществе научить. А то вел себя так, будто принц натуральный. А сам-то? Сын крупного помещика, всего лишь.

– Ты знал, кто он? Тогда, когда я забеременела?

– Конечно, – раздосадованно дернула плечом Юлька, – ну сказала бы я тебе правду. А толку? Ты бы пальцем у виска покрутила и снова в свои переживания ударилась бы. Нет, Дашка, муж тебе был нужен: сильный, богатый, властный, такой, который смог бы твою дурную ведьминскую сущность под контролем удержать.

В коридоре что-то прогремело, и в комнату влетела растрепанная Ника.

– Ма... ой, тетя Юль, и вы тут!

– Иди ко мне, бандитка малолетняя, – подруга обняла мою дочь, погладила по голове, – вот скажи, Ник, тебе тут нравится?

– Конечно!

– А домой хочешь?

– В квартиру? – уточнила дочь и сморщила нос. – Не-а. Там скучно. И места мало.

Да уж. Логично. Юлька бросила на меня торжествующий взгляд. Я привычно вздохнула.

Ребенок, забыв, зачем прибежал, снова исчез в коридоре. Юлька встала с дивана.

– Я тебе подарок привезла. Пойдем, посмотришь.

– Подарок? – удивилась я.

– У кого из нас завтра день рождения? – прищурилась подруга.

Я покраснела. С этими приключениями я скоро собственное имя забуду, не то что дату дня рождения.

Подарок стоял конюшне. Милая каурая кобылка посмотрела на меня с подозрением, но погладить разрешила.

– Она смиренная, – сообщила подруга, когда мы вышли из стойла, – привыкай, Даша, тебе теперь надо будет жить здесь. И значит, и на лошади ездить придется.

Я только глаза закатила.

– А ты умеешь?

– Естественно, – фыркнула Юлька, – я как-никак местная Баба Яга, мне положен свой транспорт. Не ножками же везде гулять.

Действительно. Наивная я.

Как и ожидалось, поиски доброжелателя, подсунувшего мне ожерелье, ни к чему не привели. Кощей через несколько дней успокоился, к нему вернулось привычное благодушное настроение.

А через месяц у нас состоялась свадьба, на этот раз по российским законам и обычаям.

Необходимость расписаться ранним утром в ЗАГСе заставила всех нас встать ни свет ни заря. Я, в кои-то веки не в ненавистном длинном сарафане, спешно собирала детей, Кощей одевался сам, теперь уже не в кафтан и штаны, а в белоснежную рубашку и черные брюки. Сверху, конечно же, фрак. Как и положено богатому жениху. Но это он, а я сама стремилась поскорей приготовиться к бракосочетанию. Белоснежное платье новобрачной с длинным шлейфом и ажурными перчатками село как раз по моей немного расплывшейся фигуре. Украшения, макияж – все делалось как можно быстрее.

На роспись мы, конечно, успели. Я стояла перед фотографами и гостями с улыбкой до ушей. Моя свадьба. Пусть и после тридцати, но я все же вышла замуж, как и мечтала в далеком босоногом детстве.

После росписи – традиционная прогулка по городу. Достопримечательностей у нас было не так много, но по парку мы прошлись, на местном «мосте поцелуев» себя запечатлели, автомобилистов свадебным кортежем распугали, а зевак – повеселили.

Ну а потом – ресторан, конечно. Где же еще заканчивать официальную часть празднества, как не за богато накрытым столом?

ЗАГС, прогулки по городу, свадебный стол... Я сидела рядом с Кошеем, смотрела на шумевших, уже в большинстве своем хмельных гостей и думала, что все же в жизни мне повезло: я нашла свое счастье, пусть и пройдя трудный путь перед этим, и сейчас ждала

ребенка от любимого мужчины. На шее поблескивало драгоценными камнями ожерелье, в ушах переливались под лучами солнца подаренными мужем на день рождения сережки с алмазами, на душе были покой и благодать.

– Горько, – поднялся, чуть пошатываясь, Лихо, и первым подал пример молодым, нагнув к себе счастливую Марью. У них тоже дело сладилось волшебным образом, и Кощей намекнул, что в семье у его друга тоже ожидается прибавление.

– Горько! – подхватили все остальные гости.

Мы с Кощеем встали и охотно приникли к губам друг друга.

Меня снова захватил знакомый водоворот нежности, страсти и желания. И судя по донесшимся от гостей смешкам, это было видно всем вокруг. Впрочем, на своей свадьбе я отключила чувство стыда и позволила себе окунуться в море счастья.

Ночью, дважды женатые, лежа в постели, мы познавали друг друга с той же страстью, что и в первый раз.

– Люблю тебя, – прошептал мне на ухо Кощей, когда мы пришли в себя после бурного секса, – люблю, моя вредная блондинистая ведьма.

– Сам ты вредный, – откликнулась я, счастливая и довольная жизнью, – но, несмотря на это, я тебя тоже люблю.

В ответ услышала смешок и провалилась в сон.

ЭПИЛОГ

Не бывает в наши дни чудес на свете!

Для тех, кто не верит в них сам.

Нет Кощея, это знают даже дети!

А сказки живут тут и там.

Лукоморья нет на карте,

Значит, в сказку нет пути!

Это присказка, не сказка-

Сказка будет впереди.

Спор Маши и Вити о сказках. Из фильма "Новогодние приключения Маши и Вити"

Есть за горами, за лесами маленькая страна.

Там звери с добрыми глазами.

Там жизнь любви полна.

Там чудо-озеро искрится, там зла и горя нет.

Там во дворце живет жар-птица

И людям дарит свет

Маленькая страна, маленькая страна.

Кто мне подскажет, кто расскажет,

Где она, где она?

Наташа Королева. «Сказочная страна»

– Мам, ну мам, – канючила пятилетняя блондинка с голубыми глазами, – мам, меня Данька ведьмой обозвал!

– Так ты и есть ведьма, как и мы с Никой, как и бабушка твоя, – я погладила дочь по волосам.

– Лучше признайся, как ты брата назвала, – хмыкнул, заходя в комнату, празднично одетый Кощей – мы праздновали очередную годовщину свадьбы и принимали гостей.

Ребенок покраснел.

– А он такой и есть! Бандит безмозглый! – обиженно выпалила дочь.

– Лиза! – притворно возмутилась я. – Где ты таких ужасных слов нахваталась?!

– От тетя Юли, – честно призналась дочь, – она так Соловью сказала, когда он её в комнате запер.

Мы с мужем многозначительно переглянулись и широко ухмыльнулись. Похоже, дела у этой парочки шли на лад. Соловей начал ухлестывать за Юлькой, когда увидел ее на моей свадьбе. Подруга отшивала назойливого ухажера целых полгода, потом сдалась, их бурному роману завидовало все Лукоморье, они даже пару раз расходились, но, как и следовало ожидать, Соловей проявил настойчивость, в нужный момент сделал Юльке предложение руки и сердца. Подруга сдалась и теперь нянчится с их двухлетним наследником.

– Ма, па! – в комнату влетел каштановый вертолетик и на всей скорости врезался в отца. – Ой! Папа, там Ника снова колдует! Во дворе такой дождь сильный!

Даня, как и Лиза, родился пять лет назад, и двойняшки постоянно ссорились, при этом и заступались каждый раз друг за друга. Ника,

уже пятнадцатилетняя барышня, относилась к брату и сестре снисходительно. Её предсказуемо тянуло к парням. Вернее, к одному конкретному парню, приемному сыну Кощея. Ваня за прошедшие годы вытянулся, возмужал, стал красивым молодым человеком. И нам с мужем казалось, что вскоре придется играть свадьбу этой неразлучной парочки.

Марья с Лихо воспитывали тройню. После родов Марья расплнела и раздобрела, и Лихо получил-таки жену, полностью соответствовавшую его желаниям.

Финист так и не женился. Детей у него больше не появилось. Ника его видеть не хотела. Несколько раз он умолял упрямую Юльку снять проклятие, но тщетно: подруга решила, что «такой сволочи не стоит размножаться на этом свете».

Мои родители продали дом в России и переехали в Лукоморье, часто бывали у нас. Мама хоть и неодобрительно ворчала, когда дело касалось магии, все же силу свою потихоньку осваивала, и в этом году ей начала подчиняться книга нашего рода. Однажды я выпытала у отца, по какой причине он сбежал из магического мира. Оказалось – не хотел жениться. Невеста не любя была. Ну и чтобы напрямую не противиться воле родителей, мой папа решил немного пожить в параллельном мире. А там встретил маму, осел, «пустил корни», как он выразился. И если бы я не закрутила роман с Кошеем, отец вряд ли набрался бы смелости признаться нам с мамой в своем необычном прошлом.

Мы с мужем и Никой периодически бывали на Земле. Благодаря этим поездкам в сказочном мире все же появились платья, юбки и блузы. Правда, местная аристократия носила их неохотно, но лиха беда начало. Я надеялась еще и моду на джинсы здесь привить. Муж качал головой, но по мелочам со мной не спорил.

Наша магическая живность, вместе с Васькой, разъелась, стала толстой, ленивой. Шушиндра служила украшением всех подряд диванов, выступая вместо подушки-думки. Жар-птица все так же исполняла желания, но далеко не всем подряд. Кот больше не ловил мышей, предпочитая свежие сливки и нежное мясо. Его многочисленных потомков, таких же нахальных и говорящих, Кощей периодически щедро раздаривал особо верным слугам. Когда слуги закончились, а потомки остались, супруг пригрозил Ваське выставить

того на улицу. Ругались они долго, но после этого гулять Васька начал исключительно в дальних деревнях.

Я посмотрела на мужа и детей, улыбнулась и подумала, что нужно будет при случае поблагодарить Юлю за своевременное вмешательство в мою личную жизнь.

– Не хочешь еще двоих? – выпроводив детей и закрыв за ними дверь, лукаво улыбнулся Кощей.

– То есть мой почтенный возраст тебя не смущает? – игриво вскинула я брови.

– Вы, ведьмы, в сорок еще девочки, – последовал ответ. – Ай! Даша, не дерись.

– Прибью, – пообещала я, скидывая дурацкий сарафан и, обнаженная, наступая на мужа. В его глазах загорелись огоньки желания. – Вот оседлаю и сразу же прибью.

– Я согласен, – меня сграбастали в объятья. – Прибей меня, моя ведьма.

Ну вот что с ним будешь делать?!

P.S. Через девять месяцев у нас родилась дочь, Василиса.

Глава 1

Мне девочка сказала:

Ты – мой Волшебный Фей.

О, нужно очень мало

Для полевых стеблей!

Им дай лишь каплю влаги,

Им дай один лишь луч,

И цвет расцветшей саги

В безгласности певуч.

Светлоголовке малой

Я сказку рассказал.

Я был пред тем усталый,

Пред тем я духом пал.

Из слез моих незримых,

Из смеха уст моих,

Я слил – о серафимах

Прозрачно-светлый стих.

И цвет раскрылся алый

В устах мечты моей,

И я – не мрак усталый,

А я – Волшебный Фей.

К. Бальмонт. «Фей»

Утро добрым не бывает. Эту нехитрую истину я усвоила еще в детстве, когда родители стали отводить меня пять дней в неделю в детский сад. Ну как можно назвать добрым утро, когда ты плетешься по улице, зеваешь на ходу и мечтаешь вернуться в теплую постельку, а маме уже пора на работу, и тебя тащат, словно бычка на веревочке?

Теперь, отучившись и выйдя замуж, я все чаще убеждалась, что фразу «доброе утро» придумал изощренный садист. Вот и сейчас за дверью что-то гремело. Судя по звукам, там сошлись в неравном бою сразу три былинных богатыря. А может, напились и не могут найти выход, отчаянно пытаются выбраться и то и дело налетают на стены. Беда только, что былинных богатырей в нашем доме не водилось.

– Прибью, – зевая, угрюмо пообещала я. Вылезать из кровати не хотелось, но нужно было идти и наводить порядок. – Если снова Васька зачинщик...

Кощей, в одних шортах, хмыкнул, поднимаясь со своей половины:

– Лежи. Мы сами разберемся.

– Знаю я, как вы разберетесь, – проворчала я, провожая его взглядом. Чадолубивый, он наказывал детей крайне редко, что приводило к их практически полной безнаказанности.

– Была б твоя воля, они б у тебя только и делали, что зубрили правила и таблицу умножения, – заявил он мне как-то. Я тогда только плечами пожала: идеальное наказание. И мозговую активность стимулирует, и детей на какое-то время усмиряет.

Грохот прекратился. Гадая, что же все-таки там произошло, я, в длинной ночнушке, заставила себя подняться и стала передвигать ноги по направлению к двери.

В коридоре Кощей негромко отчитывал Даню, Лизу и Василису. Десятилетние двойняшки и их четырехлетняя сестра стояли, понурив головы, косились на притворившегося ветошью Ваську и молчали.

– Что опять не поделили? – вмешалась я в процесс воспитания. – Кого без завтрака оставлять?

Слаженный вздох был мне ответом. Эта троица явно играла на нервах у отца, зная, что тот их в обиду не даст. В принципе, так и получилось бы, но на улице раздался вдруг жуткий грохот, а затем – вой.

– И кого там убивают? – сцедив зевоту в кулак, мрачно спросила я пространство.

Во дворе мы появились всей компанией, включая тихушника Ваську.

Высокая широкая деревянная конструкция, стоявшая на земле, больше всего напоминала лично мне граненый стакан. Правда, использовалась она для других нужд.

– Неужто разбудила? – ухмыльнулась явно довольная своим эффектным поведением Юлька, сидевшая внутри «стакана». – Увы, этот обормот так и не наладил мне ступу.

Обормотом моя дражайшая подружка любя называла своего мужа Соловья.

– Почему ступа? Есть же машина, на худой конец – лошадь, – проворчала я, наблюдая, как Юлька, одетая в удобные джинсы и длинную широкую кофту, вылезает наружу.

– Не пристало правильно бабе Яге на лошади скакать, – заявила Юлька, крепко обнимаю довольных ее появлением мелких.

– Джинсы носить бабе Яге тоже не пристало, – сообщил Кощей.

Юлька только отмахнулась от него, словно от назойливой мухи.

– Я у вас поживу недельки две, на худой конец – три, – любезно просветила она нас, – пока желание прибить этого, – взгляд на любопытных детей, – не утихнет.

– Какая у вас бурная семейная жизнь, – язвительно откликнулся Кощей. Он предпочитал общаться с Юлькой как можно реже, считая, что это полезно для здоровья.

– Ну, не все же Дашке дворец разносить, надо и мне потренироваться, – хохотнула Юлька.

Дворец обычно разносила не я, а Ника на пару с Ванькой, но исправлять любимую подругу я не стала.

Со стороны кухни сначала гроыхнуло, затем повалил сизый туман.

– Это Ника, она готовить учится, – выдал Данька.

Я подавила вздох. Следующие недели обещали быть очень насыщенными.

За завтраком мы собрались через час. Довольно улыбающаяся Ника щеголяла ярко-красным платьем и ярко-синим синяком под глазом. Ванька, обряженный в штаны, рубашку и кафтан, все серого цвета, посматривал на нее так же, как частенько смотрел на меня Кощей: с жалостью и пониманием, что от этой красавицы ему никуда не деться. Мы с Юлькой появились в нежно-лиловых платьях с глубоким декольте и открытыми плечами. Кощей, то и дело нырявший в «мое» декольте, был одет в черный классический костюм – явно собирався в очередную краткосрочную командировку на Землю. А может, и долгосрочную, Юлька же обещала подольше задержаться.

Младшие завтракали в своих комнатах, под присмотром няnek.

– И что там так знатно гроыхнуло? – когда Ваня с Никой поздоровались с Юлькой, поинтересовалась я. – Кого ты чуть не прибила?

– Шидра под руку полезла, – сморщила нос повзрослевшая и похорошевшая Ника. – Я перепутала ингредиенты.

– Шидра хоть жива? – с мягкой иронией уточнил Кощей.

– Обижает, пап, – надулась Ника.

Папой она начала называть Кощея вместе с двойняшками. Едва те заговорили, она решилась показать свою привязанность к отчиму. О Финисте все эти годы Ника и слышать не желала, твердила, что отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал.

В двери обеденного зала проскользнули шушиндра, жар-птица и Васька.

– Вот и мелкая пакостница, – Юлька погладила шушиндру по рыжей шерстке. – Что ж ты, Шидра, хозяйке готовить мешаешь?

– Р-р-р-я-у, – довольно мурлыкнула помесь кота и зайца.

Глава 2

Тонкий, узкий, длинный ход

В глубь земли мечту ведет.

Только спустишься туда,

Встретишь замки изо льда.

Чуть сойдешь отсюда вниз,

Разноцветности зажглись,

Смотрит чей-то светлый глаз,

Лунный камень и алмаз.

Там опал снежит, а тут

Расцветает изумруд.

И услышишь в замках тех

Флейты, лютни, нежный смех.

И увидишь чьих-то ног

Там хрустальный башмачок.

Льды, колонны, свет, снега,

Нежность, снежность, жемчуга.

Тонкий, узкий, длинный ход

В этот светлый мир ведет.

К. Бальмонт. «Светлый мир»

Мясной суп, жареная рыба, свежие и квашеные овощи, колбасная и сырная нарезка, на десерт – пирожки с малиновым и клубничным вареньем и сладкий чай – все было съедено за полчаса. Я специально поинтересовалась у Ники, нет ли среди блюд ее неудачного эксперимента. Дочь надулась, но меня успокоила:

– Он сразу в ведро отправился. Ничего, в следующий раз точно получится!

Я не стала уточнять, что именно, в душе мечтая, чтобы Ника все же признала тот факт, что не всем дано стать шеф-поваром. Пока что она упрямо твердила, что обязательно научится готовить перед свадьбой. А так как до свадьбы оставалось месяца два-три, не больше, я заранее жалела несчастного Ваньку, которому достанется такая хозяйюшка.

Кощей сбежал сразу же после завтрака: какая-то жутко важная встреча на Земле прямо-таки тащила его подальше от дома. Мы с Юлькой понимающе ухмыльнулись: мужчины, им только повод дай из дома поскорей сбежать.

– И что опять у вас приключилось? – мы с Юлькой уселись в уютной гостиной, обставленной мягкой мебелью нежно-голубого цвета.

Мебель переправил с Земли Кощей, когда я затеяла очередной ремонт. Теперь это была одна из моих любимых комнат: яркие занавески на окнах, в цветочек, комфортабельная обстановка, в холодную погоду включавшийся электрический камин в углу – еще одна вещица, переправленная с Земли, – и жизнь прекрасна, особенно когда в руке – чашка кофе, сдобренного молоком или коньяком, под настроение.

– Да козлиная он, – досадливо дернула плечом Юлька, делая приличный глоток зеленого чая из чашки. – Вот знала же, не надо было за него выходить!

– Ты так каждый год твердишь, – ухмыльнулась я, наслаждаясь кофе, на этот раз – с молоком, – и ничего, потом миритесь.

В ответ – вся родословная Соловья, выданная в бранном ключе. Ругаться Юлька умела отменно, я каждый раз приходила в восхищение, вот и сейчас заслушалась.

– А по делу? – когда подруга выдохлась, спросила я.

– По делу – он собирается свою родню привезти к нам, на месяц! Понимаешь, всю родню. Их там человек тридцать!

Я представила себе и бедлам, и возможные последствия, и уточнила:

– Зачем? Должен быть повод. Соловей, конечно, как и Кощей, бывает с дурниной, но не настолько же.

– У его родителей юбилей – золотая свадьба, – дернула плечом Юлька. – И справлять обязательно у нас, в доме старшего сына. Традиции у них такие, видите ли!

Я вспомнила Юлькин мат и мысленно согласилась с каждым словом, порадовавшись в данный момент, что Кощей – сирота. Такую ораву я точно не выдержала бы и двух суток.

– А дети?

– А что дети? Они еще мелкие, им десять и восемь, если помнишь. Им вся эта чехарда по кайфу. Я их с любимым папашей оставила и приказала, пока эта толпа не уедет, меня домой не звать.

Через пару часов, напившись чая и кофе, немного помыв кости своим благоверным, мы с Юлькой переместились в мою личную «лабораторию», как называла я это место.

Не химик ни разу, столкнувшись с необходимостью куда-то выплескивать свою силу, я прочитала уйму книг по технике безопасности и оснастила помещение вентиляцией, поставила огнеупорные столы, забила шкафы ретортами, колбами и прочей посудой, установила треноги и перегонные кубы, в общем, потрудилась на славу. Кощей, когда впервые попал сюда после «обновлений», долго ловил челюсть у пола, а потом самолично накладывал на все, находившееся в комнате, разнообразные охранные заклятия.

– Знаю я тебя, – проворчал он, закончив, – технику поставила новую, заклинания не освоила, как рванет – всем весело будет.

Тогда я на него обиделась, как же так, сам велел всю лишнюю энергию скидывать в зелья, а доверяя мне, молодой ведьме, оказывать не желает. Но уже на следующий день пришло понимание, что без наложенных заклинаний вся моя огнеупорная мебель после некоторых экспериментов расплавилась бы в одночасье, что уж говорить о посуде.

– Колбы, колбы, колбы. Нет, чтобы, как нормальной ведьме, котелком пользоваться, – проворчала Юлька, усевшись на удобный диванчик у дальней стены. – Позоришь ты, Юлька, славное племя ведьм.

– Это мне говорит баба Яга в джинсах, – вернула я шпильку. – Так, чем займемся? Кого травить будем?

– Пихто в деревню звал. Им там нужны какие-то настойки, вот сейчас и наварим.

Я с сомнением покосилась на свою посуду, перевела взгляд на горевшую энтузиазмом Юльку, вспомнила Глашку и шестиногого теленка и подавила вздох. Чувствую, после Юлькиных сегодняшних экспериментов в деревню к древнему старосте деду Пихто я еще лет двадцать не покажусь.

Юлька работала бодро, да еще и мной помывкала. То ей ту травку подай, то эту, то вон ту, что под потолком каким-то образом оказалась.

– Хорошо хоть лягушачьи лапки в состав не входят, – проворчала я, встряхнув закупоренную колбу с получившимся ярко-оранжевым зельем. – Юль, ты уверена, что это варево никого на тот свет не отправит?

– Не трусь, – ухмыльнулась Юлька, – я не первый год бабой Ягой работаю. Сейчас еще одно сварим и в ступе к Пихто полетим.

Перспектива быть замешанной в массовых крестьянских отравлениях меня не порадовала, но Юлька, когда хотела, могла быть очень упертой.

Глава 3

Сегодня майские жуки

Не в меру были громки.

И позабыли червяки

Мне осветить потемки.

Пошла бранить я Светляка,

Чтоб не давать поблажки.

Споткнулась вдруг у стебелька

Ромашки или кашки.

И вот лежу я и гляжу,

Кто черный там крадется.

Никак ума не приложу,

А сердце бьется, бьется.

И молвил кто-то грубо так:

«Послушай-ка, гляди-ка».

Тут лампочку зажег Светляк,

И вижу я – улитка.

Ползет, расставила рога,

Вся мокрая такая.

К. Бальмонт. «Беспорядки у Феи».

Читая сказки Нике, я всегда полагала, что ступа – средство передвижения, рассчитанное на одного человека. Как оказалось, Юльке одной летать было скучно, и в ее ступу, благодаря наложенным на нее заклинаниям, могло поместиться два-три человека. Поэтому, когда я направилась к конюшне и предложила встретиться в деревне, Юлька кивнула на свой агрегат:

– Залезай. Вместе полетим. Да не трусь ты, она выдержит.

«Она-то, может, и выдержит, – подумала я, скептически осматривая ступу, – а вот что станет с моей нервной системой».

Порадовавшись, что предусмотрительно сменила домашнее платье на штаны и рубаху из плотной ткани синего цвета, я кое-как залезла внутрь, прислонилась к одной из стенок, вопросительно посмотрела на Юльку.

– Абракадабра, – красуюсь, произнесла та. Ступа осталась на земле. – Да влетай ты, зараза!

После такого обращения ступе ничего не оставалось, как подняться в воздух.

Летели недолго, минут пять-семь. В лицо бил холодный ветер, не стеснявшийся трепать не заколотые волосы. Я читала про себя детские стишки, ловила сердце где-то в районе пяток и жалела, что согласилась на такую авантюру. Все же мне было намного проще передвигаться по земле, чем парить над облаками.

Сели мы неподалеку от деревни. Юлька бодро выпрыгнула из ступы, я с сомнением посмотрела вниз, попробовала разогнуться и поняла, что ни ноги, ни руки слушаться хозяйку не желают.

– Дашка, что ты там застряла? – позвала Юлька, поправляя на плече холщовую сумку с настойками.

– Приклеилась, – честно ответила я. – Юль, я с места сойти не могу.

– Трусиха, – весело фыркнула Юлька. – Смотри, Дашка, пойду одна. А к тебе в гости отправлю Глашку с ее шестиногим быком.

Угроза подействовала: едва представив себе рядом со ступой чудо местной селекции, я с трудом, но все же перекинула одну ногу через край ступы, наклонилась вперед и через пару секунд встретилась с

землей. Мое многострадальное тело к подобной жесткой встрече готово не было – я вскрикнула от боли.

– Из ступы вылазят, а не выпадают, горе ты мое горькое, – проворчала Юлька, подавая мне руку и помогая подняться.

Пока я, пошатываясь, стояла на одном месте и привыкала к новым ощущениям, Юлька провела руками в нескольких миллиметрах от моего тела, вверх-вниз.

– Вроде ничего не сломала, – сообщила она. – Эх, Дашка, голова твоя садовая, идти-то сможешь?

Я снова вспомнила шестиногого быка и его не всегда трезвую хозяйку и храбро кивнула: рядом с Юлькой было не так страшно.

Деревня ни капли не изменилась за последние годы: те же крытые соломой крыши, тот же густой частокол, отделявший участки друг от друга и от дороги. Единственное, на этот раз никто не распугивал воем народ.

– Явились, наконец-то, – сморщенный дед, лет семидесяти-восьмидесяти, не меньше, одетый в кафтан, штаны и сапоги, все – коричневого цвета, показался из небольшого деревянного домика, – я уж думал, помру, вас дожидаетесь.

– Не ворчи, Пихто, – небрежно отмахнулась от него Юлька, – пациенты где?

– Та тучки, где ж еще им быть, родимым, – дед кивнул на домик, из которого вышел, – у двоих живот пучит, один с головой мается, еще один спать толком давно не может.

Странные диагнозы, особенно последний, Юльку не насторожили. Она храбро потянула на себя деревянную скрипучую дверь, зашла в избу. Я юркнула следом.

Четыре лавки у стен, три стула и стол – посередине комнаты, вот и вся обстановка. На лавках лежали мужики разных возрастов, в такой же одежде, как и Пихто. Крестьянские вещи изысканностью и разнообразием не отличались. Юлька сгрузила сумку на стол, осмотрела пациентов, приказала:

– Кто самый храбрый – подходи, лечить буду.

В ответ – кладбищенская тишина. Народ, похоже, не особо верил в Юлькины лекарские способности и предпочитал отбросить коньки самостоятельно.

– Не подойдете сами – хуже будет, – пригрозила Юлька, оседлав стул.

Угроза подействовала – все четверо умирающих подскочили с лавок и резво подбежали к своей спасительнице.

Юлька раздала склянки, в которые перелила свежесваренное лекарство, с видом как минимум спасительницы человечества, проследила, чтобы каждый честно выпил свою порцию, и внимательно уставилась на страдальцев.

Те под ее инквизиторским взглядом смутились, опустили глаза на деревянный пол.

– Чегось, матушка Яга? – прогудел один из них, детина лет тридцати-сорока, похожий больше на здорового коня, чем на готового умереть страдальца.

– Результат жду, – любезно просветила его Юлька. – Ты вот от чего страдаешь?

– Голова болит, матушка Яга...

Он не договорил: и его, и остальную троицу вдруг скрутило, они заорали, упали на пол, трансформируясь в воздухе, и через пару секунд перед нами с Юлькой оказались четыре крупных жабы ярко-зеленого цвета.

Глава 4

На детскую руку упали снежинки,
На малом мизинчике восемь их было число.
Различную форму являли пушинки,
И все так мерцали воздушно-светло.
Вот крестики встали, вот звезды мелькнули,
Как мягок сквозистый их свет.
Но детские пальчики чуть шевельнули, —

И больше их нет.

К. Бальмонт. «Снежинки»

Жабы возмущенно квакали, не спеша убежать, Юлька сидела с открытым ртом и пребывала в полной прострации, а я понимала, что снова где-то напортачила. Зелья мне упорно не давались. Да и вообще, с магией я была далеко не на дружеской ноге. Кошей утверждал, что мне не хватает усидчивости и упорства, а я предпочитала пользоваться техникой или плодами магических действий других людей, не доверяя своим умениям. Ника, кстати, пошла в меня. Ей тоже магия не давалась.

– Дашка, – отмерла наконец-то Юлька и с грозным видом повернулась ко мне, не забыв кинуть в жаб парализующее заклятие, чтобы не разбежались, – ты вообще что сотворила? Какие там травы висели, с подобным эффектом? В каком поле ты их собирала?!

– Уж явно не под Чернобылем, – огрызнулась я, сознавая, но не желая вслух признавать свою вину. – Там, где положено, собирала. На лугу. В новолуние...

– Дура, – всхлипнула Юлька, сползла со стула и начала не то рыдать, не то смеяться. – В полнолуние их собирают. Какое, к лешему,

новолуние!

Да какая, блин, разница, когда собирать эти дурацкие травки?!

– Делать-то что теперь? – я посмотрела на жаб, встретила их обвинительные взгляды, закусил губу. То Глашку непонятно чем опоила, и та, кроме самогона, ничего в рот не брала, то теперь вот... Жабы...

– С собой этих идиотов брать, в дом Кощея. Будем на них эксперименты ставить, – фыркнула Юлька, поднимаясь с пола. – Что? Что ты так смотришь? Есть другие идеи? Слушаю.

Идей не было. Жаб Юлька засунула в сумку, наложила на нее заклятие и вышла из дома.

Пихто стоял у ветхого забора, ждал нас.

– Ну чаво там? – подался он вперед, пожирая нас полным любопытства взглядом.

– Отдыхают. Пока не беспокоят их, – не моргнув глазом, соврала Юлька и храбро зашагала к ступе. Я, молясь, чтобы наш с ней обман не раскрылся, пока не взлетим, поспешила следом.

Путь назад практически не запомнился: я переживала из-за жаб, пыталась понять, как Юлька собирается их расколдовывать и снова и снова давала себе зарок больше траву на зелья не рвать и магией не баловаться. Хватит с меня Глашки и жаб.

Дым мы заметили издалека, густой, серо-сизый, словно перья голубя.

– Интересно, выжившие на развалинах найдутся? – язвительно хмыкнула Юлька.

– Не дожدهшься, – заверила я ее. – Кощей защиту и на детях, и на дворце каждые полгода обновляет.

– Жаль, – садистским тоном протянула Юлька. – Кинули б сумку на пепелище, глядишь, не пришлось бы возиться... Ты ж гляди, пихаются! Не хотят шашлыком становиться.

– Злая ты, Юлька, – качнула я головой, наблюдая, как трепыхаются в сумке жабы.

– Злая, – согласилась подруга. – А ты поживи с мое с этим обормотом. Не такой станешь.

Напоминать про возможность развода, как во всех цивилизованных странах, не стала. Пусть сами между собой разбираются. В их отношения вступать – себе же хуже делать.

Ступа к тому времени подлетела к дворцу. Дым вился над ним тугой спиралью и уходил высоко в небеса.

– Какая прелесть, – восхитилась Юлька, наблюдая за дымной спиралью, – кто ж такой умелец тут завелся?

– У нас полдворца умельцев, ткни в любого, не ошибешься, – хмыкнула я, раздумывая, как буду выбираться из ступы – здесь стимула в виде Глашки и ее быка не существовало, а самостоятельно я из этого средства передвижения вряд ли вылезу.

Ошибалась. Насчет стимула так точно. Он появился в виде высокого широкоплечего шатена, подтянутого и мускулистого, одетого в просторные штаны и рубаху. Мой отец, Добрыня, вместе с детьми всех возрастов жарил на мангале шашлык во дворе дворца.

– А вот и девочки, – прогудел он, подавая руки нам с Юлькой, когда ступа села неподалеку. – Дети сказали, что вы улетели, а куда – не знают. Присоединяйтесь, сейчас мясо поспеет, есть будем. Это что? – кивнул он с интересом на задержавшуюся сумку.

– Да так, кое-что для опытов, – небрежно отмахнулась Юлька и вручила сумку Лизе. – Сбегай к маме в комнату, оставь там.

Угу, у меня в спальне теперь будут жить жабы. Отлично. Просто превосходно. Жаль, Кощя дома нет. Он оценил бы юмор.

– Завтра к нам приедут гости, – обрадовал меня папа, параллельно занимаясь мясом, – я отдал повару распоряжение приготовить всего и побольше.

Я подавила вздох. Сначала Юлька, теперь папа с непонятными гостями. Чувствую, жить здесь скоро станет чересчур весело, придется по примеру Юльки сбежать куда-нибудь.

Глава 5

Одуванчик, целый мир,

Круглый как земля,

Ты зовешь меня на пир,

Серебря поля.

Ты мне ясно говоришь:

Расцветай с Весной.

Будет нега, будет тишь,

Будь в весельи мной.

Поседеешь, отцветешь,

Разлетишься весь

Но тоска и страхи – ложь,

Счастье вечно здесь.

К. Бальмонт. «Седой одуванчик»

Из дома слышались негодующие крики, затем – топот множества ног, и на улицу высыпали дети под предводительством Ники.

– Что опять случилось? – вопросительно подняла я брови, предчувствуя очередную проблему.

– Мам, жаб Василиса выпустила, ей жалко их стало, – сообщил Даня. – Мы поймать не смогли.

– Мам, мы других наловим, – пообещала, виновато шмыгая носом, Ника, в чьи обязанности входило следить за слишком активной

младшей сестрой.

Рядом сдавленно хрюкнула Юлька. Хоть кому-то здесь весело.

Я без сил опустилась на землю. Чудесно. Прекрасно. Превосходно. Несчастные мужики, превращенные в жаб, где-то прыгают, насекомых ловят, дети мне обещают собрать других жаб. А я... Я чувствовала приближение банальной истерики. Спасибо тебе, подруженька, за то, что своим появлением ты внесла сумятицу в мою и так не особо легкую жизнь.

Я рассмеялась, вдохнула поглубже, и долгожданная истерика накрыла меня с головой.

– Ну подумай, сбежали, – успокаивала меня позже Юлька, сидя в удобном мягком кресле возле моей постели и наливая уже третью чашку чая с валерьянкой. Мне, естественно. – Захотят назад оборотиться – сами прискачут.

– Я на их месте наоборот ускакала бы в любое болото, зарылась бы в иле, только чтобы с нами не встречаться, – хмуро заметила я, принимая из рук подруги чашку. – У них, вообще-то, семьи остались. Хорошо, если без престарелых родителей и маленьких детей.

– Вечно ты, Дашка, все преувеличиваешь, – отмахнулась от меня Юлька. – Пусть скажут спасибо, что стали жабами, а не, например, комарами или тараканами.

Я промолчала. Правильно Кощей сбежал, вовремя очень. Жаль, меня с собой не взял, зараза.

Ужинала я у себя, не одна, правда, в компании Юльки. Та весело болтала о своей семейной жизни, строила планы на недели отдыха и всячески пыталась отвлечь меня от грустных мыслей. Получалось плохо. Я автоматически жевала гренки с сыром, запивала их кефиром и не могла забыть несчастных жаб.

А утро принесло очередной ворох проблем. Не успело солнце появиться на горизонте, как к нам нагрянули обещанные гости. Марью и Лихо я еще принять могла, все же знала, что от них можно ожидать. А вот когда вслед за ними на лошадях в ворота въехали двое высоких широкоплечих молодцев, чересчур высоких и широкоплечих, следует признать, мне захотелось отправиться следом за Кощеем.

– Знакомься, дочка, побратимы мои, Илья и Алеша, – представил меня отец молодцам.

Они, одетые, как и отец, в широкие рубахи и штаны, светло-коричневых цветов, в ответ разулыбались, явив свету идеальные зубы молочного цвета.

Я сложила два плюс два, получила, как ни странно, четыре, и почувствовала зуд в ладонях. Мне жутко захотелось устроить скандал ненаглядному родителю за то, что молчал всю свою жизнь об одном факте своей биографии.

Я оказалась дочерью былинного богатыря. Какой кошмар. Нет, точно пора бежать.

От появления гостей больше всех ожидаемо выиграли дети. Даня, Лиза и Василиса, едва позавтракав в своих комнатах, стали хвостиками ходить за Лихо, Марьей и богатырями. Я не препятствовала их развлечениям, мне нужно было пообщаться с любимым родителем.

– Дочь, – ухмыльнулся отец, едва мы остались наедине в светло-голубой гостиной, обставленной мягкой мебелью, которую, к моему глубокому сожалению, не так уж просто было оторвать от пола, – не воюй. Я по глазам вижу: ты на взводе.

– Пап, а сказать было нельзя? – я подавила желание упереть руки в бока и скопировать любимую позу мамы. – Сколько лет прошло, нельзя было выбрать время и объяснить, кто ты и чем занимаешься? «Знакомься, дочка, побратимы мои, Илья и Алеша». А самого зовут Добрыня. Привет, древние былины.

– Милая, – отец, привыкший к многолетней жизни с мамой, меня, боевую, ничуть не боялся, а потому подошел, обнял, волосы взъерошил, – ты до сих пор довольно скептически относишься ко всему, что связано с этим миром, хотя, казалось бы, и сама колдовать умеешь, и замужем за Кощеем, и дети – маги. И тем не менее... Вот представь: сидим мы, ну хотя бы в этих креслах, пьем чай, и я между прочим говорю: «Родная, я – богатырь, да, тот самый, древнерусский, о котором в былинах написано». И как бы ты отреагировала?

Как, как... Температуру отцу измерила бы.

– Вовремя Кощей сбежал, – тоскливо вздохнула я, слушая многоголосый ор за окном. – Три богатыря, трое детей, Лихо, звери...

Отец широко улыбнулся:

– Что за жаб вы привезли?

– Заколдованных деревенских мужиков. Пап, они ускакали. Я семьи кормильцев лишила.

– Ты еще разрыдайся по этому поводу. Вернутся твои жабы, никуда не денутся. Набегаются и вернутся. Сами. А ты... Завтра мама приедет. Оставь на нас с ней внуков и отправляйся на Землю. Вместе с Юлей. Только Кощею сюрприз не устраивай. Дай мужику от вас всех отдохнуть. Даша! Дочь, глазами не сверкай. Не обязательно по бабам шляться, чтобы от семьи отдохнуть.

Я проворчала сквозь зубы несколько нелестных слов насчет такого времяпрепровождения, но отказываться от поездки на Землю не стала. Почему, собственно, нет. Мне, почтенной матери семейства, тоже необходим отдых, пусть и изредка.

Глава 6

Одуванчик Желтым был,

Сделался седым.

Жар огня меня слепил,

Но над ним был дым.

Листья были изумруд, —

Желто-красен лес.

Ну, так что ж, зови на суд

Произвол Небес.

Все непрочно, мол, вокруг,

Хрупки жемчуга.

Мне же мил мой вешний луг,

Любы и снега.

К. Бальмонт. «Изменчивость»

Мама не приехала – пришла порталом. Кощей и мне, и ей два-три раза в год напитывал энергией портативные порталы в виде колец, настроенные на наш дворец и их с папой дом, а потому мама в любой момент могла заглянуть в гости. Возможностью этой она не злоупотребляла. Чаще дети отправлялись к ней. Но вот сегодня прибыла, с двумя чемоданами на колесиках и дамкой сумкой в руках.

– Ты как в глушь собралась, – улыбнулась я при встрече. – У меня, вообще-то, все есть.

– Знаю я, как у тебя все есть, – отмахнулась мама, невысокая плотная блондинка, одетая в легкий цветастый сарафан.

Уехали мы с Юлькой через час, сели в ее ступу с тремя сумками и полетели к домику бабы Яги.

– Дашка, у тебя в роду тритонов не было? – насмешливо поинтересовалась любимая подруженька, когда мы поднялись под облака. – Ты так резко цвет меняешь с серого на коричневый.

– Иди ты, – беззлобно огрызнулась я, чувствуя, как от высоты и страха начинает ощутимо потряхивать, – ниже спускайся давай, а то я наколдую, ты ж знаешь.

– Что ты там наколдуюшь, – Юлька, хоть и ворчала, ступу все же спустила пониже, – наколдует она, ведьма великая нашлась. Трусиха ты, Дашка, а не ведьма.

Я промолчала. Зубы все еще выбивали дрожь, но я предпочитала думать, что это от холодного воздуха, а не от страха.

Минут через десять мы сели на поляне возле домика Юльки. «Рабочий кабинет», как в шутку звала избу подруга, смотрел на мир слюдяным окошком.

– Избушка, избушка, – пробормотала я, с трудом выбираясь из ступы, – дай своей хозяйке по шее, чтобы честных ведьм не мучила.

– Не дожدهшься, – противно ухмыльнулась Юлька, – это моя собственность. И слушается она только... Ай! Дашка, зараза! Отзови ее! Дашка!

Я сползла вниз по ступе и истерично расхохоталась, наблюдая, как резко ожившая избушка на куриных лапах активно гоняет по поляне свою хозяйку.

Ее слушается, ага. А то, что мы с Никой тут несколько дней жили и именно в этой самой избе я начала колдовать, то есть, фактически прошла магическую инициацию, роли не играет. Угу. Ну, пусть побегаёт немного. Физкультура, говорят, полезна для здоровья.

Набегавшись вдоволь и с трудом успокоив не на шутку разбушевавшееся недвижимое имущество, хмурая Юлька магией переправила наши с ней вещи в припаркованный неподалеку и скрытый от любопытных взглядов красный «шевроле».

– Куда едем? – я уселась на место возле водителя, предусмотрительно пристегнулась, помня о любви Юльки к высокой скорости.

– К тебе сначала. Я свою квартиру сдаю. Жильцы не поймут, если без предупреждения к ним нагрят.

Ко мне, так ко мне. Я свою жилплощадь не сдавала, смысла не видела: ремонта там не было, сами комнаты выглядели скромно, если не сказать, убого. Сюда изредка наведывались Ваня с Никой, когда бывали на Земле, да пару-тройку раз в год заезжал Кощей – обновить защитный контур, чтобы воры не лезли. В остальном же моя недвижимость оставалась нежилой, и по одной простой причине: в ней находился стационарный портал в Лукоморье. Оттуда сюда попасть было невозможно, а вот отсюда туда можно было переправить что угодно, в любом количестве. Чем наша семья и пользовалась, надо сказать, довольно активно.

Традиционные бабки перед подъездом неодобрительно покосились на Юлькин авто, оценили и мою юбку до колена, и ее рваные джинсы, и наши чересчур открытые, по их мнению, топы, прошипели вслед привычное: «В наше время молодежь подобного себе не позволяла».

Я только хмыкнула, поднимаясь по лестнице. Молодежь, надо же. Давно меня к молодежи не причисляли.

– Кофе, чай? – скинув в коридоре с ног мокасины и зайдя на кухню, спросила я, ставя чайник.

– А что у вас нормальное есть? – Юлька огляделась, недовольно сморщила нос. – Кощей мог и попримочнее твою берлогу обставить. Вон, одно старье.

– И что? – пожала я плечами, засыпая в заварник не особо дорогой черный чай с бергамотом. – Мы тут не живем, никого не пускаем сюда. Смысл? Лишняя трата денег, и только.

Юлька только фыркнула, садясь на деревянный табурет. Она, любительница роскоши, несомненно, и квартиру на моем месте обустроила бы, и жильцов начала бы пускать. Практичность была у нее в крови.

Глава 7

Щебетанье воробьев,
Тонкий свист синиц.
За громадой облаков
Больше нет зарниц.
Громы умерли на дне
Голубых небес.
Весь в пурпуровом огне
Золотистый лес.
Ветер быстрый пробежал,
Колыхнул парчу.
Цвет рябины алым стал,
Песнь поет лучу.

К. Бальмонт. «Веселая осень»

Я пила крепкий кофе без сахара, Юлька решила попробовать черный чай. Мы сидели вдвоем в небольшой, плохо обставленной кухоньке, без слуг, считай, без магии, и я наслаждалась жизнью. Не слышно было крика детей и постоянного ора Васьки, никто не забежал каждые пять минут в комнату с воплем: «Мама», не доставал своими подколами Кощей, да вообще, оказывается, и в одиночестве можно прекрасно прожить. А я, наивная, раньше этого не понимала.

– Дашка, ты себя в зеркале видела? – хмыкнула рядом Юлька. – У тебя ж поперек лица написано: «Кайфую. В семью не вернусь».

– А что я там забыла, в той семье, – лениво пожала я плечами. – Ни секунды покоя. Всем от тебя что-то надо, все что-то требуют. Достали. И вообще, не начинай. Хорошо сидим.

Юлька прыснула:

– Отдыхать тебе надо чаще, Дашка. Готовься, сейчас допьем эту твою бурду, я тебя в город вытащу. По магазинам пошляемся, в ресторане посидим. Может, человеком себя почувствуешь.

Да как скажете. Можно и в магазины с ресторанами заглянуть. Мне было все равно, где находиться. Главное, подальше от семьи.

Заев горький кофе шоколадной конфетой, сиротливо лежавшей в миленькой фаянсовой вазочке, я встала, потянулась.

– Надеюсь, кредитка Кощея выдержит наш отдых.

Юлька расхохоталась.

Выехали мы минут через двадцать. Юлька – за рулем, я – на заднем сиденье. Переодеваться не стали, решили, раз уж гуляем, то будем гулять в той одежде, в которой из Лукоморья улетели. Тем более, что с такой машиной по одежке нас вряд ли встречать станут.

Бутики, бутики, еще раз бутики. Я не столько покупала, сколько глазела. На Земле я появлялась редко, в Лукоморье обходилась услугами портнихи. Ну, или Кощей привозил готовые наряды. А потому сейчас, гуляя с Юлькой по магазинам, я ощущала себя настоящим, платежеспособным, а главное, полностью свободным, человеком. Несколько платьев, брендовая сумочка, два-три пояса, туфли – я купила только то, от чего действительно не могла отвести взгляд. Продавщицы, разглядев в нас с Юлькой состоятельных и довольно неприхотливых покупательниц, выворачивались наизнанку, чтобы угодить нам и получить как можно больше дохода. Я ходила по бутикам с приклеенной фальшивой улыбкой и ждала, когда Юлька скупит очередные полшкафа.

– Ну что, теперь в ресторан? А потом – в ювелирку? – предложила она, когда мы сгрузили в машину пакеты с покупками.

Я кивнула. Мне начинал нравиться такой активный отдых.

Ресторан «Матильда» пустовал. Столики, накрытые белоснежными льняными скатертями, были заполнены лишь наполовину. Негромкая музыка, полутемный зал, вежливые, обходительные официанты – что еще нужно для приятного времяпрепровождения. Мы с Юлькой уселись за высокой мраморной

колонной, спрятанные от любопытных глаз, сделали заказ, приготовились ждать.

Я вертела головой, рассматривая посетителей, впитывала в себя эмоции и впечатления. А потом... Потом в поле моего зрения появились новые клиенты «Матильды» – высокий представительный мужчина и молодая красавица-хохотушка, державшая его под руку. Сердце на миг пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой.

– Юля... – позвала я севшим голосом.

Юлька скосила глаза, заметила новеньких, нахмурилась:

– Что за...

Действительно, что за... За столик в другой части ресторана сел Кощей, мой якобы занятой муж.

Я почувствовала себя брошенной. И преданной. Снова. Первый раз меня предал жених. Теперь – муж. Обоих я любила...

За окном послышались приближавшиеся громовые раскаты, вдалеке сверкнула молния, по стеклу забарабанили первые капли дождя, горькие, как мои слезы, вот-вот собиравшиеся потоком хлынуть из глаз.

Мысленно я уже планировала развод, делила имущество и детей, а потому, когда чьи-то руки легли на плечи и встряхнули меня, я даже не отреагировала. Юлька. Кто еще мог рискнуть привести меня в чувство. Голоса рядом тоже меня не насторожили. Я полностью ушла в себя, свои переживания, ничего не видела и не слышала вокруг.

Меня вздернули вверх, подхватили под мышки и куда-то потащили. Я не сопротивлялась. Мне было все равно. Гроза набирала обороты и скоро грозила перерасти в настоящий потоп. Молния сверкала все ближе, гром грохотал уже над головой.

Я полностью погрузилась в свои ощущения и не реагировала на внешние раздражители.

Глава 8

От сосны до сосны паутинки зажглись,
Протянулись, блеснули, качаются.
Вот потянутся вверх, вот уж зыблются вниз,
И осенним лучом расцветаются.
Как ни нежен, дитя, детский твой поцелуй,
Он порвал бы их тонким касанием.
Луч осенний, свети, и блести, заколдуй

Две души паутинным сиянием.

К. Бальмонт. «Паутинки»

– Секретарша, – зычный голос разгневанного Кощея, наверное, слышали все соседи в доме, хотя двери и окна квартиры были закрыты. – Обычная секретарша. Что ты мне прикажешь, от голода в офисе умирать? Или макароны заказывать?! Где вообще были твои мозги?! Даша! С кем я разговариваю?! Искупала весь город в холодном ливне, а теперь глаза прячет! Юля, ты хоть ей скажи!

– Бесполезно, – в голосе Юльки послышалась ирония, – наша Даша сама придумала, сама обиделась, ошибки признавать не любит. Да, Даш?

Я молчала, угрюмо смотрела на старый линолеум на полу и изредка шмыгала носом. Гроза закончилась, на улице выходило из-за туч робкое солнце, а я... Да, я сглупила! Да, сделала поспешные выводы! А что еще в такой ситуации я могла подумать?! Она на него смотрела, как кошка на сметану, разве только не облизывалась! А он... Он ей улыбался! Самодовольно, между прочим!

Вдалеке снова послышались раскаты грома.

– Даша!

– Слышу, – огрызнулась я. – Со стороны вы смотрелись, как давние любовники!

– Ах, со стороны?! То есть ты прожила со мной столько лет и до сих пор мне не доверяешь?!

Я дернула головой, как будто сбрасывая обвинение. При чем тут доверие?! Когда она...

Меня снова вздернули вверх сильные мужские руки, и Кощей приник к моим губам своими в жестком, требовательном поцелуе. Несколько секунд я трепыхалась – меня не отпускали. Пришлось отвечать.

На краю сознания послышался скрип двери – Юлька вышла в другую комнату. Предательница!

Помирившись, через час с небольшим мы сидели за столом, ели заказанную Юлькой пиццу с оливками и грибами и планировали свой недолгий отдых на Земле.

– Неделя, Даша. Не меньше, – Кощей откусил часть пиццы, прожевал, качнул головой. – Ничего с детьми не случится за этот срок. За ними и бабушка, и дед присмотрят.

– И приедем мы на пепелище, – проворчала я, делая два глотка горячего крепкого кофе. – А там, между прочим, еще и жабы.

– Да забудь ты о них, – раздраженно дернула плечом Юлька. – Мы, можно сказать, за даром улучшили вашу экосистему.

Кощей поперхнулся, долго кашлял, потом бросил на Юльку взгляд исподлобья:

– Если у меня слуги пропадать начнут, я буду знать, в каком пруду их искать.

Умники. Смешно им обоим.

– У них, вообще-то, семьи остались, – попыталась я достучаться до совести обоих.

– И они рады-радешеньки, что от нахлебников избавились, – фыркнула Юлька. – Дашка, здоровые мужики к Яге лечиться не пойдут, разве что совсем помирать станут. А эти... на них пахать и пахать, а они по лавкам лежат!

Я беспомощно посмотрела на Кощея, пытаюсь найти поддержку.

– Вернешь ты кормильцев в семью, потом, отдыхай пока, – ободряюще похлопал он меня по руке.

Отлично. Как обычно, я осталась в меньшинстве.

Ближе к вечеру мы втроем вышли в парк. Джинсы, футболки, кеды – оделись как под копирку. На меня из зеркала смотрела располневшая после трех родов пацанка. Кощей был похож на бизнесмена на отдыхе. Одной Юльке шло все, хоть в мешок из-под картошки ее заверни.

– Даша, расслабься, – Кощей чуть сжал мою руку, – от тебя народ шарахается.

Я вздохнула. Расслабишься с ними, как же. Да и вообще, во время шоппинга моя голова была занята выбором одежды и прицениванием. А теперь, когда делать стало совсем нечего, все насущные проблемы навалились скопом.

В глубине парка, там, где кучно росли раскидистые деревья и высокие кусты, вдруг замелькали огоньки, причем ярко-фиолетового цвета. Юлька остановилась, прислушалась к чему-то, потом нахмурилась:

– Кикиморы шалят, парней в свои сети заманивают. Придется вмешаться. Иначе скоро в Лукоморье новые земляне появятся.

Кощей кивнул, решительно повернул усыпанной гравием дорожке.

На широкой, окруженной по периметру деревьями и кустами, явно искусственно созданной полянке залиристо хохотали три симпатичных худощавых девушки. Джинсы, майки, кеды – попробуй узнай в них кикимор. Только глаза горят каким-то серо-синим светом, но это если присматриваться. А так...

Рядом травили анекдоты четверо парней.

– Ой, какие мальчики, – громко, мечтательно закатив глаза, вздохнула Юлька. – Все четверо, как на подбор. Девочки, вам домой не пора?

– Они наши, – возмутилась одна из «девочек», в руках ее сразу же появился зеленый шарик. Запахло тинной.

Остальные «девочки» нахмурились и встали в ряд, решив воевать за «добычу» до последнего.

Юлька ничего не успела сделать. С моих пальцев сами сорвались искры, коричневые вперемешку с оранжевыми. Мне хотелось спустить пар после увиденного в ресторане, я не прочь была подраться.

Кикиморы дружно взвизгнули, начали уменьшаться в размерах. А потом уже визжала я: на траве под деревьями остались сидеть три

жабы.

– Третья бутылка водки была лишней, – ошарашенно пробормотал один из молчавших парней. И уже Кощею. – Слышь, мужик, ты бабу свою успокой. Она ж так голос сорвет, немой останется. – И сразу же, задумчиво. – Хотя, может, оно и лучше – немой. Меньше болтать будет.

С таким напутствием я замолчала сама. Юлька тем временем уже посадила жаб на ладони, прошептала что-то, и те исчезли – растворились в вечерних сумерках.

– Спать, – повелительно махнула рукой Юлька в сторону парней.

Они, не сопротивляясь, упали на траву и захрапели.

– Проснутся больными, – заметил Кощей.

Юлька скривилась, но в следующую секунду под четверкой оказался матрас. Сверху их укрывало одеяло.

– Пошли отсюда, – проворчала Юлька, – вещи сами исчезнут, когда мужики проснутся. А то Дашка еще кого-нибудь в жаб превратит.

Я покраснела, но промолчала, – голос я все-таки сорвала.

Дальше гуляли, каждый думая о своем.

– Куда ты их отправила? – только однажды спросил Кощей.

– В Лукоморье, к первым жабам, – блеснула глазами Юлька. – Расколдовывать, так всех вместе.

Я поперхнулась слюной, представив, как отреагируют лукоморские мужики на кикимор.

Глава 9

Анютины глазки,
Жасмин, маргаритки,
Вы – буквы на свитке
Поблекнувшей сказки.
Вы где-то дышали,
Кому-то светили,
Без слез, без печали,
Вы жили, вы были.
И вот чрез мечтанья,
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сиянья,

Дарите улыбки.

К. Бальмонт. «Анютины глазки»

Голос вернулся сам, на следующий день. На ночь Юлька напоила меня какой-то горькой гадостью, которую назвала настойкой на мухоморах, и утром я могла не только говорить, но и снова визжать. Впрочем, последнее было пока не нужно.

– Какое кино, – поморщилась Юлька во время завтрака, услышав планы Кощея на день. – Ты, значит, в офис сбежишь, а мы должны время в кино убивать?

– Предлагаешь вам обеим со мной в офис отправиться? – вопросительно приподнял брови Кощей. – Даша из-за одной

секретарши потоп устроила. А там женщин много. Зальет нас по самую макушку.

Я покраснела.

– Врете вы все, – фыркнула обиженно, сделав несколько глотков горячего крепкого кофе, – обижаете тихую скромную ведьму.

– Тихая скромная ведьма увеличила популяцию лягушек за пару дней сразу на несколько голов, – язвительно напомнила Юлька, жуя кусок пиццы. – Кощей, она опасна для общества. Ее из лукоморского дворца вообще выпускать нельзя.

Обормоты. Оба.

В итоге сошлись на том, что мы с Юлькой погуляем пару часиков по магазинам, пока Кощей решает свои дела, а потом втроем отправимся куда-нибудь в развлекательный центр. Боулинг, игровые автоматы, ледовый каток – да мало ли развлечений можно найти.

Кощей сбежал из квартиры с явным облегчением.

– Бедный мужик, – хмыкнула ему вслед Юлька, – с какой скоростью он ступеньки перепрыгивал. Довела ты, Дашка, мужа.

– Будешь умничать – в жабу превращу, – огрызнулась я и под смех Юльки отправилась переодеваться.

Блузка и юбка, цветастые, относительно теплые, как раз на ветреную погоду, сделали из меня растолстевшую фотомоделю.

– И чего ты ворчишь, – пожала плечами Юлька, когда я пожаловалась ей, что выгляжу не так, как надо, – ты сейчас в положении, так что... Дашка! Дашка, не смей падать в обморок!

Не упала, только оперлась спиной о стену прихожей и спросила севшим голосом:

– Это ты сейчас пошутила, да?

– С чего бы? – удивилась готовая к прогулке Юлька, красуясь голыми коленками сквозь джинсы и довольно смелым декольте синей однотонной блузки. – Ты что, правда, не знала?

Нет, конечно, не знала. Я ж не гинеколог, чтобы из-за малейших симптомов за тестом в аптеку бежать. Мне трех родов по самые уши хватило. Больше я никого не планировала. Тут Нику замуж выдать бы да эту троицу поднять, выучить, в идеале еще и с их вторыми половинками познакомиться.

– Ты сама мне настойку делала, – мрачно напомнила я Юльке.

– Так когда это было, – пожала плечами она. – Последний раз месяца три назад привозила. Или ты считаешь – выпил настойку и полгода свободен?

Не считала. Но эта беременность...

В общем, вместо прогулок мы с Юлькой отправились к гинекологу в ближайшую платную клинику. Анализы, узи, обследования. Вердикт не обрадовал: шестая неделя.

От аборта я отказалась, вышла на улицу из ворот клиники, села на скамейку, задумчиво уставилась перед собой.

– Не умирай, – ухмыльнулась Юлька, плюхаясь рядом. – Жизнь-то продолжается.

– Я боюсь вспоминать, сколько мне лет, – вздохнула я. – Ты видела глаза тех медсестер?

– Дашка, мозг включи уже. Ты далеко не старуха. Ведьмы живут долго. А глаза... Нормально на тебя смотрели. Как на всех. И вообще, хватит себя накручивать.

От спора нас отвлек трезвон мобильного.

На экране высветился номер Кощея.

– Да, – ответила я похоронным голосом.

– Даша? – встревожился Кощей. – Что произошло? Ты в порядке? Где Юля?

Я молча передала трубку подруге. Говорить не было ни сил, ни желания.

– Жива она, даже здорова, относительно, – сообщила насмешливо Юлька. – Ты там сидишь? Сядь на всякий случай. Нет уж, ты сядь. Сел? Ну, вот и молодец. Поздравляю, папаша, у вас будет двойня.

О двойне гинеколог не заикалась. Да и какой аппарат на таком сроке «увидит» количество эмбрионов. Так что либо Юлька врала... Либо...

– Алло! Кощей! Кощей, ты там жив? Смотри, помрешь, я некроманта найду, он тебя до родов Дашки личем оставит, – пригрозила добренькая Юлька. – Что? Нет, не шутка. Да, двойня. Ну, знаешь. Не доверять бабе Яге в таких вопросах. Я сейчас обижусь. Как, где мы? Возле клиники. Частной. Да, рядом с вашим домом. Подъедешь прямо сейчас? Ну давай, ждем.

Мобильник переключался в мои руки. Из трубки слышались короткие гудки.

Глава 10

Смех ребенка за стеной,

Близко от меня,

Веет свежую весной,

Говорит о власти дня.

Это сказка, это сон,

Что из нежных струй

Легкий стебель вознесен,

Воплощенный поцелуй.

Легкий стройный стебелек,

С ласковым цветком,

Завязь, в мире, новых строк,

Птичка с светлым хохолком.

К. Бальмонт. «Смех ребенка»

Кощей приехал быстро, минут через пять, буквально влетел на красном «феррари» в тихий пустой переулок. К тому моменту я почти успокоилась и смотрела на мужа глазами коровы, смирившейся с тем, что любимые хозяева ведут ее на убой.

– Даша? – Кощей сел рядом на лавочку, внимательно осмотрел меня с ног до головы. – Ты в порядке?

– Почти, – ухмыльнулась рядом язва Юлька. – Вот увидит рядом с тобой очередную фифу и точно в себя придет.

Вдали предупреждающе прогремел гром.

– Милая, – Кощей успокаивающе погладил меня по тыльной стороне ладони, сжимавшей ручку недавно купленной брендовой сумки, – тебе нельзя волноваться.

– Двойня, – тихо, неверяще произнесла я. – А тех куда денем?

– Каких «тех»? – не понял Кощей.

– Тех, – пояснила я, – которые уже родились. И живут. В Лукоморье.

Кощей недоуменно посмотрел на Юльку.

– Дашка, не придуривайся, – хмыкнула она. – Или я тебе до комплекта своих на годик подброшу.

Я вздрогнула, представив себе кавардак дома, и жалобно пробормотала:

– Девять месяцев. Не хочу. Я только недавно похудела!

Во взгляде Кощей появилась растерянность.

– Родная...

– Живот, – тяжело вздохнула я. – У меня снова будет большой живот. И снова потом худеть. Так нечестно! Вот мама отмучилась только раз!

– У нее истерика, – сменила мнение Юлька. – Кощей, сажай ее в машину. Дома будем разбираться.

Вдвоем они подхватили «счастливую» меня под руки, аккуратно довели до авто, усадили на красное кожаное сидение. Я откинулась на спинку, прикрыла глаза, измученная реальностью. Пора переходить к новому образу жизни. Опять.

Пока ехали к квартире, я мысленно оплакивала попрощавшуюся со мной свободу. Очередная двойня. Прощай, спокойные ночи, тишина в комнате, любимая еда...

Старушки на лавочке с подозрением наблюдали, как муж и подруга тащат мое безвольное тело к лифту. Видимо, уже посчитали пьянчугой или что-то вроде того.

– Даша, родная, мне нужно еще три дня, чтобы уладить дела, потом мы отправимся в Лукоморье, – категорично заявил Кощей, едва переступив порог квартиры.

Понятно. Неделя отдыха отменяется. И правда, где я и где отдых. Да и дети, должно быть, соскучились без мамы... Эх, а так все хорошо начиналось. Привет, родной мир, привет, любимая квартира. Нет же. Я забеременела.

С этой мыслью я жила следующие трое суток. И ни язвительные замечания пытавшейся расшевелить меня Юльки, ни заботливое отношение Кощя не могли вытянуть меня из самостоятельно созданного кокона, который я «свила» из жалости, страдания, усталости и отчаяния. Мне ужасно не хотелось снова ходить как переполненная бочка. Я не была против детей как таковых, но невероятно устала от необходимости постоянно за ними присматривать.

«Значит, в этот раз мама будет жить с нами не первые три месяца, а как минимум полгода после родов, – решила я. – И если Кощя что-то не устроит, может сразу уматывать к своим секретаршам. Я хочу нормально спать, хотя бы через ночь!»

– Милая, сегодня мы отправляемся в Лукоморье, – одной фразой Кощей разбил мой ценный кокон, вытащив меня за шкуру наружу.

Как отправляемся? Как домой? Как сегодня?! У меня же ничего не куплено!

Я заголошнно вскочила с дивана, заозиралась.

– Даша? Родная, что случилось?

– Куда мы отправляемся? – всплеснула я руками. – Кощей, у меня нет ничего для детей! Я Васькино все два года назад отдала! Я не планировала больше детей! В чем новые двойняшки ходить станут?!

– Старых разденете, – хохотнула из кресла неподалеку Юлька. – Дашка, успокойся...

– Нет! – решительно оборвала я ее. – Ты не понимаешь! Вы оба не понимаете! Нам нужно в магазин! Срочно! Кощей!

В ответ – мученический вздох.

– Родная, я сам могу все купить и привезти...

Я всхлипнула, пока – напоказ.

Кощей сдался и, бормоча что-то о сошедших с ума беременных женщинах, вышел в другую комнату – одеваться.

– Дашка, – Юлька покрутила пальцем у виска, – не ерунди. Куда ты в таком состоянии поедешь?!

– В магазин, – отрезала я, лихорадочно стаскивая с себя халат и пытаюсь найти уличную одежду. – Деткам нужны пеленки, распашонки, бутылочки, погремушки, коляски, кровати... Да мало ли...

– Прав Кощей, ты все же сбрендила, – проворчала Юлька.

Мне было все равно. Я поспешно надевала джинсы и кофту. Пусть обсуждают меня между собой. На здоровье. Главное – добраться до магазина и прикупить самое необходимое.

Глава 11

Зеленые мшинки

Росли на сосне.

Изумрудные жили пушинки

В лесном зачарованном сне.

Сосны были огромны,

Многозвенно гудел этот бор.

Но кораллы зеленые мшинок, мечтательно-скромны,

Не слышали вершинный тот хор.

И не видели мшинки,

Как лесные цветы,

Затаивши росинки,

Раскрывали тревожно листы.

К. Бальмонт. «Лесные кораллы»

В ближайшем крупном детском магазине было непривычнолюдно, как будто треть города сразу, в едином порыве, решила закупиться детскими товарами. Но кто сказал, что меня остановила бы такая толпа?! Я ходила по рядам и упорно скупала детские вещи, причем брала сразу в четырех экземплярах, на возраст от новорожденных до как минимум двух лет. На недоуменные взгляды мужа и подруги, пояснила:

– Ну... они же двойняшки, дети, маленькие, значит, все порвется быстро.

Странно, но, выйдя из магазина с внушительными пакетами в руках, я почувствовала, что успокоилась, может, не полностью, но от накрывшей меня истерики не осталось и следа. Я готова была к беременности. А роды... Сначала до них надо дожить. А потом... Потом отправлюсь на Землю, как и в прошлые разы.

Загруженные пакетами, мы втроем добрались из машины до квартиры, втащили все купленное в одну комнату.

– Ну что? – вопросительно повернулся ко мне Кощей. – Домой?

Я задумалась буквально на пару секунд, затем метнулась в соседнюю комнату, забрала вещи, с которыми приехала из Лукоморья, и только потом, стоя возле мужа и подруги, утвердительно кивнула. Да, теперь можно было и домой.

Портал Кощей открыл прямо в холл дома. Сначала вышел сам, забрал все пакеты, затем шагнули в Лукоморье и мы с Юлькой.

– Мама! Папа! Приехали! – буквально сбили нас с ног неугомонные дети.

Я прижала их к себе, погладила по взъерошенным макушкам, подумала, что скоро дома станет еще больше шума и гама, и устало вздохнула. Ну здравствуй, дом.

Мама очередным внукам обрадовалась больше меня.

– Ничего, – отмахнулась она, когда я заметила, что папе будет тяжело без нее полгода справляться, – захочет – сюда переедет. Тут места много.

«И Кощей окончательно сбежит на Землю, к своей секретарше», – угрюмо подумала я. Хотя, с другой стороны, выбора действительно не оставалось. С предыдущими двойняшками мне активно помогала Ника. Да и слуги еще не были такими зашуганными. А сейчас Ника собралась замуж, слуги косятся в сторону чересчур активных детей, стараются уследить за этой троицей, а значит, мне однозначно нужны были помощники. И лучше, чтобы ими стали родители, а не посторонние люди...

– Мамочка, – в комнату ворвался Даня, – а у нас во дворе жабы поселились! Много! Тетя Юля сказала, что это заколдованные принцы и принцессы! Мамочка, а можно их расколдовать? Мы с ними играть будем!

Я представила себе кикимор и деревенских мужиков в роли принцев и принцесс и хмыкнула:

– Вот пусть тетя Юля и расколдовывает. Она это умеет.

Даня умчался к «тете Юле». Мама качнула головой:

– Ох, Дашка, что вы с Юлькой творите.

– Улучшаем местную экологию, – проворчала я.

Юлька появилась сама в моей комнате ближе к вечеру. Прищурилась недовольно, плюхнулась в кресло напротив кровати, вытянула ноги.

– Значит, «пусть тетя Юля расколдовывает»? Значит, «она это умеет»? Как обращаться живых мыслящих существ в лягушек, так это Даша. А как расколдовывать – «тетя Юля». Нет уж. Завтра вдвоем будем над ними работать.

– Я беременна, – попыталась откреститься я от сомнительной чести стать помощницей бабы Яги.

– И? Излишки магии тебе все равно куда-то сбросить надо. Иначе случится ее переизбыток, и разнесешь ты тут все к чертовой бабушке.

Я недоуменно моргнула. Ведьма-самоучка, я впервые слышала о подобной необходимости.

Вечером, в постели, я уточнила у Кощея, что за фокус со сбрасыванием излишков магии.

– Обычная ситуация, – пожал он плечами. – Вспомни, как ты при первой беременности вместе с Никой цветы вырастить пыталась. Вот тебе и сброс магии.

Я помнила. Этот позор я, наверное, до конца жизни не забуду. Мы с Никой решили разбить несколько клумб во дворе. Ваньке с нами было скучно, он сбежал минут через пять после начала сего действия. Зато прибились к нам и шушиндра, и жар-птица, и Васька. С их помощью мы и землю насыпали в нужные емкости, созданные Кошеем, – что-то вроде полых шин – и семена аккуратно воткнули по всему периметру. Теперь оставалось полить наши труды. Ходить за водой мне было лень, и я вызвала дождик, небольшой, так, минуты две покапало из тучки прямо над «шинами». Дождик, наверное, оказался радиоактивным, или же у меня засбоила магия, но цветы из земли полезли сразу же, правда, почему-то с зубами вместо лепестков. И этими зубами цветики, которым положено было стать милыми ромашками, начали активно щелкать. Сначала досталось Ваське, вернее, его хвосту. Кот заорал как резаный и бросился наутек. Затем вырвали перо из хвоста жар-птицы. Та заверещала и последовала за

Васькой. Мы с Никой и шушиндрой, уже наученные горьким опытом, сами отбежали подальше. Не помогло: цветы попытались вылезти из клумб и отправиться за нами. Если бы не проходивший мимо Кощей, то гоняли бы нас те цветики по всему дому.

– Вот и завтра случится что-то подобное, – вздохнула я, предчувствуя провал. – Мало Юльке опыта с лягушками. Зовет бездарную ведьму в помощницы.

– Не ворчи, – Кощей ласково погладил меня по волосам. – Ты вовсе не бездарная. То средство от бессонницы у тебя отлично получилось.

– После которого Васька сутки за любой живностью по дому гонялся, а потом продрых два дня без задних лап? – уточнила я.

– Ну... – хмыкнул Кощей. – Скажем так, у него проявились неожиданные побочные эффекты.

– Очень неожиданные, – проворчала я, все больше не желая участвовать завтра в Юлькином «превращении».

Глава 12

Я не хотел бы стать грозой,

В ней слишком-слишком много грома.

Я б лучше сделался росой,

Ей счастье тихое знакомо.

Я б лучше сделался цветком,

Как цвет расцвел бы самый малый.

Ему не нужен шум и гром,

Чтоб быть счастливым в грезе алой.

К. Бальмонт. «Лучше»

На следующий день, рано утром, что называется, едва встало солнце, мы с Юлькой стояли на заднем дворе, перед несколькими, посаженными в ряд, толстыми жабами.

– Юль, – я зевнула, прикрыла рот ладонью, потерла слипавшиеся глаза, – тебе не кажется, что их тут больше, чем надо?

– Вот и выясним, – отмахнулась она от меня, – опытным путем, так сказать. Колдуй давай.

– Я?

– А кто ж еще? Ты их превращала в жаб, прямо или косвенно, тебе их и в человеческий вид возвращать. А я, если что, подстрахую.

– Интересно, как.

– Излишки твоей магии приму, чтобы ты дом не разнесла на молекулы.

И вот поспорь с такой упертой подругой.

Я вздохнула, пару секунд потеряла в руках белоснежную бахрому сарафана, в котором вышла на улицу, посмотрела на жаб, на Юльку, вспомнила те редкие уроки, которые мне давал Кощей,

заклинания из родовой книги... А потом вдохнула поглубже и от всего сердца пожелала, чтобы все жабы, сидевшие перед нами с Юлькой, превратились в людей. Ну, или кикимор. В зависимости от того, кто кем был раньше.

Какое-то время ничего не происходило. Я уж было наивно понадеялась, что и не произойдет. Но жабы вдруг начали меняться на глазах, раздаваясь в ширину и в длину.

– Ой, – изумленно пробормотала я, наблюдая, как рядом с мужиками из деревни и кикиморами становятся стройные красавицы с коричневой кожей. Каждому мужику по красавице. Вот тебе и царевна-лягушка.

– Матушка ведьма, – то ли выплюнул, то ли выдавил из себя одни из мужиков, – пощади! Не разлучай нас с женами нашими!

Юлька хрюкнула и затряслась в истерике.

Я закусила губу. Приехали.

– А семьи ваши?

– Сироты мы, – прогудел второй мужик. – Все четверо – сироты. Пощади, матушка ведьма!

Юлька сползла по стенке дома на землю, смех стал перемножаться с икотой. Вот уж кому действительно весело.

– Односельчанам как жен объясните? – спросила я, понимая, что вернуть жабам их родной облик не смогу – умения не хватит.

– Милостью твоей, матушка ведьма, – подключился третий мужик. – Скажем, что сама ты нам жен выбирала.

Юлька тихо заскулила на земле. Вот же... Подруга, называется...

– Идите, – слабо махнула я рукой.

Всех бывших жаб как ветром сдуло.

– Вставай, – повернулась я хмуро к Юльке. – А то тебя в жабу превращу.

В ответ – скулеж. Подруга явно находилась в неадеквате.

– Жабы, ик, бабы, ик.

Очень информативно.

– Юлька, у тебя совесть есть?

Где совесть, и где Юлька.

– Дашка, – немного успокоившись и с трудом поднявшись, выдала Юлька, – ты – главный разрушитель местной экосистемы. Это ж додуматься надо... Жабы...

– Да ну тебя, – насупилась я. – Вот и снимала бы чары сама. Я этому не училась.

– Я тоже, – ошарашила меня внезапно Юлька. – Правда. Это ты у нас уникальная – людей в жабы превращаешь, а потом – назад. Обычно обратной дороги нет.

Я замерла, недоверчиво мотнула головой.

– Это ты сейчас врешь, да?

– Если бы.

– А почему молчала?!

– Решила посмотреть, что у тебя получится. Дашка! Дашка, зараза!

С моих пальцев сами собой сорвались молнии. Следующие несколько минут я гоняла эту хохотавшую обормотку по периметру двора, выпуская пар.

Впрочем, Кощей отреагировал примерно так же: расхохотался и долго не мог успокоиться. Естественно, я надулась. Никакой поддержки от любимых друзей и родственников!

– Не обижайся, родная, – вытирая слезы, пробормотал Кощей. – Но я первый раз слышу, чтобы жабы в людей превращались. Настоящие жабы, я имею в виду. Ты у нас гений генной инженерии.

Ответить я не успела: за окном забарабанили по подоконнику лиловые и оранжевые дождевые капли.

– Я их выпорю, всех троих, даже разбираться не буду, – пригрозила я.

– Тебе, значит, можно, а нашим детям – нет? – ухмыльнулся Кощей. – Пойдем хоть посмотрим, что и из чего у них снова получилось.

Дети отыскались в холле: вместе с Васькой, шушиндрой и жарптицей наблюдали за разноцветным дождем.

– Где бабушка с дедом и откуда это все? – повела я рукой в сторону дождя.

– Бабушка уехала с дедушкой и его друзьями в город на ярмарку, – доложил Даня.

– Мы родовую книгу призвали, – гордо сообщила Лиза.

– Дождь откуда? – я постаралась не акцентировать внимание на том факте, что двойняшки уже достигли того уровня магии, после которого им подчинилась книга.

– Конфеты, – выдала Василиса.

– Не то прочитал, – пожал плечами Даня. – Там все непонятно написано.

Рядом тихо хмыкнул Кощей. Я прямо-таки читала его мысли: «Подумаешь, дождь. Хорошо хоть дом не спалили».

Глава 13

Отчего цветет цветок,

Разгадать никто не мог.

Но цветок всегда цветет,

День за днем, за годом год.

И за годом год, всегда,

Светит вечером Звезда.

И для нас, века веков,

Нет разгадки лепестков.

Но зачем разгадка мне,

Если я молюсь Весне,

Если я в вечерний час

Рад, что вот, Звезда зажглась.

К. Бальмонт. «Цветок»

– Жар-птица что? – неверяще спросила я на следующий день у Юльки.

Та пожала плечами:

– Это не жар-птица «что», а Вася. Ей же захотелось «собачку, пушистую, как котик». Жар-птица просто-напросто это желание исполнила.

На воображение я не жаловалась, но тут оно выдало мне совершенно неприличные картинки.

– И где это чудище? – вздохнув и попытавшись смориться с необходимостью кормить еще одного проглота, уточнила я.

– Ты точно хочешь его увидеть? Может, потом? Сюрприз будет, – ехидно заметила Юлька.

– Прибью, – устало пообещала я. – Где?

– На заднем дворе, где ж еще. Думаю, Кощей о нем еще не прознал. Не успел.

Юлька ошиблась: Кощей разглядывал «собачку» вместе с восторженными детьми.

Четырехлапое чудовище, заросшее пушистой густой шерстью, больше всего напомнило мне высотой и строением помесь колли и сенбернара. Только те все же были поменьше размерами. И не такие пушистые.

– Где она? – заозиралась я, рассмотрев и длинные клыки у «собачки», и когти на лапах, да такие, что при желании живность могла передвигаться по стенам. – Где эта вредительница? Сейчас я сверну ей шею.

Кощей удивленно приподнял брови:

– Так это не твое?

– Жиры. В подарок Васе.

– Чудесный подарок, – задумчиво проговорил Кощей.

– Да, я тоже оценила. Куда его теперь?

– Мамочка, папочка, – когда дети хотели, они могли ныть очень дружно, все трое, – мы на Лиске кататься будем! Она не против! Ну мамочка! Ну папочка!

– На ком? – ошарашенно уточнила я. Юлька рядом расхохоталась. – На этом вот? Кататься?

– Вместо лошади, – насмешливо выдала любимая подруженька. – И пони покупать не надо.

Пони очень хотела Васька, но сейчас, похоже, она передумала и была согласна ездить на непонятном пушистом чудовище.

«Лиска» между тем зевнула, смачно, громко, продемонстрировав частокол зубов и язык длиной в половину моей руки. Я впечатлилась. Кощей – тоже.

В конечном итоге, после долгих торгов с детьми, «Лиска» отправилась к деду – служить помощницей богатырей. Ну, или пугалом. Смотря куда припашут. Ваське же, как и старшим, Кощей

пообещай в следующем месяце привезти пони. Одного. Заодно делиться научатся.

– Нику скоро замуж выдавать, – напомнила я Кощей, едва мы с ним оказались в нашей спальне. – Сколько осталось до этого события? Пять недель? Шесть? А у нас ничего не готово.

– Не паникуй, – Кощей зевнул не хуже «Лиски». – Все мы успеем.

Я не была в этом уверена, но спорить не стала, только спросила:

– Жить они где будут?

– Здесь, – пожал плечами Кощей. – Где ж еще.

И правда. Они и сейчас здесь живут, но только как жених с невестой. А вот как образуют отдельную ячейку общества, в сочетании с двойняшками, которые появятся на свет через семь месяцев...

Я поняла: выдержу первые полгода после родов, затем сбегу на Землю в отпуск. Одна.

– Пора готовиться к свадьбе Ники, – словно прочитала мои мысли мама на следующее утро. – Осталось чуть больше месяца. Нет ни списка гостей, ни перечня блюд, что будут на столе, платье не куплено. Да мало ли.

– Mam, я беременна, – напомнила я, надеясь отвертеться от всех этих хлопот.

– Беременна не смертельно больна, – отрезала мама, – она твоя дочь, между прочим.

Помню. Как и то, что сама Ника предпочла бы обойтись без пышной свадьбы, кучи блюд на столе и шикарного платья. У нее голова занята совершенно иным. Но то Ника. А вот ее бабушку не переспоришь. Не смогла свадьбу дочери организовать – на внучке отыграется.

– Завтра отправимся вместе с мужчинами порталом в столицу, – «обрадовала» меня мама. – Нике я уже сообщила.

– С мужчинами? – насторожилась я.

– Кощей, твой отец и Ваня.

Ой-ё... Я заранее сочувствую той бедной столице...

Глава 14

Раковинки, камешки, игрушки,

Сказки-травки в зеркале реки.

Жил Старик и говорит Старушке: —

Мы с тобой зачухнем от тоски.

Говорит Старушка: Что же, Старый,

Создавай ты Море для людей.

Я создам ручьи, лесные чары,

Жить тогда нам будет веселей.

Люди кораблей себе настроят,

Будут петь, браниться, и кричать.

Если ж мысли их беспокоят,

Ключ лесной им будет отвечать.

Дети прибегут играть на взморье,

Море что и бросит для детей

Им забава, нам, седым, подспорье,

Будет Старым в мире веселей.

К. Бальмонт. «Раковинки»

В столице я бывала несколько раз за все годы жизни в Лукоморье. Дети не давали часто выбираться куда-либо, а потому я заранее решила оттянуться по полной в этот раз, предчувствуя, что нынешняя беременность надолго оставит меня в четырех стенах.

Деревянные домики в древнерусском стиле, с резными ставнями и крылечком, соседствовали с каменными домами с флюгерами на крышах. Каждому сословию выделялся свой квартал, и купцы могли прожить всю жизнь в своем районе и ни разу не появиться, например, у голытьбы или мастеровых.

Я долго ругалась, узнав о таком поистине кастовом делении.

– Заниматься народным просвещением я точно не стану, – отрезал Кощей в ответ на мою гневную проповедь. – И тебе не дам. У нас других дел хватает. Тем более, что мои люди самых талантливых из любой среды отмечают и продвигают вверх. Так что те, кто умнее других, не пропадут.

– Ну да, в своем квартале, – фыркнула я. Но спорить дальше не стала – бесполезно.

Кощей открыл портал из холла этого дома в холл дома столичного, чтобы не шокировать жителей нашим появлением словно из-под земли. Народ тут, конечно, магов не боялся, но от удивления мог и чем-то тяжелым «приласкать».

Хоромы у Кощея, как у правителя государства, были построены из камня. Внутри давался доступ только двум-трем советникам, приближенным к персоне «царя-батюшки» и иногда появлявшихся на Земле. А потому никого не могли шокировать ни иномирная техника, ни обстановка, непохожая на ту, к которой привыкли обычные жители.

Напольное зеркало в человеческий рост, фарфоровые вазы, высокие, длинные, по углам, на потолке – многорожковая люстра с «висюльками», как я называла этот элемент декора. На полу – ковер, широкий, ворсистый, теплый. На стенах – панно с изображениями диковинных зверей и птиц. Один носорог в обнимку с гепардом чего стоит.

В общем, обстановка сразу же давала понять: здесь живет далеко не бедный человек.

Вещи мы с собой не брали, а потому и из дома вышли сразу же, в традиционных нарядах. Женщины – в сарафанах, мужчины – в штанах да рубашках. Это во дворце, дома, я могла позволить себе джинсы –

челядь уже привыкла к капризам супруги господина. Здесь же следовало соблюдать вековые традиции, чтоб их.

Первым делом, по шумной, мощенной крупным камнем мостовой, мы внушительной толпой отправились к магазину готового платья. Ника заартачилась, заявила, что на портних у нее времени нет, нужно и учиться, и эксперименты ставить, а потому лучше погулять по магазинам один раз, но выбрать нужное, чем выстаивать манекеном часами в различные дни. Я спорить не стала: нет, так нет. Лишний повод посетить столицу.

Платья и сарафаны, в том числе и ярко расшитые, нарядные, продавались в самом центре столицы, под яркой вывеской с изображением разных нарядов. Высокая дородная женщина в длинном платье, закрывавшем ее тело с головы до ног, наметанным взглядом оценила и качество нашей одежды, и представительный вид Кощея с отцом, и обережные узоры на женских сарафанах.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – расплылась она в приторной улыбке. – Чего изволите?

– Покажите нам сарафаны, – попросила я. – Такие, которые можно было бы на свадьбу надеть.

Продавщица недовольно сверкнула глазами, но объяснять клиентам, что по традиции невеста обязана сама сшить и украсить свадебный наряд, не стала, вместо этого повела рукой вглубь зала:

– Прошу за мной.

Мужчины отправились выбирать наряд жениху, женщины – невесте.

– Вот почему сарафан, а? – буркнула себе под нос Ника, оглядывая многочисленные ряды с одеждой. – Почему не платье?!

– Потому что традиция, – хмыкнула я. – Скажи спасибо, что я тебя не посадила бисером расшивать свои наряды.

– Злая ты, мам, жестокая, – с придыханием выдала дочь и отправилась выбирать сарафан, в котором пойдет к алтарю.

Мы с мамой, недолго думая, взяли себе по сарафану, обычному, белому, решив дома перед торжеством, довести их до ума, и отошли к окну.

Ника между тем решила показать себя чересчур придиричивой клиенткой. То подол слишком яркий, то обережные знаки нашиты не

там, где надо, то рукав широкий. Претензии сыпались, как песок из дырявой бочки.

На десятой модели я не выдержала, сдернула с вешалки первый попавшийся сарафан и буквально насильно впихнула его в руки Нике.

– В жабу превращу, – выдала я самую убойную свою угрозу. – И Ваньку заставлю поцелуем расколдовывать.

– Злая ты, мам, жестокая, – повторило недовольное дитя и отправилось рассчитывать за вещь.

Глава 15

Небосвод сегодня новый,
Свежий, светлый, бирюзовый,
За ночь мылся он дождем,
У зари он занял, рано,
И белила, и румяна,
И лазурности притом,
От лучистой желтой пыли
Облака его прикрыли
Вскипом белых покрывал,
И звенит наш день веселый,
И припали к розам пчелы,

Нежа розовый бокал.
К. Бальмонт. «Новый день»

Выбранные вещи, тщательно упакованные в бумажные пакеты, Кощей отправил порталом в городской дом. После этого, довольная, что одной проблемой теперь меньше, Ника заявила, что хочет погулять по постоянной ярмарке, раскинувшейся в районе купцов. Мол, и украшения подобрать, и на людей посмотреть.

– И себя показать, – добавила я ехидно.

– Ага, – согласилась Ника. – Мне ж потом не до того будет.

И правда. Отправиться на ярмарку вдвоем с Ванькой после свадьбы? Да вы что, никогда!

Многочисленные ярмарочные ряды протянулись чуть ли не на несколько километров. Продукты, напитки, промтовары, саженцы, семена, оружие, ткань, книги, украшения, старинные вещи – чего тут только ни было.

Мы ходили по рядам, смотрели, приценивались. Решили не разделяться и сначала удовлетворить прихоти женщин, потом прогуляться к нуждам мужчин. Я старалась не думать о финансовой составляющей вопроса, хотя моя личная жаба квакала все громче. Зачем, спрашивается, Ника схватила тот украшенный драгоценными камнями гребень, если у нее есть обычная земная расческа? А кольцо! Да мне от той цены, что за него просили, сразу плохо стало! А ткань! Моя любимая дочь терпеть не может портных, а тут вдруг прикупила целых два рулона яркой хлопчатобумажной ткани! Разорение!

– Успокойся, – хмыкнул рядом Кощей, – прекрати дышать, как паровоз. В конце концов, ты не каждый день ее замуж выдаешь. Пусть побалуется себя.

Я только недовольно фыркнула. Значит, как я двойняшкам вещи покупала, так транжирой назвали, а тут – «пусть побалуется себя»! И вот где здесь логика?!

Купив у лотошников несколько ватрушек, мы удовлетворили голод и уже собирались возвращаться домой, когда из-за угла очередного ряда на нас налетело нечто маленькое, грязное и жутко кричавшее. «Нечто» взлетело по чистому сарафану Ники, оставляя на нем грязные следы, и устроилось на плече, тяжело дыша.

– Вася? – распознала я в грязном создании нашего домашнего кота.

Тот ответить не успел – следом, сшибая все на своем пути, вылетела торговка, дородная бабища в три-четыре моих обхвата.

– Вор! – заверещала она на всю площадь, указывая то ли на Нику, то ли на Ваську у нее на плече. – Держи вора!

Народ вокруг насторожился, начал заинтересованно оборачиваться в нашу сторону.

Кощей взмахнул рукой – баба застыла, раскрыв рот.

– Вася? – Кощей вопросительно уставился на кота.

– Пирожок, – огрызнулся тот, – старый, причем. Все бабы дуры!

За пирожок и назревавший скандал пришлось заплатить полновесной серебряной монетой.

– До дома не мог дотерпеть? – выговаривал Кощей Ваське, когда мы порталом вернулись во дворец. – И вообще, что ты в столице забыл?!

– Не мог, – угрюмо огрызнулся Васька. – Я – животное маленькое, мне питаться надо много и часто! Ай!

– Не «ай», а в следующий раз веником по заду получишь, – пообещала я, хлопнув кота по ушам. – Что ты там делал, в столице?!

– Вас искал, сказать хотел, что тебя с Юлькой бабы-жабы ждут.

– Кто? – не поняла я.

– Те, кого ты из жаб бабами сделала, – перевел Кощей. – Ради этого надо было в столицу бежать?

– Меня больше интересует, как он туда попал, – задумчиво заметила я.

– Свои тропы есть, – отрезал недовольно Васька. – И вообще, я есть хочу!

К жабам, ждавшим на заднем дворе, мы с Юлькой отправились вдвоем.

– Вот что им еще надо? – ворчала Юлька. – Бабами стали, мужиков себе нашли. Какого лешего им в деревне не сидится?!

У меня не было ни малейшего желания выяснять этот вопрос. Мысленно я уже справляла свадьбу Ники и пиновала за столом. Появление бывших жаб меня вообще ничем не заинтересовало.

Четыре женщины с коричневой кожей, одетые в местные длинные сарафаны, стояли в ряд молча, ждали нас с Юлькой.

– Добрый день, матушка ведьма, – завела разговор первая, поклонившись. Остальные последовали ее примеру.

Я кивнула.

– Зачем пожаловали?

– На сносях мы все четверо, выходит, матушка ведьма.

– Поздравляю, – сухо откликнулась я, гадая, когда они успели забеременеть. Получалось, что еще в образе жаб. – Я чем могу помочь?

– Так это, – замялась старшая, разговаривавшая со мной, – матушка ведьма, мужья наши люди бедные...

– И?

– А деткам приданое нужно...

– Я тут при чем? – все еще не могла понять я.

– Так, матушка ведьма, говорю ж, приданое нужно. Ты нас в людей обратила, тебе и приданым обеспечивать.

На секунду я растерялась. Затем с пальцев сорвались ярко-красные искры, закружили в воздухе. Пахнуло раскаленным воздухом, температура нагрелась. Жабы завизжали, бросились врассыпную. Через несколько секунд во дворе остались только я и хрюкавшая от смеха Юлька.

– Нет, ты видела? – повернулась я к ней, пылая негодованием. – Они вышли замуж, залетели, а мне их детей приданым обеспечивать! Наглость, блин, второе счастье.

Юлька каталась по полу от смеха, изредка взвизгивая.

– Не смешно, – пробурчала я, направляясь к дому. – Надо было их все же поджарить. Говорят, лягушачьи лапки – самый настоящий деликатес.

Глава 16

Русалка с звонким хохотком,
Таким хрустально-чистым,
И в этом воздухе ночном,
Так лунно-серебристом,
Меня звала, и мне плела
Такие небылицы,
Моя разумность вдруг прошла,
И стал я легче птицы.
И в воду, прямо в воду к ней, —
Удержат ли обрывы!
Но, горе храбрости моей,
Русалочки смешливы.
Я захлебнулся, чуть дышу,
Они меня щекочут,
Как лягушонок, я пляшу,
А им-то что, хохочут.
К. Бальмонт. «Русалочка»

Свадьба Ники состоялась в солнечный осенний день. Деревья в лесу радовали глаз разноцветной листвой, над головой пели птицы, воздух был чист и прозрачен. Бракосочетание состоялось в чистом поле, недалеко от перелеска.

Ника, одетая в выбранный мной ярко-красный сарафан, расшитый бисером по подолу ею собственноручно, стояла возле Ваньки, тоже наряженного во все красное: штаны, рубаха, кафтан, кушак, даже сапоги.

Они выглядели отличной парой, и я искренне надеялась, что их совместная жизнь окажется счастливой.

Лихо и Соловей держали над молодыми ветки рябины с плодами. Ника и Ванька по очереди произносили брачные клятвы, а я изредка тайком косилась в сторону накрытых столов и старалась поменьше слушать урчание желудка. Позавтракать мне утром не удалось, и сейчас, наблюдая за выходящей замуж дочерью, я все чаще вспоминала слова Васьки: «Я – животное маленькое, мне питаться надо много и часто!»

Наконец, усевшись с Кощеем за стол, я приступила к трапезе. Кусок мясного пирога отлично подошел к тарелке с борщом наполненной до верха. Затем – еще один кусок пирога, на этот раз с рыбой, и овощной салат, кусок сыра, несколько кусочков колбасы, кусок пирога с фруктами, который отлично запился двумя стаканами морса.

Почувствовала я неладное, когда за шумным столом установилась мертвая тишина. Подняв глаза от тарелки, я заметила, что гости смотрят на меня с любопытством.

– Что? – уточнила я.

– Ничего, родная, – чуть насмешливо улыбнулся Кощей. – Народ поспорил, сколько кусков разных пирогов ты съешь. Пока что всего лишь три.

– Не смешно, – фыркнула я. – Мне, между прочим, надо кормить сейчас не только себя.

Среди гостей послышались смешки.

Конкурсы и поцелуи молодых прошли мимо моего сознания. Наевшись, я сидела за столом и с блаженной улыбкой любовалась начавшей желтеть травой на поле, вдыхала чистый воздух, думала, планировала, совершенно не участвуя в развлечениях молодежи. Да и

в самом деле, не пристало почтенной матери семейства искать чью-то туфлю или пить из огромного кубка.

Очнулась я, когда чья-то широкая, явно мужская, ладонь появилась перед моими глазами.

Я перевела взгляд с ладони на ее владельца. Кощей сидел рядом и довольно ухмылялся.

– Что опять? – вздохнула я.

– Всего лишь пора возвращаться домой, – уведомил меня Кощей. Молодые удалились в свои апартаменты, гости разошлись. Поднимайся, родная, свадьба закончилась.

– И слава богу, – буркнула я, вставая из-за опустевшего стола и ощущая себя этаким шариком на ножках. – Разорение сплошное. Столько денег потратили.

– Стареешь, милая, – ехидно заметил Кощей.

– В жабу превращу, – ругаться мне было лень, а потому я шагнула в раскрывшийся портал и с радостью растянулась на любимой постельке.

ЭПИЛОГ

Одуванчик вздумал взять

Замуж маргаритку.

А червяк, чтоб не отстать,

Замуж взял улитку.

И ликуют два цветка,

Счастливы друг другом.

И улитка червяка

Назвала супругом.

Но мгновенно улетел

Одуванчик белый.

Маргаритке был удел

Стать вдовой несмелой.

А с улиткой каблуком

Вмиг была расправа,

Что же стало с червяком,

Я не знаю, право.

К. Бальмонт. «Детская песенка»

– Мам, так нечестно! – Даня, подросток четырнадцати лет, влетел в комнату. – Папа с Лихо на охоту едут, а мне дома сидеть, с мелкими! Ну мам!

– Так я тут при чем, – пожалала я плечами, – с папы и спрашивай. Только мы, помнится, договаривались, что на охоту папа будет тебя брать с пятнадцати лет, нет?

– Так нечестно, – надулся сын. – Дядя Соловей Витьку в двенадцать уже берет!

– Ябеда, – появился в дверях одетый для поездки верхом Кощей, потрепал обиженного сына по волосам. – Иди готовься. Выезжаем через полчаса.

Даня просиял и бросился вон из комнаты.

– Вернетесь без зайца или утки – будете есть старые щи, – пригрозила я.

Кощей только хмыкнул.

Я родила в срок, как и предсказывала Юлька, двойню, двух девочек, Лику и Свету. Теперь они, веселые здоровые трехлетки, под присмотром Василисы и нянек, активно познавали мир. Меня же Кощей усадил за магические книги. Он не терял надежды сделать из меня приличную ведьму. Я не спорила, но когда собиралась колдовать, предупреждала детей, и они, наученные опытом, старались сбежать от меня как можно дальше.

Ника родила через месяц после меня, крупного мальчишку, которого называли Добрыней, в честь его прадеда.

Тот возгордился и пообещал в честь правнука совершить сразу несколько ратных подвигов.

Лиска у богатырей освоилась, стала чем-то вроде домашней зверушки.

Юлька помирилась с Соловьем, исполнила свою угрозу и отправила детей ко мне, на целый месяц. Как эти бандиты не разнесли дворец на мелкие части, для меня до сих пор оставалось загадкой.

Бабы-жабы родили маленьких хорошеньких деток, и теперь их мужьям было не до охов и вздохов – трудились в поту, стараясь обеспечить свои семьи.

– Главное, как можно больше дичи привезите, – напутствовала я Кощей, когда он, спустя полчаса выходил из моей спальни. – Папа с

мамой в гости собираются, вместе с папиными побратимами. Кормить эту ватагу чем-то надо.

notes

Примечания

1

Шишига – маленькое горбатое существо женского пола в русском фольклоре, живёт в камышах, предпочитает мелкие речушки и водоёмы. Считалось, что она ходит голой со взъерошенными волосами.

2

Обработка текста авторская.

3

Намек на бракосочетание в древнерусском стиле.

Гáрри Джеймс Пóттер (англ. Harry James Potter) – литературный персонаж, главный герой серии романов английской писательницы Джоан Роулинг.

5

Намек на фразу из фильма «В бой идут одни старики».

6

Фраза из филъма «Марья искусница».